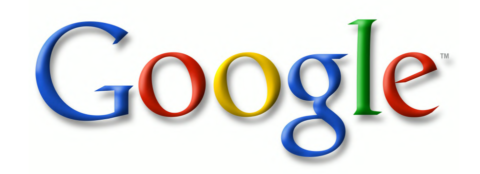
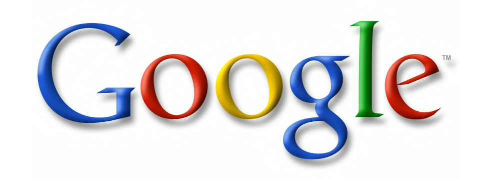

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

И

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Mikhalovskii, D. L.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

И

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Д. Л. МИХАЛОВСКАГО

ТОМЪ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1896

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ (второмъ) изданіи моихъ стихотвореній сдѣланы мною существенныя измѣненія и дополненія противъ 1-го изданія: исключенъ отдѣлъ «изъ итальянскихъ поэтовъ». Прибавлено значительное число стихотвореній изъ тѣхъ же англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія которыхъ, въ моихъ переводахъ, были помѣщены въ первомъ изданіи, а также стихотворенія другихъ иностранныхъ авторовъ, въ томъ числѣ цѣлый отдѣлъ «изъ французскихъ поэтовъ». Прибавленъ отдѣлъ «для дѣтей». Наконецъ, ко всему этому присоединены мои оригинальныя, т. е. непереводныя стихотворенія. По незначительности числа этихъ послѣднихъ (тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ собственныхъ моихъ произведеній, напечатанныхъ и не напечатанныхъ, выбраны мною только тѣ, которыя я нахожу лучшими) я не счелъ удобнымъ издавать ихъ отдѣльною книжкой.

Что касается переводовъ моихъ изъ иностранныхъ поэтовъ, то я повторю то же, что было сказано мною при первомъ изданіи. «Не всѣ эти переводы могутъ быть названы переводами въ собственномъ смыслѣ». Въ довольно многихъ изъ нихъ допущены варіаціи и сокращенія, иногда потому, что я находилъ нѣкоторыя мѣста подлинника или болѣе слабыми, или растянутыми, или слишкомъ сентиментальными и вообще вредящими общему эстетическому впечатлѣнію про-

изводимому стихотвореніемъ въ его болѣе сильныхъ мѣстахъ, частію же по невозможности передать нѣкоторыя мѣста на русскій языкъ по другимъ соображеніямъ, что въ особенности относится къ пессимистическимъ стихотвореніямъ Дранмора. Иногда я бралъ только одну какую нибудь часть, нѣсколько мыслей или даже одну мысль стихотворенія, главный мотивъ его и пропускалъ остальное, заботясь, однакоже, о томъ, чтобы эта часть въ передачѣ ея на русскій языкъ представляла сама по себѣ законченное цѣлое. Въ примѣръ этого можно указать на стихотвореніе изъ Лонгфелло «Vanitas» и изъ Прюдома «Съ тѣхъ поръ, что красота свое очарованье». Наконецъ въ одномъ случаѣ я слилъ два стихотворенія одного автора въ одно («Память» изъ Прюдома). Вообще же въ переводахъ я стремился и старался сохранить, насколько это было въ моихъ силахъ, не только мысль, характеръ, манеру, но и красоту подлинника, разумѣется вполнѣ сознавая, что стараться и стремиться — еще не значитъ «сдѣлать» и «достигнуть».

Мои переводы изъ Шекспира въ эту книгу не вошли; надѣюсь выпустить ихъ впослѣдствіи, отдѣльнымъ изданіемъ.

Д. Михаловскій.

ЧИТАТЕЛЮ.

Собралъ цвѣты я эти у дороги,
Вездѣ, куда мой жребій приводилъ
Мои, ходьбой измученныя ноги, —
И вотъ теперь изъ нихъ вѣнокъ я свилъ.
Онъ свѣжъ еще; въ немъ есть шипы и розы,
Есть ненуфаръ, гвоздика и левкой,
Здѣсь и мечты, и радости, и слезы —
Вся жизнь моя лежитъ передъ тобой.
Да и твоя, читатель: всѣ страдаютъ,
Всѣ думаютъ, волнуются, желаютъ;
Полжизни мы проводимъ въ праздныхъ снахъ;
Но, наконецъ, уставши ихъ лелѣять,
Желаемъ мы хоть что нибудь посѣять,
Пока еще не превратились въ прахъ.

С. ПРЮДОМЪ.

ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

(ПОЭМА).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

О муза, ты, которая была
Какъ дочь небесъ Элладою воспѣта,
Которой миѳъ и образъ создала
Свободная фантазія поэта!
Звонъ новыхъ лиръ тебя срамитъ—и я
Не смѣю звать тебя съ твоей вершины;
Но я блуждалъ у твоего ручья
И посѣтилъ Дельфійскія руины:
Едва журчитъ прославленный ручей,
Вокругъ него—безмолвіе повсюду;
Тамъ музы спятъ... для повѣсти моей
Я девяти сестеръ будить не буду.

II.

Въ Британіи безумецъ юный жилъ,
Котораго добро не привлекало;
Онъ жизнь въ пирахъ безпутно проводилъ,
И шумное веселье ихъ смущало
Дремотный слухъ полуночи. Во злѣ
Погрязнулъ онъ, презрѣнное созданье;
Не многое цѣнилъ онъ на землѣ:
Всѣ помыслы, и чувства, и желанья
Онъ оргіямъ безумнымъ посвятилъ
И ласкамъ дѣвъ безстыдныхъ и развратныхъ,
Въ сообществѣ отчаянныхъ кутилъ,
Изъ всякихъ сферъ—и низменныхъ, и знатныхъ.

III.

Чайльдъ-Гарольдомъ онъ звался. Говорить
Не мѣсто здѣсь—отколь происходило
То имя; лишь скажу, что, можетъ быть,
Въ иные дни оно и славно было;
Но блескъ именъ—и славы родовой
Теряется въ безславіи потомковъ;
Все, что̀ могла-бъ изъ пыли гробовой
Исторія отрыть среди обломковъ,
Все, что сказать ораторъ бы съумѣлъ,
Всѣ лживыя поэтовъ прославленья —
Не обѣлятъ позора гнусныхъ дѣлъ
И освятить не могутъ преступленья.

IV.

Какъ муха, что̀ на солнцѣ золотомъ,
Его лучемъ согрѣтая, кружится,
Не думалъ онъ о вихрѣ ледяномъ,

Чтò могъ надъ нимъ внезапно разразиться.
Но прежде чѣмъ треть жизни онъ провелъ
Его томить ужъ стали наслажденья,—
И испыталъ онъ худшее изъ золъ:
Почувствовалъ всю скуку пресыщенья.
И охладѣлъ онъ къ родинѣ своей
Жить дольше въ ней—не находилъ веселья;
Она ему казалася скучнѣй
Чѣмъ темная монашеская келья.

V.

Чайльдъ Гàрольдъ былъ неисправимъ. Блуждалъ
Онъ по путямъ извилистымъ порока,
По многимъ онъ красавицамъ вздыхалъ,
Но лишь одну изъ нихъ любилъ глубоко.
И та одна была не для него...
И благо ей: служило ей спасеньемъ,
Что избѣжать она могла того,
Чей поцѣлуй ей былъ бы оскверненьемъ;
Кто скоро бы въ развратѣ позабылъ,
Для пошлыхъ ласкъ, ея очарованье
И мотовствомъ безумнымъ расточилъ
Богатое супруги достоянье.

VI.

Его очагъ домашній не плѣнялъ.
И вотъ теперь тоской онъ сталъ томиться;
Задумчивый, онъ оргій избѣгалъ,
По временамъ готовъ былъ прослезиться
И гордостью лишь слезы могъ унять;
Въ своей тоскѣ бродилъ онъ одиноко
И странствіе задумалъ предпринять
Въ тѣ климаты, гдѣ солнце жжетъ жестоко.

Страданія желалъ онъ, можетъ быть,
Пресытившись избыткомъ наслажденья,
И, хоть за тѣмъ, чтобъ сцену измѣнить;
Въ могилѣ былъ готовъ искать забвенья.

VII.

Оставилъ онъ родительскій свой домъ,
Обширное, почтенное строенье;
Хоть все старо̀, но прочно было въ немъ
И далеко еще до разрушенья.
Отшельниковъ обитель давнихъ лѣтъ!
Позорная судьба тебѣ досталась:
Гдѣ находилъ пріютъ себѣ аскетъ
Тамъ пѣсня дѣвъ пафосскихъ раздавалась.
Монахи здѣсь подумать бы должны,
Что вновь пришли ихъ времена былыя,
Когда не лгутъ легенды старины
И не грѣшатъ отшельники святые.

VIII.

Средь буйнаго веселья иногда
Его чело внезапно омрачалось;
Была-ль то страсть, смертельная-ль вражда,
Что̀ въ памяти внезапно пробуждалась, —
Никто не зналъ: не изъ такихъ людей
Чайльдъ-Га̀рольдъ былъ, чтобъ, при своихъ страданьяхъ,
Могъ находить для горести своей
Сердечную отраду въ изліяньяхъ.
Онъ ничьего совѣта не искалъ,
Участія ни въ комъ не домогался,
И какъ бы онъ глубоко ни страдалъ,
Самъ со своей печалью управлялся.

IX.

И не любилъ его никто. Порой
Сзывалъ въ свой домъ онъ бражниковъ, толпою,
Но видѣлъ въ нихъ лишь паразитовъ рой,
Пустыхъ льстецовъ за чашей круговою.
И женщины—его восторгъ и страсть—
И тѣ къ нему остались равнодушны,
Имъ дороги лишь пышность, блескъ и власть,
Лишь ради ихъ онѣ любви послушны;
Какъ моль онѣ летятъ со всѣхъ сторонъ
На яркій свѣтъ, желаніемъ томимы,—
А тамъ легко проложитъ путь Маммонъ,
Гдѣ бросили надежду серафимы.

X.

Имѣлъ онъ мать: ея онъ не забылъ,
Но не хотѣлъ онъ съ нею попрощаться;
Имѣлъ сестру, которую любилъ:
И съ нею онъ не вздумалъ повидаться,
Передъ своимъ отъѣздомъ въ дальній путь;—
Да и ни съ кѣмъ Чайльдъ-Гарольдъ не простился.
Не потому чтобы безъ чувства грудь
Его была, чтобъ онъ ожесточился:
Кто испыталъ—что значитъ обожать
Двухъ-трехъ существъ, тотъ знаетъ, что прощанья
Способны лишь то сердце растерзать,
Которому желаешь врачеванья.

XI.

Свой домъ, очагъ и земли,—всѣ мѣста,
Гдѣ онъ провелъ младенческія лѣта,—
Веселыхъ дѣвъ, которыхъ красота

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ

И

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Здѣсь лоцманà привѣтствуютъ пловцовъ
И ихъ корабль искусно направляютъ
Вдоль берега, гдѣ нѣсколько жнецовъ
Послѣдній хлѣбъ на нивахъ дожинаютъ.

XV.

О, Господи! отрадно созерцать—
Какъ здѣсь страну природа одарила;
Что за плоды, какая благодать,
Какъ мощна здѣсь растительности сила!
И что за даль съ открытой высоты
Ея холмовъ, съ волшебной перспективой!
Но человѣкъ всѣ чары красоты
Пятнаетъ здѣсь рукою нечестивой.
И если гнѣвъ Всевышняго суровъ
Къ противникамъ святыхъ его велѣній,
Очиститъ онъ страну отъ злыхъ враговъ,
Отъ саранчи французскихъ ополченій.

XVI.

Какъ издали прекрасенъ Лиссабонъ,
Весь отразясь фасадами своими
Въ рѣкѣ, гдѣ дно преданія временъ
Усыпали песками золотыми
И гдѣ теперь британскія суда,
Во множествѣ, избороздили воду,—
Могучій флотъ, явившійся сюда,
Чтобы помочь презрѣнному народу.
Невѣжество въ немъ гордость превзошла,
Его пятой вождь галловъ попираетъ,
Но руку ту, которая пришла
Его спасти, лижа, онъ проклинаетъ.

XVII.

Но если кто внутрь города войдетъ,
Который такъ прекрасенъ издалёка,
Какой онъ тамъ печальный видъ найдетъ,
Какъ все его тамъ поразитъ глубоко!
Грязь во дворцахъ, какъ въ хижинахъ простыхъ,
И граждане такіе всѣ неряхи;
Воспитаны въ грязи, никто изъ нихъ
Не думаетъ о чистотѣ рубахи;
Опрятности нигдѣ здѣсь не видать,
Имъ невдомекъ—умыться, причесаться;
Всѣ таковы, и низшій классъ и знать,
Хоть отъ чумы египетской валятся.

XVIII.

О, жалкіе рабы! зачѣмъ на нихъ
Свои дары природа расточаетъ?
Весь лабиринтъ долинъ и горъ своихъ,
Весь свой Эдемъ здѣсь Цинтра [1]) открываетъ:
О, чья рука способна уловить,
Иль кистью иль перомъ, хоть половину
Того, что взоръ здѣсь можетъ ослѣпить,
Окинувшій волшебную картину,
Которой блескъ, величье, красота
Затмили все, воспѣтое поэтомъ,
Чтò отворилъ замкнутыя врата
Элизія предъ изумленнымъ свѣтомъ!

XIX.

Рядъ страшныхъ скалъ, и между нихъ одна —
Съ увѣнчанной монастыремъ вершиной,
И пробковыхъ деревьевъ сѣдина,

Повиснувшихъ надъ дикою стремниной;
То здѣсь, то тамъ сожженный солнцемъ мохъ,
Роскошныя по горнымъ склонамъ лозы,
Въ провалахъ же—кустарникъ, что̀ заглохъ
Во тьмѣ сырой и льетъ по солнцу слезы;
Потоки водъ, съ нагорной высоты
Несущихся каскадами въ долину,
И океанъ... все въ блескѣ красоты
Сливается въ громадную картину.

XX.

Извилистой тропой, по крутизнамъ
Взбираетесь вы медленно къ высотамъ,
И новые все виды здѣсь и тамъ
Являются вамъ съ каждымъ поворотомъ.
Вотъ монастырь Владычицы скорбей[2]):
Монахи вамъ реликвіи покажутъ
И разныя легенды давнихъ дней
О грѣшникахъ страдавшихъ здѣсь разскажутъ;
Во глубинѣ вонъ той пещеры жилъ
Гонорій, плоть пощеньемъ изнуряя:
Онъ землю въ адъ кромѣшній превратилъ,
Въ надеждѣ тѣмъ вѣрнѣй достигнуть рая.

XXI.

Карабкаясь на горные хребты,
Вы близь своей тропинки, безъ сомнѣнья,
Замѣтите убогіе кресты...
Воздвигло ихъ не набожности рвенье;
Нѣтъ, ими лишь отмѣчены мѣста,
Гдѣ кто нибудь палъ жертвой злодѣянья:
Вездѣ гдѣ кровь убійцей пролита
Здѣсь ставятъ крестъ, какъ знакъ воспоминанья.

Такихъ крестовъ здѣсь множество: страна
Наполнена опасностью тревожной;
Здѣсь плохо жизнь людей ограждена
Защитою закона ненадежной.

XXII.

Въ долинахъ иль на склонахъ горъ вдали
Виднѣются высокія строенья:
Въ нихъ въ старину живали короли,
Теперь же тамъ обитель запустѣнья.
Вокругъ руинъ лишь дикіе цвѣты
Растутъ, дыша здоровымъ ароматомъ:
Сынъ Англіи Ватекъ! здѣсь также ты
Свой создалъ рай, вонъ въ томъ дворцѣ богатомъ,
Забывъ о томъ, что кроткій миръ бѣжитъ
Отъ прелестей и нѣги наслажденья,
Какъ только все, что можетъ, совершитъ
Богатства власть, дойдя до пресыщенья.

XXIII.

Здѣсь жилъ ты, здѣсь питалъ свои мечты
Веселыя... какъ это все далеко!
Волшебное жилище, какъ и ты,
Заброшено, забыто, одиноко;
Гигантскій плющъ разросся и едва
Даетъ войти въ покинутыя залы;
Зеленый мохъ и сорная трава
Опутали широкіе порталы...
Для мыслящихъ людей живой урокъ —
Какъ суетны земныя наслажденья,
Какъ времени безжалостный потокъ
Уноситъ все, въ обломкахъ разрушенья.

XXIV.

Вотъ за́мокъ, гдѣ скрѣпили договоръ
Вожди[3]); онъ взоръ британца оскорбляетъ;
Насмѣшливо смотря на ихъ позоръ,
Какой-то тамъ чертенокъ возсѣдаетъ.
Лукавый бѣсъ въ пергаментъ облеченъ
И шутовской увѣнчанъ онъ короной,
У пояса печать имѣетъ онъ
И подписями списокъ испещренный:
Все имена аристократовъ тутъ, —
Ихъ знатный родъ отъ рыцарей ведется; —
На подписи указываетъ шутъ,
Своимъ перстомъ, и отъ души смѣется.

XXV.

Конвенціей тотъ демонъ названъ былъ,
Чтȯ рыцарей присутствовавшихъ въ залѣ
Марьяльвскаго дворца, мозговъ лишилъ
(Когда они такими обладали).
Безуміе здѣсь вырвало перо,
Которымъ былъ украшенъ побѣдитель;
Политика вновь добыла хитрȯ
Чтȯ потерялъ сраженный имъ воитель.
Пусть для вождей какъ наши не цвѣтетъ
Побѣдный лавръ! Не на сраженныхъ бѣды
Обрушились: сразившаго гнететъ
Поруганный тріумфъ его побѣды!

XXVI.

И Англія не можетъ ужъ терпѣть
Съ тѣхъ поръ, чтобъ ей о Цинтрѣ говорили;
При словѣ тамъ ея вожди краснѣть

Должны, когда бъ краснѣть способны были.
Какъ этотъ актъ потомство заклеймитъ!
Не будетъ ли всѣмъ націямъ въ забаву,
Смотрѣть — какъ врагъ, который былъ разбитъ,
Обманомъ взялъ бойцовъ подобныхъ славу?
Онъ въ битвѣ палъ, но здѣсь вождей совѣтъ
Преобразилъ въ побѣду пораженье,
И ихъ позоръ на много, много лѣтъ
Отмѣтило своимъ перстомъ Презрѣнье.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, когда онъ по горамъ
Своимъ путемъ пустыннымъ пробирался.
Спокойно все и тихо было тамъ,
Но мыслью онъ уже оттуда рвался.
Какъ ласточка онъ безпокоенъ былъ:
Туда, сюда влекли его стремленья.
Но на него порою находилъ
Морали духъ, припадокъ размышленья;
Онъ созерцалъ слѣпящій правды свѣтъ,
Задумчивымъ и просвѣтлѣвшимъ глазомъ,
И за его безумства юныхъ лѣтъ
Корилъ его неумолимый разумъ.

XXVIII.

Коня, коня! И онъ спѣшитъ — совсѣмъ
Изъ этихъ мѣстъ спокойствія умчаться;
Очнулся онъ отъ думъ, но не затѣмъ,
Чтобъ вновь пирамъ и женщинамъ отдаться.
Впередъ, впередъ! онъ ищетъ перемѣнъ,
Не зная самъ къ какой онъ цѣли рвется;
И множество мѣняющихся сценъ
Передъ его глазами развернется,

Покуда трудъ пути не утолитъ
Той жажды, что его теперь такъ мучитъ,
Въ его груди тревогъ не усыпитъ,
Иль жизнь его быть мудрымъ не научитъ.

XXIX.

Но прежде онъ на Мафру[4]) броситъ взоръ,
Убѣжище несчастной королевы,
Гдѣ въ монастырь вторгался шумный дворъ,
Гдѣ пиръ смѣнялъ церковные напѣвы.
Чудная смѣсь, я думаю, была:
Монахи, гранды, оргіи, корона...
Но здѣсь дворецъ роскошный создала
Новѣйшая блудница Вавилона,
И блескъ такой ее здѣсь окружалъ,
Прикрывъ порокъ лучемъ очарованья,
Что свѣтъ предъ ней колѣни преклонялъ,
Забывъ ея кровавыя дѣянья.

XXX.

Среди холмовъ, средь этихъ чудныхъ горъ,
Среди долинъ, усыпанныхъ плодами,
Ласкающихъ и радующихъ взоръ, —
(Зачѣмъ онѣ населены рабами?)
Чайльдъ странствовалъ. Лѣнивцы назовутъ
Безуміемъ подобное скитанье,
Дивясь — къ чему смѣнять на этотъ трудъ
Спокойное на мѣстѣ пребыванье
И вдаль летѣть. Но воздухъ горъ вдыхать,
Переходить отъ мѣста на другое —
Вотъ жизнь, какой не суждено понять
Любителямъ лѣниваго покоя.

XXXI.

Но вотъ холмы становятся блѣднѣй
И менѣе роскошны здѣсь долины;
Цѣпь горъ — въ тылу, а дальше передъ ней
Раскинулись безгранныя равнины
Испаніи. Стада пасутся тамъ
Несмѣтныя, руномъ своимъ прекраснымъ
Такъ хорошо извѣстныя купцамъ.
Но занятъ край теперь врагомъ опаснымъ,
Пусть — стережетъ пастухъ своихъ овецъ,
Пусть все свое здѣсь каждый защищаетъ,
Съ мечомъ въ рукахъ, не то — худой конецъ
Свободѣ всѣхъ испанцевъ угрожаетъ.

XXXII.

Гдѣ Лузитанія къ сестрѣ своей,
Испаніи, границей примыкаетъ,
Какой рубежъ естественный предъ ней
Завистливыхъ соперницъ раздѣляетъ?
Не Тахо-ли могучая волна?
Твердыня ли Сіерры вѣковая?
Или же тамъ воздвигнута стѣна,
Какъ вдоль границъ обширнаго Китая? —
Нѣтъ ни рѣки широкой, ни стѣны,
Ни страшныхъ скалъ, ни цѣпи горъ гигантскихъ,
Подобной той, какой отдѣлены
Французскія владѣнья отъ испанскихъ.

XXXIII.

Нѣтъ ничего, — лишь струйка ручейка
Безвѣстнаго здѣсь мирно протекаетъ,
Хотя его зеленые бока

Земля двухъ царствъ враждующихъ сжимаетъ.
Пастухъ глядитъ, склонясь на посохъ свой,
Разсѣянно на бѣгъ воды холодной...
Въ Испаніи поселянинъ простой
Не меньше гордъ, чѣмъ герцогъ благородный.
Здѣсь онъ стоитъ передъ своимъ врагомъ:
Онъ сознаетъ различье межъ испанцемъ
И худшимъ и презрѣннѣйшимъ рабомъ
Изъ всѣхъ рабовъ возможныхъ — Лузитанцемъ.

XXXIV.

Недалеко за этою чертой
Граничною, къ предѣламъ океана,
Угрюмою и мрачною волной,
Шумя, бурля, несется Гвадіана,
Воспѣтая въ легендахъ давнихъ дней.
Тьмы мавровъ здѣсь и рыцарей сражались,
Тѣснясь къ рѣкѣ, и погибали въ ней;
Шлемъ и тюрбанъ въ ея волнахъ смѣшались;
Быстрѣйшій здѣсь свой бѣгъ остановилъ,
Сильнѣйшій палъ въ борьбѣ ожесточенной,—
Ни нѣдруга, ни друга не щадилъ,
Глотая ихъ, потокъ окровавленный.

XXXV.

Испанія, страна могучихъ силъ,
И красоты, и романтичной славы!
Гдѣ знамя то, которое носилъ
Пеладжіо, когда родитель Кавы [5])
Предательски призвалъ сюда враговъ,
Окрасившихъ потоки готской кровью?
Гдѣ стягъ твоихъ воинственныхъ сыновъ,
Прославленныхъ отвагой и любовью?

Мавръ наконецъ былъ ими побѣжденъ,
Въ свою страну грабитель удалился,—
И въ Африкѣ плачъ мавританскихъ женъ
Пронзительный далеко разносился.

XXXVI.

И слава дней тѣхъ въ пѣсняхъ здѣсь звучитъ...
Вотъ чѣмъ судьба героя завершится!
Гдѣ нѣтъ колоннъ, гдѣ лѣтопись молчитъ —
Она еще въ народныхъ пѣсняхъ длится.
О Гордость, брось съ небесъ на землю взглядъ:
Какъ слава здѣсь до пѣсенки нисходитъ;
Столбы-ль твое величье сохранятъ?
Въ исторіи-ль оно пріютъ находитъ?
Иль у тебя еще надежда есть:
Простой языкъ народнаго преданья,
Когда съ тобой въ гробу заснула лесть
Историкъ же хулитъ твои дѣянья?

XXXVII.

Проснитесь вы, Испаніи сыны!
Духъ рыцарства, вашъ старый богъ, взываетъ;
Онъ не копьемъ кровавымъ старины,
Не перьями на шлемѣ потрясаетъ,
Но въ пламени и дымѣ онъ летитъ,
И мѣдными рокочетъ онъ громами,
И каждый громъ «проснитесь» говоритъ,
«Явитесь вновь вы храбрыми бойцами!»
Возстаньте же! иль голосъ громовой
Звучитъ слабѣй, чѣмъ пѣсни боевыя,
Надъ вашею прекрасною страной
Звучавшія во времена былыя?

XXXVIII.

Чу! слышите ль вы страшный стукъ копытъ?
Шумъ битвы въ той долинѣ раздается;
Вы видите ль—кого клинокъ разитъ?
Ужель никто изъ васъ туда не рвется?
Тиранны тамъ вѣдь вашихъ братьевъ бьютъ!
Вотъ вспыхнуло огней сигнальныхъ пламя...
Лишь грянетъ залпъ—и тысячи падутъ;
Развернуто кровавой смерти знамя;
Она летитъ въ дыму пороховомъ,
Вихрь сѣрнаго сирокко съ ней несется;
Богъ битвъ ногою топнулъ—точно громъ
Ударъ въ сердцахъ народовъ отдается.

XXXIX.

Вотъ онъ, гигантъ, тамъ на горѣ стоитъ;
Лучъ солнечный играетъ красной гривой
Его волосъ; въ рукахъ—ядро горитъ,
Пылаетъ взглядъ его нетерпѣливый,
Сжигая все... то неподвиженъ онъ,
То молніей сверкаетъ на мгновенье.
Чтобъ записать, чѣмъ день былъ завершонъ—
Сидитъ у ногъ гиганта Разрушенье.
Кто здѣсь падетъ? кто долженъ побѣдить?
И ждетъ гигантъ, что крови будетъ много:
Три націи сошлись ее пролить
На алтарѣ къ ней лакомаго бога.

XL.

Оружіе сверкаетъ и горитъ;
То шарфъ мелькнетъ, то перевязь солдата...
Блистательный, великолѣнный видъ,

Когда въ рядахъ ни друга нѣтъ, ни брата!
Здѣсь, скрежеща зубами, псы войны
Со своръ своихъ сорвались съ громкимъ воемъ;
Въ охотѣ всѣ участвовать должны,
Тріумфъ двумъ-тремъ достанется героямъ.
Главнѣйшій призъ должна Могила взять
И богъ рѣзни, боевъ ожесточенныхъ,
Отъ радости не можетъ сосчитать
Ряды бойцовъ, на жертву обреченныхъ.

XLI.

Три воинства для жертвы собрались,
Три знамени волнуются красиво,
Три языка въ одной мольбѣ слились,
И воины кричатъ нетерпѣливо:
За «Францію! Испанью! Альбіонъ!»
Врагъ, жертва и союзникъ прелюбезный—
(Сражается за всѣхъ напрасно онъ)
Здѣсь встрѣтились для цѣли безполезной:
Чтобъ нищею обильной послужить
Для хищныхъ птицъ, пророчащихъ имъ бѣды,
И трупами то поле отучнить,
Гдѣ каждый ждетъ лишь для себя побѣды.

XLII.

Тамъ будутъ гнить Тщеславія шуты;
Честь, говорятъ, гробà ихъ украшаетъ...
Софистика! иль въ нихъ не видишь ты
Орудій лишь, которыя ломаетъ
По прихоти тираннъ, когда ему
Фантазія придетъ—устлать сердцами
Живыхъ людей свой путь,—и путь къ чему?
Къ пустой мечтѣ!—Онъ властвуетъ надъ нами,

Но можетъ ли по правдѣ онъ назвать,
Изъ всѣхъ земель, хоть пядь земли своею,
Помимо той, гдѣ будетъ онъ лежать,
Чтобъ въ прахъ и тлѣнъ разсыпаться подъ нею?

XLIII.

Когда коню Чайльдъ-Гарольдъ шпоры далъ
Здѣсь, Альбуэра, на твоей равнинѣ,
Кто бъ могъ предвидѣть, кто бы предсказалъ,
Что кладбищемъ ты сдѣлаешься нынѣ?
Миръ_павшимъ! пусть они въ слезахъ найдутъ
И въ почестяхъ посмертную награду!
Пока затѣмъ другіе не падутъ,
Покорные властительному взгляду
Другихъ вождей, ихъ имя соберетъ
Вокругъ себя кружокъ зѣвакъ охотныхъ
И временный пріютъ себѣ найдетъ
Въ плохихъ стихахъ и въ пѣсняхъ мимолетныхъ.

XLIV.

Довольно о поборникахъ войны!
Пусть жизнію другихъ они играютъ,
Пускай, такой игрой увлечены,
Они свою на славу промѣняютъ,
Хоть слава ихъ не можетъ воскресить;
Жаль ихъ лишать ихъ благородной цѣли—
Отечеству на пользу послужить:
Пусть думаютъ, что въ томъ они успѣли.
И не умри они въ бою съ врагомъ—
Они, быть можетъ, родину бъ срамили
Тамъ занялись хищеньемъ, грабежомъ,
Иль голову въ усобицахъ сложили.

XLV.

Но Чайльдъ спѣшитъ направить путь туда,
Гдѣ гордая Севилья процвѣтаетъ.
Она еще свободна, но бѣда
Все ближе къ ней, какъ туча, подступаетъ.
Да, близокъ день, когда, въ вѣнцѣ побѣдъ,
Суровый врагъ въ нее съ мечемъ ворвется,
Въ ея дворцахъ оставитъ грубый слѣдъ,
Испортитъ все. Увы, съ судьбой бороться
Немыслимо, гдѣ со своимъ дворомъ
Голодное царитъ Опустошенье!
Иначе бъ все склонилось предъ добромъ
И не было бъ рѣзни и преступленья.

XLVI.

Но здѣсь никто грозы не сознаетъ:
Поютъ, пируютъ, пляшутъ безъ заботы;
Что кровь изъ ранъ отечества течетъ—
Не чувствуютъ всѣ эти патріоты.
Не слышится здѣсь горновъ боевыхъ,
Любовная лишь ноетъ мандолина,
Безуміе еще гнететъ своихъ
Поклонниковъ, рукою властелина.
Развратъ дозоромъ ходитъ по ночамъ,
И, въ обществѣ угрюмыхъ преступленій,
Онъ до конца все лѣпится къ стѣнамъ
Едва едва держащихся строеній.

XLVII.

А селянинъ? Съ трепещущей женой
Онъ прячется, не смѣя бросить взгляда,
Чтобъ не видать губительной войной

Спаленнаго, испорченнаго сада.
Не щелкаетъ ужъ онъ, по вечерамъ,
Несясь въ лихомъ фонданго, въ кастаньеты.
Властители! Когда бъ отвѣдать вамъ
Веселія, которое, одѣты
Въ свою броню, вы портите войной,—
Вы-бъ не гнались за суетною славой
И смолкнулъ бы вашъ барабанный бой
Назойливый, служащій вамъ забавой.

XLVIII.

О чемъ теперь погонщики поютъ,
Ища въ своихъ напѣвахъ развлеченья,
Когда они муловъ своихъ ведутъ?
По прежнему-ль любовь и приключенья —
Мотивы ихъ? Нѣтъ въ пѣсняхъ ихъ звучатъ:
«Viva el Rey», проклятія Годою [6])
Чтò погубилъ страну ихъ, говорятъ,
И рогоносцу Карлу, съ чьей женою
Связался онъ, и дню когда она
Впервòй юнца-красавца увидала,
Чрезъ что вошла измѣна, и страна
Отъ связи ихъ преступной пострадала.

XLIX.

Вонъ тамъ вдали, у тѣхъ отвѣсныхъ скалъ,
Гдѣ башни мавровъ высятся донынѣ,
Все говоритъ, что бой здѣсь грохоталъ,
Что врагъ гостилъ на гладкой той равнинѣ:
Слѣды копытъ, вся черная трава...
Здѣсь—лагерь былъ, вотъ здѣсь—костры пылали,
Здѣсь,—съ храбростью неустрашимой льва,
«Гнѣздо драгунъ» крестьяне штурмовали;

И жители всегда готовы тамъ
Все разсказать о схваткахъ знаменитыхъ,
И съ гордостью указываютъ вамъ
На рядъ высотъ, то взятыхъ, то отбитыхъ.

L.

У каждаго, кого вамъ повстрѣчать
Случится здѣсь—значекъ на шляпѣ красный[7]);
И по нему вы можете узнать
Кто вамъ здѣсь другъ и кто вамъ врагъ опасный.
Бѣда тому, кто-бъ вздумалъ безъ значка—
Ручательства за вѣрность—показаться:
Здѣсь ножъ остёръ, расправа коротка—
И къ праотцамъ пришлось бы отправляться.
И глубоко раскаялся бы галлъ,
Онъ долженъ бы жестоко поплатиться,
Когда бы могъ крестьянина кинжалъ
На саблю лѣзть иль съ пушками схватиться.

LI.

Ущелія Моренскихъ темныхъ горъ
Укрѣплены, изрыта вся дорога;
Вездѣ, куда проникнуть можетъ взоръ,
Онъ встрѣтитъ: то—жерло единорога,
То ровъ съ водой, то—острый палиссадъ,
То—часовыхъ посты сторожевые,
То, гдѣ нибудь въ скалѣ, надежный складъ,
Гдѣ спрятаны припасы боевые;
Конь подъ сѣдломъ съ кобурами стоитъ;
Вотъ высятся изъ ядеръ пирамиды
У батарей; и тамъ фитиль горитъ...
И не добро пророчатъ эти виды!

LII.

Все говорить, что здѣсь произойти
Должна борьба; но тотъ, чье мановенье
Успѣло ужъ другихъ владыкъ снести
Съ ихъ троновъ, ждетъ еще одно мгновенье.
Взмахнетъ жезломъ онъ—и его полки
Прорвутся здѣсь, съ отвагой дерзновенной;
Признаетъ Западъ власть его руки—
И склонится передъ бичемъ вселенной.
Испанія! о, что тебѣ грозитъ,
Какая скорбь, какая участь злая,
Когда французскій коршунъ налетитъ,
Твоихъ сыновъ толпами избивая!

LIII.

Ужель они падутъ во цвѣтѣ лѣтъ,
Съ ихъ гордостью, и мужествомъ, и силой?
Иль выбора для нихъ другого нѣтъ
Межъ подданствомъ тиранну и могилой?
Иль торжество тебѣ враждебныхъ силъ
Окончиться должно твоимъ паденьемъ?
Ужель Господь заранѣе рѣшилъ
Твою судьбу, не внявъ твоимъ моленьямъ?
Иль въ мужествѣ тебѣ спасенья нѣтъ?
Иль умъ вождя, и рвенье патріота,
Пылъ юности, и твердость зрѣлыхъ лѣтъ,
Весь ихъ порывъ—напрасная забота?

LIV.

Ужель вотще, съ гитарой распростясь
И храбростью не дѣвичьей пылая,
Въ воинскіе доспѣхи облеклась,

Забывъ свой полъ, испанка молодая?
Она теперь отважно въ бой летитъ,—
А между тѣмъ, давно ли дни тѣ были,
Когда въ ней кровь пустячной ранки видъ
Иль крикъ совы полночной леденили?
Лязгъ сабель, блескъ штыковъ ничто для ней;
По грудамъ тѣлъ, спокойна какъ Паллада,
Идетъ она, гдѣ-бъ, можетъ быть, Арей
Пройти не могъ, не отвернувши взгляда.

LV.

Вы, всѣ кого дивитъ о ней разсказъ!
Когда-бъ ее въ другіе дни вы знали,
И видѣли блескъ этихъ черныхъ глазъ,
Чернѣй ея узорчатой вуали,
Станъ, волосы, что кистью передать
Не могъ бы вашъ художникъ ни единый,
Когда бы вамъ случилось услыхать
Веселый разговоръ ея въ гостиной,—
Вы-бъ не могли представить, что она
Въ опасности смертельной улыбалась,
Вела солдатъ и, мужества полна,
Въ ряды враговъ сомкнутые врывалась!

LVI.

Ея женихъ подъ Сарагоссой палъ:
Она надъ нимъ слезы не проронила,
Вождь былъ убитъ и, дрогнувъ, побѣжалъ
Ея отрядъ: она въ права вступила
Начальника, бѣгущихъ собрала—
И врагъ разбитъ. Геройская заслуга!
Гдѣ дѣвушка, которая-бъ могла
Такъ отомстить за смерть вождя и друга?

Быть храброй тамъ, гдѣ храбрый трусомъ былъ,
И гнать врага, безъ страха и пощады,
Въ виду стѣны, которую громилъ
Свирѣпый галлъ громами канонады?

LVII.

Но дѣвушекъ испанскихъ не должны
Мы причислять къ породѣ амазонокъ;
Для чаръ любви испанки созданы
И граціей обвѣяны съ пеленокъ.
И если въ бой здѣсь дѣвушка идетъ,
То это—лишь голубки озлобленье,
Которая ту руку исклюетъ,
Что̀ голубю готовитъ нападенье.
По кротости и твердости она
Восточныхъ дѣвъ затмила превосходствомъ,
По прелестямъ, быть можетъ, имъ равна,
И выше ихъ душевнымъ благородствомъ.

LVIII.

Хваленые поэтами края
И климаты! Вы, той страны гаремы,
Гдѣ въ этотъ часъ мелодія моя
Звучитъ хвалой, въ стихахъ моей поэмы,
Той красотѣ, что всѣ должны признать!
Попробуйте сравнить мнѣ вашихъ гурій,—
Которыхъ вы боитесь выпускать,
Чтобъ къ нимъ любовь не прилетѣла бурей,—
Съ красавицей въ Испаніи! Узнай,
Ты, пылкій сынъ роскошнаго Востока:
Я тамъ нашелъ твой мусульманскій рай,
Небесныхъ дѣвъ премудраго пророка!

LIX.

О ты, Парнасъ[8]), что нынѣ предо мной
Являешься, прекрасенъ и чудесенъ,
И не въ бреду фантазіи живой,
Не въ сказочномъ ландшафтѣ древнихъ пѣсенъ,
Не призрачный, а къ небесамъ роднымъ
Стремящійся вершиной снѣговою,—
Дивиться ли, что предъ лицомъ твоимъ
Желанье пѣть овладѣваетъ мною?
Здѣсь, близъ тебя, смиреннѣйшимъ пѣвцомъ
Такой порывъ невольно овладѣетъ,
Хоть ни одна изъ музъ своимъ крыломъ
Съ твоихъ высотъ ужъ больше не повѣетъ.

LX.

Кто твоего названья не слыхалъ,
Не знаетъ тотъ священнѣйшихъ преданій.
Какъ много разъ твой образъ возставалъ
Въ моемъ умѣ, среди моихъ мечтаній!
И вотъ—тебя я вижу... я смущенъ,
Что я тебя прославить не умѣю:
Мысль о твоихъ пѣвцахъ былыхъ временъ
Меня страшитъ,—я воспарить не смѣю;
Могу я лишь колѣни преклонять
Передъ тобой, прославленнымъ вѣками,
И въ радости безмолвной созерцать
Твой балдахинъ, прикрытый облаками.

LXI.

Вотъ, наконецъ, стою я передъ нимъ;
И, счастливый, могу-ль не волноваться,
При видѣ мѣстъ, которыя другимъ

Невѣдомы, но въ пылкихъ грезахъ снятся?
Оставилъ Фебъ свой позабытый гротъ,
Ты, музъ пріютъ, сталъ ихъ гробницей нынѣ,
Но кроткій духъ какой-то здѣсь блюдетъ
Безмолвіе въ оставленной святынѣ.
Онъ всюду здѣсь невидимо царитъ,
Онъ въ вѣтеркѣ вздыхаетъ и, порою,
Своей ногой прозрачною скользитъ
Вонъ тамъ, надъ той пѣвучею волною...

LXII.

Прощай пока. Невольно мой напѣвъ
Направился здѣсь въ сторону другую,
Забывъ на мигъ судьбу сыновъ и дѣвъ
Испаніи, — судьбу столь дорогую
Для каждаго въ свободѣ кто возросъ,—
Чтобъ понестись къ тебѣ съ моимъ привѣтомъ,
Съ моей хвалой, быть можетъ, не безъ слезъ.
Позволь же мнѣ, въ священномъ мѣстѣ этомъ,
Взять что нибудь на память; дай сорвать
Листокъ священный Дафны, на прощанье,—
И пусть никто не вздумаетъ принять
За суетность подобное желанье.

LXIII.

Прекрасная гора! ни разу ты
Въ тѣ дни, когда Эллада процвѣтала,
Блистательнѣй собранья красоты
У ногъ своихъ гигантскихъ не видала;
Дельфійскій храмъ, гдѣ нѣкогда звучалъ
Гимнъ жрицъ твоихъ, богами вдохновленныхъ!
Поклонницъ твой алтарь не собиралъ
Прелестнѣй андалузянокъ, вскормленныхъ

Любовію. О если-бъ перенесть
Ихъ въ мирныя, тѣнистыя дубровы,
Чтѐ въ Греціи еще донынѣ есть,
Хотя для ней давно прошли дни славы!

LXIV.

Прославлены испанцемъ древность дней,
Богатство, мощь Севи…
Но Ка…

Rousseau 2374. 14390
〃
Voltaire 14165

[illegible] L'Ile qui [illegible] 14290

…, моря создала,
…теплыми такими-жъ небесами
Какъ въ Греціи. Насильно не гнала
Она въ него поклонниковъ; но сами
Со всѣхъ сторонъ они стекались къ ней,
Святилища ей всюду воздвигали—
И тысячи не гаснущихъ огней
На алтаряхъ богини запылали.

LXVI.

Съ утра до ночи, съ ночи до утра
Здѣсь пѣсни, шумъ, веселье, взрывы смѣха
И выдумокъ затѣйливыхъ игра;
Потѣхою смѣняется потѣха.
Кто скромное веселье любитъ, тотъ
Здѣсь надолго съ нимъ долженъ распроститься;
Пускай монахъ усердно ладанъ жжетъ
(Взамѣнъ того, чтобъ искренно молиться);
Здѣсь набожность веселью не вредитъ,
Любовь всегда здѣсь празднуетъ свободно
И культъ ея въ одно съ молитвой слитъ,
Иль властвуютъ онѣ поочередно.

LXVII.

Воскресный день; недѣли день седьмой.
Для отдыха священнаго заранѣ
Онъ предназначенъ; это день святой:
Какъ здѣсь его проводятъ христіане?
Чу! слышите-ль быка ужасный ревъ?
Онъ смялъ одну тореадоровъ смѣну,
И нюхаетъ, вздувъ ноздри, кровь враговъ,
Повергнутыхъ сейчасъ имъ на арену.
Но зрители неистово орутъ;
Имъ новыхъ жертвъ, имъ новой крови надо!
И женщины, въ числѣ ихъ, тоже ждутъ,
Отъ зрѣлища не отвращая взгляда...

LXVIII.

Какъ въ Лондонѣ проводятъ день седьмой,
Молитвы день—извѣстно вамъ отлично:
Ремесленникъ, купецъ, мастеровой,

Почистившись, принарядясь прилично,
Спѣшатъ за всю недѣлю отдохнуть
И воздухомъ здоровымъ надышаться;
Наемный кэбъ, иль джигъ какой-нибудь
Въ Гарроу, Гемпстэдъ или Брентфордъ мчатся.
Въ концѣ концовъ одёръ едва идетъ,
Свой экипажъ везти позабываетъ,—
И сѣдоковъ злорадный пѣшеходъ
Завистливой насмѣшкой провожаетъ.

LXIX.

Иные же катаютъ въ лодкахъ дамъ
Разряженныхъ, или въ Уэръ стремятся,
Иль въ Ричмондъ направляются, чтобъ тамъ
Окрестностью съ холма полюбоваться;
Для многихъ цѣль прогулки ихъ — Гайгэтъ.
Вы спросите, о, тѣни Беотіи,
Зачѣмъ въ Гайгэтъ имъ ѣздить?—Вотъ отвѣтъ:
Чтобы почтить обычаи былые,—
Хотя для нихъ давно прошла пора,—
Таинственному «Рогу»[10]), поклониться
И, въ честь его, до самаго утра
Всю ночь плясать, и пить, и веселиться.

LXX.

Вездѣ свои безумства; но иной
Характеръ ихъ—здѣсь, въ Кадиксѣ прекрасномъ,
Что̀ высится надъ синей глубиной
Морскихъ пучинъ, подъ небомъ юга яснымъ.
Чуть девять бьетъ,—призывный это звонъ,—
Ханжа спѣшитъ Пречистой помолиться,
И набожно считаетъ четки онъ,
Чтобъ отъ грѣховъ своихъ освободиться;—

А тѣхъ грѣховъ—нельзя и сосчитать.
Потомъ—всѣ въ циркъ со всѣхъ сторонъ стремятся,—
И юноши и старцы, плебсъ и знать,
Чтобъ всѣмъ одной потѣхой забавляться.

LXXI.

Отворенъ циркъ. Арена тамъ пуста,
Еще сигналъ трубы не раздается;
Но ужъ давно всѣ заняты мѣста, —
Кто опоздалъ—туда не проберется.
Здѣсь много доновъ, грандовъ, пропасть дамъ,
Стрѣляющихъ глазами плутовскими,
Но каждый мигъ готовыхъ и бальзамъ
Пролить на раны, сдѣланныя ими.
Смерть отъ любви... пусть бардъ о ней поетъ;
Такая смерть—игра воображенья
Здѣсь, въ Кадиксѣ: никто тутъ не умретъ
Отъ гордаго красавицы презрѣнья.

LXXII.

Вотъ смолкнулъ шумъ, стихъ говоръ голосовъ,
Вниманье всѣхъ обращено на сцену,
Въ безмолвіи: тамъ четверо бойцовъ
Съ поклонами въѣзжаютъ на арену.
Всѣ съ копьями и въ шарфахъ дорогихъ,
Со шпорами на пяткахъ золотыми
И съ перьями на шляпахъ; кони ихъ
Ржутъ, и храпятъ, и прыгаютъ подъ ними...
Когда они сегодня побѣдятъ,
То могутъ ждать за подвигъ свой награды:
Навстрѣчу имъ въ восторгѣ полетятъ
И крикъ толпы, и дамъ прекрасныхъ взгляды.

LXXIII.

А въ центрѣ тамъ, въ нарядѣ дорогомъ,
Въ цвѣтномъ плащѣ, я вижу матодора.
Онъ пѣшій и метательнымъ копьемъ
Вооруженъ. Внимательнаго взора
Не сводитъ онъ съ царя мычащихъ стадъ.
Онъ изучилъ уже всѣ точки круга,
Лишь быстрота, отвага, вѣрный взглядъ
Его спасутъ; онъ не имѣетъ друга
Въ лихомъ конѣ, который ѣздока
Въ опасности такъ часто выручаетъ
И за него отъ страшнаго быка
Смертельные удары получаетъ. —

LXXIV.

Труба звучитъ, открылась настежъ дверь,
Циркъ замеръ весь, охваченный волненьемъ:
Однимъ прыжкомъ выскакиваетъ звѣрь,
Глядитъ вокругъ съ сердитымъ изумленьемъ;
Не кинется онъ слѣпо на врага,
Туда сюда онъ гнѣвный взглядъ бросаетъ,
Изподтишка и, наклонивъ рога,
Косится онъ и жертву выбираетъ.
Его глаза какъ уголья горятъ,
Вотъ, лобъ склонивъ, впередъ онъ устремился;
Вотъ прыгнулъ вбокъ, вотъ подался назадъ —
Махнулъ хвостомъ—и вдругъ остановился.

LXXV.

Прочь юноша безпечный! что̀ стоишь?
Быкъ взглядомъ всѣ твои движенья ловитъ;
И ты погибъ, когда не убѣжишь,

Иль дротикъ твой его не остановитъ.
Всѣ въ стороны метнулись скакуны,
За ними быкъ, песокъ взрывая, мчится;
Но раненъ онъ, съ лоснящейся спины
Кровь жаркая потоками струится.
Онъ, въ ярости, то—на враговъ бѣжитъ,
То—прочь отъ нихъ, то вдругъ, въ порывѣ новомъ,
Кидается; вотъ ослабѣлъ, дрожитъ
И выдаетъ свои страданья ревомъ.

LXXVI.

Вотъ онъ опять бросается впередъ:
Его скачки стремительны и дики,
Онъ всѣхъ враговъ навѣрно разнесетъ,
Напрасны тутъ и дротики и пики.
Онъ одного коня ужъ уложилъ,
Другому грудь разворотилъ рогами...
Ужасный видъ! Собравъ остатокъ силъ,
Несчастный конь чуть двигаетъ ногами.
Ему ударъ смертельный нанесенъ,
Густая кровь изъ страшной раны льется;
Скакунъ погибъ, но всадникъ имъ спасенъ,
И цѣлъ и здравъ на немъ онъ остается.

LXXVII.

Едва дыша, весь кровію покрытъ,
До крайности врагами доведенный,
Средь круга быкъ, разсвирѣпѣвъ, стоитъ,
Израненый, но все не побѣжденный.
Растерянно и дико смотритъ онъ,
Какъ звѣрь лѣсной среди собачьей своры,
А дротики летятъ со всѣхъ сторонъ,
Его язвятъ и дразнятъ матадоры.

Въ послѣдній разъ онъ наклонилъ рога—
И бурей чрезъ толпу враговъ прорвался;
Но брошенный искусно плащъ покрылъ
Его глаза,—напрасно онъ метался.

LXXVIII.

Все кончено, въ его большой хребетъ
У позвонковъ смертельный дротъ вонзился
Быкъ вздрогнулъ, сталъ, вдругъ ринулся впередъ,
И на песокъ арены повалился,
При кликахъ. Вотъ съ четверкою коней
Парадная явилась колесница:
Уложенъ трупъ животнаго на ней;
Едва сдержалъ своихъ коней возница;
Затѣмъ они рванулись, понеслись
Съ арены прочь, стремительны и дики,
Таща быка, и вслѣдъ имъ понеслись
Опять толпы ликующіе крики.

LXXIX.

Вотъ зрѣлище кровавыхъ дикихъ сценъ,
Которое испанцевъ привлекаетъ;
Они растутъ средь крови и измѣнъ,
Чужая боль—сердца ихъ услаждаетъ.
Теперь они возстали на враговъ,
И войско ихъ съ французами дерется;
Но все еще у мирныхъ очаговъ
Довольно ихъ, къ несчастью, остается,
Чтобъ тайные удары замышлять,
Питая месть, домашніе раздоры,
И кровь друзей нещадно проливать,
Изъ-за какой нибудь ничтожной ссоры.

LXXX.

Но ревности въ поминѣ больше нѣтъ,
Ея замки, запоры и дуэньи —
Все это лишь преданья давнихъ лѣтъ,
Хламъ прошлаго, исчезнувшій въ забвеньи.
Когда еще здѣсь не было войны—
Гдѣ дѣвушекъ свободнѣй вы видали,
Чѣмъ дѣвушекъ въ Испаніи? Полны
Веселости, какъ прыгали, плясали,
Ночной порой на муравѣ онѣ,
Какъ радостно ихъ взоръ сверкалъ при этомъ!
А лучъ луны, сіявшей въ вышинѣ,
Ихъ озарялъ своимъ любовнымъ свѣтомъ.

LXXXI.

О, много разъ и часто Чайльдъ любилъ,
Или мечталъ что любитъ (упоенье
Любви—мечта); но миновалъ тотъ пылъ;
Чайльдъ не испилъ еще волны забвенья,
А такъ еще недавно онъ узналъ,
Что страсть любви не можетъ долго длиться,
И истиной безспорною считалъ,
Что лучшій даръ ея въ крылахъ таится.
Какъ ни была-бъ она мила на взглядъ,
Кипучую вливая въ сердце радость,
Въ ея цвѣтахъ сокрытый горькій ядъ
Отравитъ вамъ ея восторговъ сладость.

LXXXII.

Но не былъ слѣпъ онъ къ чарамъ красоты,
Хотя она его не волновала,
Не прежнія будила въ ней мечты

И только какъ философа плѣняла.
Не то чтобъ могъ онъ передъ нею пасть,
Съ восторженнымъ, святымъ благоговѣньемъ,—
Но отдыха желаетъ даже страсть
Кипучая, скучая пресыщеньемъ.
Давно надеждъ лишилъ его порокъ,
Самъ для себя копающій могилу,
И Каина судьбѣ его обрекъ,
Какъ червь точа въ немъ жизненную силу.

LXXXIII.

Онъ одинокъ среди толпы бродилъ,
Однако онъ ея не ненавидѣлъ
И самъ въ ея весельи былъ бы радъ
Участвовать; но изъ всего, что видѣлъ,
Ничѣмъ тоску прогнать онъ не умѣлъ.
Однажды Чайльдъ бороться съ ней рѣшился.
Съ красавицей-испанкой онъ сидѣлъ,
Задумчивый, и вдругъ онъ разразился
Стихами къ ней. Чайльдъ-Гарольдъ видѣлъ въ ней
Тѣ прелести, что нѣкогда плѣняли
Его среди былыхъ счастливыхъ дней,
Когда еще не вѣдалъ онъ печали.

КЪ ИНЕЗѢ.

«Не смѣйся надъ моимъ нахмуреннымъ челомъ:
Увы! Я не могу ужъ больше улыбаться,
И къ небесамъ мольбу я возношу о томъ,
Чтобъ не пришлось тебѣ слезами обливаться...

«Въ чемъ горе то мое,—ты спросишь, можетъ быть,—
Чтò молодость мою и радость жизни гложетъ,
Та мука тайная, которую смягчить
Твое напрасное участіе не можетъ?

«Не злоба, не любовь, не честолюбья страсть,
Сраженная въ своей обманутой надеждѣ,
Заставили меня судьбу мою проклясть,
Бѣжать ото всего, чѣмъ дорожилъ я прежде,—

«А утомленіе и сердца тягота;
Источникъ ихъ — во всемъ, что вижу, что встрѣчаю,
Меня уже плѣнить не можетъ красота, —
Я даже чудныхъ глазъ твоихъ не замѣчаю.

«То подавляющей тоски всегдашній гнетъ,
То мука «вѣчнаго скитальца іудея»;
Спокойствія мой духъ напрасно въ жизни ждетъ,
За жизненную грань заглядывать не смѣя.

«Возможно-ль отъ себя уйти и скрыться намъ?
Гдѣ тотъ далекій край, гдѣ тайная обитель,
Куда-бъ не погналась за мною по пятамъ
Отрава жизни—мысль, мой демонъ и мучитель?

«Но въ томъ, что бросилъ я, чѣмъ я ожесточенъ,
Я вижу, многіе находятъ наслажденье:
О, пусть лелѣетъ ихъ и длится этотъ сонъ
Пусть не придетъ для нихъ внезапно пробужденье!

«Мнѣ много странъ еще придется посѣтить,
Нося проклятіе своихъ воспоминаній,
Но худшаго со мной уже не можетъ быть,
Чѣмъ то, что я успѣлъ извѣдать въ дни страданій.

«Въ чемъ это худшее? Ты хочешь это знать?
Не спрашивай меня; своимъ пытливымъ взглядомъ,
Хотя бъ изъ жалости, не вздумай проникать
Въ глубь сердца моего: тамъ встрѣтится онъ съ адомъ...

LXXXIV.

Прощай прекрасный Кадиксъ. Кто забылъ,
Какъ доблестно твои стояли стѣны?
Мѣнялось все, одинъ ты вѣренъ былъ,
Твои бойцы не вѣдали измѣны.
Едва едва она тутъ завелась—
Тотчасъ погибъ единственный предатель;
Ничья душа цѣпямъ не поддалась,
Которыя принесъ завоеватель;
Дворянство лишь могучій врагъ смутилъ,
Не могъ сломить онъ доблестей народныхъ;
Здѣсь каждый твердъ и благороденъ былъ,
Минуя лишь сословье благородныхъ.

LXXXV.

Испанія! какъ страненъ жребій твой:
Твои рабы дерутся за свободу;
Пришлося тронъ отстаивать пустой
Лишенному властителя народу.
Вожди бѣгутъ, сражается вассалъ;
Любовь къ странѣ его одушевила,
Гдѣ никакихъ онъ благъ не испыталъ,—
Лишь жизнь ему отчизна подарила.
Честь гордая — вотъ вождь его въ бояхъ!
Побитый, въ бой онъ съ новымъ пыломъ рвется,
И крикъ: «Война, хотя бы на ножахъ!»
Въ Испаніи донынѣ раздается.

LXXXVI.

Кто болѣе желаетъ знать о ней,
Тотъ пусть прочтетъ—что̀ писано лишь было
Объ ужасахъ кровавыхъ этихъ дней.

Испанца месть пришельцевъ не щадила.
Всѣмъ что найти лишь подъ рукой могла,
Отъ палаша до скрытаго кинжала,
Лицомъ къ лицу, или изъ-за угла —
Она враговъ со злобой поражала.
Сестру, жену, испанецъ защищалъ,
И наносилъ смертельные удары, —
Лишь только бъ врагъ окровавленный палъ,
Безжалостной заслуживавшій кары!

LXXXVII.

Прольетъ ли кто слезу о мертвецахъ?
Взгляните: вотъ долина истребленья;
Кровь женская на вражескихъ рукахъ...
Оставьте ихъ тѣла безъ погребенья,
Въ добычу псамъ и коршунамъ! пусть видъ
Скелетовъ ихъ, бѣлѣющихъ въ пустынѣ,
И эта кровь, и все здѣсь говоритъ—
Какой тутъ бой свирѣпствовалъ въ долинѣ.
Пусть много лѣтъ его ужасный слѣдъ
Хранится здѣсь, чтобъ дѣти не забыли
И поняли—какихъ отцы ихъ бѣдъ
И страшныхъ сценъ свидѣтелями были!

LXXXVIII.

Увы! еще не кончилась борьба:
Все свѣжія когорты прибываютъ
Отъ Пириней: чѣмъ порѣшитъ судьба
Съ Испаніей — и мудрые не знаютъ.
И на нее весь міръ теперь глядитъ,
Съ надеждой ждутъ сраженные народы:
Свободная — она освободитъ,
Какъ нѣкогда лишала всѣхъ свободы,

Въ дни страшные своихъ Пизарро. Вотъ
Измѣнчивой судьбы вознагражденье:
Въ спокойствіи Колумбія цвѣтетъ,
Въ Испаніи — царитъ опустошенье.

LXXXIX.

Ни чудеса Боросскихъ славныхъ дѣлъ,
Ни вся та кровь, что поле Талаверы
Окрасила, ни груды мертвыхъ тѣлъ,
Покрывшія равнины Альбуэры,
Не принесли донынѣ торжества
Испаніи. Какъ долго будетъ литься
Кровь за ея безспорныя права?
Когда ея олива возродится?
Какъ много дней до той поры пройдетъ,
Когда ее оставитъ врагъ въ покоѣ
И, чуждое ей нынѣ, возрастетъ
Въ ней дерево свободы какъ родное?

XC.

А ты, мой другъ![11]) Изъ сердца моего
Стонъ вырвался и къ пѣсни примѣшался...
Изъ гордости я бъ могъ сдержать его,
Когда бы зналъ, что въ битвѣ ты скончался.
Но умереть не смертію бойца,
Въ пылу войны, въ могилу быть зарытымъ,
Не получивъ лавроваго вѣнца,
И, кромѣ друга, всѣми быть забытымъ...
Чѣмъ заслужилъ ты грустный жребій свой —
Такъ мирно пасть среди борьбы кровавой,
Когда другихъ, кого нельзя съ тобой
И сравнивать, судьба вѣнчаетъ славой?

XCI.

Мой лучшій другъ, мой самый ранній другъ!
Хотя съ тобой я навсегда разстался,
Но я-бъ желалъ, чтобы твой скорбный духъ
Въ видѣньяхъ сна, порою, мнѣ являлся.
И утромъ, вставъ, тайкомъ поплачу я,
Грусть по тебѣ проснется съ новой силой,
Крылатая фантазія моя
Носиться будетъ надъ твоей могилой,
До той поры, когда мой жалкій прахъ
Туда, отколь онъ взятъ былъ, возвратится,
И тотъ, кого оставилъ ты въ слезахъ,
Въ кончинѣ вновь съ тобой соединится.

XCII.

Часть повѣсти героя моего
Окончилъ я. Кто дальше знать желаетъ—
Чтò было съ нимъ, — о странствіяхъ его
На будущихъ страницахъ прочитаетъ,
Когда поэтъ рѣшится продолжать.
Иль не къ чему? О, не суди такъ строго,
Мой критикъ! Знай, что Чайльду побывать
Пришлось въ странахъ, гдѣ памятниковъ много
Дней Греціи, тѣхъ славныхъ древнихъ дней,
Когда цвѣли тамъ доблестью народы
И варвары не погубили въ ней
Еще искусствъ, и славы, и свободы.

ИЗЪ «ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА».

(ОТРЫВКИ ИЗЪ IV ПѢСНИ).

1.

На развалинахъ колизея.

I.

О, время, ты, что красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь! о добрый генiй,
Единый врачъ истерзанныхъ сердецъ
И исправитель нашихъ заблужденiй!
Ты, пробный камень честности людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Единственный мудрецъ, судья святой,
Творящiй судъ правдивый, непреложный—
Хоть иногда и долго, долго ждётъ
Своей поры и мзда твоя и кара—
О, Время-мститель, отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара!

II.

Среди руинъ, гдѣ ты гигантскiй храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ курится фимiамъ—

И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, но отмѣченныхъ судьбою;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорблялъ и черствъ я былъ душою;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что такъ противъ меня возстали—
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ *для нихъ* пора печали?

III.

О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И карой за неправду воздаешь,
Столь чтимая у древнихъ Немезида!
Ты, по чьему велѣнію толпой
Изъ тартара всѣ фуріи стеклися
И поднялся вокругъ Ореста вой
О мщеніи—тебя зову, проснися!
Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
Тебя теперь изъ праха вызываю!
Иль ты не слышишь вопля моего?—
Но встанешь ты, я твердо уповаю.

IV.

Я не скажу, что я за грѣхъ отцовъ,
Или за свой, не долженъ поплатиться,
И рану я переносить готовъ,
Которая въ груди моей дымится,
Когда-бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
Когда-бъ я зналъ за что я такъ страдаю;
Теперь же кровь моя не будетъ течь;
Ее тебѣ отнынѣ посвящаю.

Ты отомстишь: для мщенья время есть,
Когда карать неправду ты возьмешься,
Хотя-бъ я самъ и позабылъ про месть;
Хотя-бъ я спалъ—ты за меня проснешься.

V.

И если вдругъ раздался голосъ мой,
То вызванъ онъ не пыткою страданья:
Видалъ ли кто, чтобъ гордой головой
Я поникалъ въ минуту испытанья?
Но памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
Я по себѣ оставить; пусть истлѣетъ
Въ могилѣ мой давно забытый прахъ,
Но никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
Значеніе пророческое ихъ
Когда-нибудь для міра объяснится;
Придетъ пора—и на людей мой стихъ,
Какъ громъ изъ тучъ, проклятьемъ разразится.

VI.

Проклятіемъ—прощенье будетъ. Мнѣ ль—
О мать-земля, о небо, къ вамъ взываю!—
Мнѣ ль нечего прощать? и неужель
Въ борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
Или мой мозгъ не высохъ оттого?
Иль люди жизнь мою не отравили,
Не растерзали сердца моего
И клеветой меня не заклеймили?
И если я въ отчаянье не впалъ,
Такъ потому, что противъ бѣдъ гнетущихъ
Природа мнѣ дала не тотъ закалъ,
Чтò у людей, вокругъ меня живущихъ.

VII.

Я-ль не знавалъ житейской суеты,
Отъ крупныхъ золъ до хитрости ничтожной;
Отъ громкаго хуленья клеветы
До шопота измѣны осторожной
Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій ядъ
Невидимо вредитъ своей отравой,
И чей прямой, повидимому, взглядъ
Исполненъ лжи и хитрости лукавой.
Такъ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь;
Безмолвно лгутъ они открытымъ взоромъ,
Лишь вздохъ порой, или пожатье плечъ
Ихъ выдаетъ нѣмымъ своимъ укоромъ.

VIII.

Но вѣдь я жилъ, и не напрасно жилъ;
Мой умъ свою утратить можетъ силу,
Огонь, что кровь мою животворилъ,
Погаснетъ, и я самъ сойду въ могилу;
Но *нѣчто* есть въ груди моей, чего
Не истребитъ ни время, ни страданье;
Пусть я умру, но будетъ жить его
Незримое, безсмертное дыханье;
Какъ арія забытая пѣвца,
Она порой смутитъ ихъ духъ волненьемъ,
Расплавитъ ихъ желѣзныя сердца
И душу ихъ наполнитъ сожалѣньемъ.

IX.

Теперь конецъ. Привѣтствую тебя
Могущество безъ наименованья
И безъ границъ! Полночный часъ любя,

Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
Тамъ твой прiютъ, тамъ твой любимый домъ,
Гдѣ высятся оставленныя стѣны,
Какъ мантiей, покрытыя плющомъ;
И ты царишь средь величавой сцены,
Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
Что кажется, какъ-будто мы, незримо,
Участвуемъ взволнованной душой
Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.

X.

Здѣсь шумъ толпы арену волновалъ,
При зрѣлищѣ кроваваго сраженья,
То бурею восторженныхъ похвалъ,
То ропотомъ невнятнымъ сожалѣнья.
Изъ-за чего-жъ тутъ рѣзались рабы
И погибалъ несчастный гладiаторъ?
Чернь тѣшилась позоромъ ихъ борьбы,
И тѣшился жестокiй императоръ!
Такъ что жъ? не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
Арены кругъ и славной битвы поле—
Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гнiютъ
Главнѣйшiе актеры ихъ—не болѣ...

XI.

Боецъ лежитъ, смертельно пораженъ,
Безпомощно онъ оперся на руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело
Склоняется все ниже надъ землею...

Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ и, въ изступленьи дикомъ,
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.

XII.

Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ;
Не думалъ онъ о жизни угасавшей,
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ — съ сердцемъ вмѣстѣ — тамъ,
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима...
Возстаньте же, о готѳы, наконецъ!
Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

2.

Океанъ.

I.

О, если бы въ пустынѣ могъ я жить
И тамъ со мной была душа родная;
О, если-бъ могъ я родъ людской забыть,
Любя одну, другихъ не проклиная!
Стихіи! Я способенъ оживать
Отъ вашего бодрящаго дыханья;
Ужель мнѣ вы не въ силахъ даровать
Подобнаго прекраснаго созданья?

Иль то мечта, лишь праздныя слова,
Что гдѣ нибудь мой геній-другъ найдется,
Что въ мірѣ есть такія существа,
Хоть ихъ встрѣчать намъ рѣдко удается?

II.

Есть прелести и въ дебряхъ безъ путей,
Восторги есть среди пустынь прибрежныхъ,
Есть общество и тамъ гдѣ нѣтъ людей,
И музыка въ прибоѣ волнъ мятежныхъ.
Я ближняго не пересталъ любить,
Но мнѣ всего милѣй природа; съ нею
Наединѣ готовъ я позабыть
Себя вполнѣ, со всей судьбой моею;
Въ подобныя минуты я въ одно
Съ великою вселенною сливаюсь,
И чувствую—что̀ скрыть мнѣ не дано
Что̀ высказать напрасно порываюсь.

III.

Волнуйся же, глубокій океанъ!
Хотя скользятъ надъ бездною твоею
Тьмы кораблей и флоты разныхъ странъ,
Но человѣкъ не властвуетъ надъ нею.
Лишь землю онъ руинами покрылъ,
Но берегъ твой—предѣлъ его владѣній;
Онъ водъ твоихъ себѣ не покорилъ,
Въ нихъ нѣтъ слѣда его опустошеній;
Лишь самъ, порой, въ нихъ гибнетъ онъ, когда
На глубинѣ, съ послѣднимъ слабымъ стономъ,
Исчезнетъ вдругъ, какъ капля, безъ слѣда,
Охваченный твоимъ холоднымъ лономъ.

IV.

Его слѣдовъ нѣтъ на твоихъ путяхъ,
Твоихъ равнинъ испортить онъ не можетъ:
Его встряхнешь ты на своихъ волнахъ—
И твой порывъ ту силу уничтожитъ,
Которой онъ владѣетъ для того,
Чтобъ на землѣ творить опустошенье;
Что жалкое могущество его
И жалкая надежда на спасенье?
У пристани онъ былъ, но къ облакамъ
Подбросилъ ты его, волной сердитой,
И выкинулъ на берегъ; пусть же тамъ
Корабль его лежитъ, въ куски разбитый.

V.

Могучій флотъ, что̀ повергаетъ въ страхъ
Властителей, и города, и страны
И разгромить твердыни можетъ въ прахъ,
Дубовыя суда—левіаѳаны,
Которыми, въ тщеславіи своемъ,
Гордится такъ скудельный ихъ строитель,
Которыхъ видъ мысль возбуждаетъ въ немъ
Нелѣпую, что онъ твой повелитель,—
Они твои игрушки; и на дно
Они идутъ отъ одного удара
Могучихъ волнъ, глотающихъ равно
Армады мощь, и флотъ у Трафальгара.

VI.

Имперіи по берегамъ твоимъ
Могуществомъ цвѣли и разрушались;
Ассирія, и Греція, и Римъ,

И Карѳагенъ... куда они дѣвались?
Ты видѣлъ ихъ и въ славѣ, и въ цѣпяхъ,
И омывалъ въ дни блеска и паденья;
Но та же жизнь кипитъ въ твоихъ волнахъ,
Все тотъ же ты, какимъ былъ въ день творенья.
Полетъ временъ все старитъ на землѣ,
Онъ превратилъ имперіи въ руины,
Но на твоемъ сіяющемъ челѣ
Онъ ни одной не наложилъ морщины.

VII.

О! зеркало, гдѣ отразился Богъ!
Въ лучахъ зари, подъ сумракомъ тумана,
Въ спокойствіи, или среди тревогъ,
Взволнованный набѣгомъ урагана,
У полюсовъ, въ бронѣ изъ вѣчныхъ льдинъ,
У тропиковъ подъ атмосферой жгучей—
О, океанъ! повсюду ты одинъ:
Великій, безграничный и могучій.
Ты—вѣчности изображенье, тронъ
Незримаго, таинственный, глубокій,
Всѣхъ климатовъ владыка и законъ,
Неизмѣримый, грозный, одинокій.

VIII.

И какъ тебя любилъ я съ юныхъ дней,
И надъ твоей зеленой глубиною,
Какъ пузырьки, скользящіе по ней,
Любилъ нестись, толкаемый волною.
Въ младенчествѣ съ тобою я игралъ,
Твой шумъ, твой плескъ мнѣ были наслажденьемъ;

И если вдругъ ты волны подымалъ,
И пѣнился съ грозой и озлобленьемъ,
Внушая страхъ — то былъ пріятный страхъ:
Я трепеталъ и, вмѣстѣ, любовался:
Взлелѣянъ былъ я на твоихъ волнахъ
И имъ всегда безпечно довѣрялся...

МАЗЕПА.

(ПОЭМА).

1.

Утихъ полтавскій страшный бой.
Фортуна Карла не спасла:
Въ конецъ измучена борьбой,
На мѣстѣ рать его легла.
Покрылъ вѣнецъ воинской славы —
Людей измѣнчивыхъ кумиръ —
Защитниковъ другой державы
И далъ стѣнамъ московскимъ миръ
До той всѣмъ памятной годины,
До тѣхъ ужасныхъ, мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушенью,
Судьба позору предала,
И міръ, въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла.

2.

Такъ жребій роли измѣнилъ:
Онъ бѣгству Карла научилъ.

И день, и ночь среди полей,
Обрызганъ кровію своей
И многихъ тысячъ, онъ бѣжалъ.
Но ни одинъ мятежный гласъ,
Въ тотъ униженья горькій часъ,
Среди толпы не возставалъ,
Погибшей славы не пятналъ
Своимъ упрекомъ, хоть упрекъ
Всякъ безъ боязни сдѣлать могъ.
Коня убитаго подъ нимъ
Гіета замѣнилъ своимъ —
И русскимъ плѣннымъ умеръ онъ.
А Карлъ, измученъ, изнуренъ
Трудами дальняго пути,
Не могъ ихъ долѣе нести;
И въ глубинѣ густыхъ лѣсовъ,
Въ сосѣдствѣ вражескихъ костровъ,
Онъ долженъ лечь былъ наконецъ.
Не это ль ла́вровый вѣнецъ,
Не это ль гибельной войной
И кровью купленный покой?
Карлъ ослабѣлъ и изнемогъ,
Подъ дикимъ деревомъ онъ легъ,
Страдая отъ засохшихъ ранъ.
Въ тотъ часъ былъ холодъ и туманъ,
Мракъ ночи покрывалъ поля;
Горячки жаръ въ крови игралъ,
Сонъ благодатный отгонялъ
Отъ глазъ усталыхъ короля;
Но средь бѣды онъ духомъ росъ,
По-царски горе перенесъ,
И въ крайнемъ изнуреньи силъ
Страданья волѣ покорилъ:
Онѣ молчали передъ нимъ,
Какъ предъ владыкою своимъ.

3.

Его вожди... увы, какъ мало
Со дня полтавскаго ихъ стало!
Они въ паденіи своемъ
Слугами вѣрными явились,
Съ безмолвной грустію кругомъ,
На почвѣ влажной, помѣстились
Съ монархомъ; тамъ же конь стоялъ:
Его здѣсь жребій поровнялъ
Съ людьми. Сѣдой Мазепа тоже
Подъ тѣнью дуба сдѣлалъ ложе.
Суровыхъ казаковъ глава
Привыкъ довольствоваться малымъ;
Но позаботился сперва
Онъ о конѣ своемъ усталомъ:
Ему онъ листьевъ подостлалъ,
Подпруги крѣпкія ослабилъ,
Его по гривѣ потрепалъ,
По бедрамъ онъ его погладилъ;
Потомъ съ любовью наблюдалъ,
Какъ онъ кормился, отдыхалъ:
До этихъ поръ старикъ боялся,
Чтобы, измучась, конь лихой
Травы, увлаженной росой,
Въ часъ ночи ѣсть не отказался.
Но конь былъ бодръ, неприхотливъ,
Покоренъ, вѣренъ, терпѣливъ.
Онъ голосъ господина зналъ,
Его средь тысячъ различалъ,
И въ тьмѣ ночной онъ былъ готовъ
Примчаться на знакомый зовъ.

4.

Мазепа плащъ свой разложилъ,
Подъ дубомъ пику прислонилъ,
Свое оружье осмотрѣлъ:
Въ порядкѣ ль вынесло оно
Походъ начатый такъ давно,
На полкахъ порохъ все ли цѣлъ,
Не зазубрился ли кремень,
Не перетерся ли ремень
Булатной сабли, и ножны
Служить по прежнему ль годны?
Потомъ старикъ мѣшокъ досталъ,
Гдѣ свой запасъ онъ сберегалъ,
Все приготовилъ, разложилъ
И легкій ужинъ предложилъ,
Простымъ приправленный виномъ.
И Карлъ участье принялъ въ немъ,
Съ улыбкой, силясь показать,
Что нипочемъ ему страдать,
Что выше онъ и ранъ и бѣдъ.
Онъ говорилъ: «Межъ нами нѣтъ,—
Признаться въ этомъ мы должны,
Хоть всѣ мы смѣлы и сильны,—
Кто бъ превзойти Мазепу могъ
Средь битвъ, и схватокъ, и тревогъ.
Да, гетманъ, міръ — прибавилъ онъ —
Отъ александровыхъ временъ
Подобной пары не видалъ,
Какъ ты и этотъ Буцефалъ!
Что скиѳы! помрачилъ ты ихъ
Въ своихъ наѣздахъ удалыхъ.»

На это гетманъ отвѣчалъ:
«О, чтобъ ту школу чортъ побралъ,
Гдѣ научился ѣздить я!»

— «Что такъ, старикъ?» король спросилъ:
«Ты славно дѣло изучилъ.»

— «Долга исторія моя!
Пришлось бы много говорить,
Тогда-какъ надо намъ спѣшить:
Нашъ путь далекъ, и труденъ онъ,
Враги грозятъ со всѣхъ сторонъ
И будутъ гнать насъ средь степей,
Пока отъ нихъ мы не уйдемъ
И будемъ въ волю за Днѣпромъ
Кормить измученныхъ коней.
Король, вамъ сонъ необходимъ:
Я здѣсь побуду часовымъ
Отряда вашего.»

— «Нѣтъ, нѣтъ!
Быть-можетъ, повѣсть прежнихъ лѣтъ
Меня на время усыпитъ:
Я отдохну подъ твой разсказъ,
А то моихъ усталыхъ глазъ
Неуловимый сонъ бѣжитъ.»

— «Коль такъ, то я, пожалуй, радъ
Вернуться лѣтъ за пятьдесятъ,
Къ порѣ веселой, безъ заботъ,
Когда мнѣ шелъ двадцатый годъ...
Да, такъ—я больше не имѣлъ...
Янъ Казиміръ тогда сидѣлъ
На польскомъ тронѣ; я при немъ
Шесть лѣтъ служилъ—его пажомъ.
Монархъ ученый это былъ!
Онъ войнъ не велъ: онъ не любилъ
Чужія царства покорять,
Чтобъ послѣ снова ихъ терять,

И правилъ тихо—сколько могъ—
За исключеніемъ тревогъ
Варшавскихъ сеймовъ. Но сказать,
Что удалося избѣжать
Ему волненій—было бъ ложь:
Онъ музъ любилъ и женщинъ тожъ.
Ихъ своенравіе порой
Смущало духъ его войной;
Но скоро гнѣвъ его стихалъ:
Тогда онъ праздники давалъ
На всю Варшаву. У воротъ
Его дворца толпой народъ
Тѣснился и пытливый взоръ
Бросалъ на этотъ пышный дворъ,
На знатныхъ дамъ и на господъ
Которыми былъ окруженъ
Премудрый *Польскій Соломонъ.*
Такъ величали всѣ его
Поэты, кромѣ одного.
Щедротой царской позабытъ,
Онъ сталъ остеръ и ядовитъ,
Въ сатирѣ злой излилъ онъ месть,
Хвалясь, что ненавидитъ лесть.
То былъ блестящій, шумный дворъ,
Дававшій волю и просторъ
Забавамъ празднымъ. Средь пировъ,
Турнировъ, зрѣлищъ и баловъ,
Тамъ каждый вирши сочинялъ
И даже я не отставалъ
Отъ прочихъ. При дворѣ тогда
Блисталъ, какъ яркая звѣзда
Средь меньшихъ звѣздъ, магнатъ одинъ,—
Ясневельможный палатинъ.
Онъ такъ себя надменно велъ,
Какъ-будто съ неба къ намъ сошелъ.

Богатство, древній, знатный родъ
Ему доставили почетъ;
Но гордый графъ вообразилъ,
Что онъ себѣ обязанъ былъ
Своимъ значеньемъ, — до того
Казна несмѣтная его
И знатныхъ предковъ длинный рядъ
Въ немъ помрачили здравый взглядъ.
Своей особой важной онъ
Былъ непомѣрно ослѣпленъ;
Но не была ослѣплена
Его красавица-жена.
Моложе втрое, по несчастью,
Она скучала мужней властью,
И, послѣ безпокойныхъ грезъ,
Въ честь вѣрности прощальныхъ слезъ,
Ждала лишь случаевъ счастливыхъ,
Которые имѣютъ власть
Воспламенять внезапно страсть
Въ сердцахъ красавицъ горделивыхъ,
Чтобъ ей другого полюбить,
Правами графа подарить.

5.

«Теперь я старъ, теперь я сѣдъ —
Вѣдь мнѣ за семьдесятъ ужъ лѣтъ, —
Но въ раннемъ возрастѣ моёмъ
Я былъ красивымъ молодцомъ.
Не многіе изъ молодыхъ
Дворянъ — и знатныхъ и простыхъ —
Могли поспорить той порой
Въ блестящихъ качествахъ со мной.
Я былъ силенъ, и живъ, и смѣлъ;
Видъ нѣжный я тогда имѣлъ.

Какъ нынче грубъ онъ и суровъ:
Война, заботы, рядъ годовъ
Изгладили—и до конца—
Черты тогдашнія лица,
Съ ихъ выраженіемъ живымъ.
Да, слишкомъ разная пора
Мое *сегодня* и *вчера!*
Такъ что знакомымъ и роднымъ
Теперь меня бы не узнать,
Когда бъ случилось увидать.
Я измѣнился ужъ давно,
До старости... но, все-равно,
Преклонный возрастъ не лишилъ
Меня ни мужества, ни силъ,
Иначе, въ этотъ поздній часъ,
Не сталъ бы забавлять я васъ
Разсказами давнишнихъ лѣтъ,
Въ лѣсу, гдѣ намъ пріюта нѣтъ,
Гдѣ кровомъ служитъ намъ навѣсъ
Беззвѣздныхъ, сумрачныхъ небесъ.
Терезы образъ молодой—
Какъ-будто вижу предъ собой:
Воспоминаніе о ней
Еще свѣжо въ душѣ моей:
Но я не въ силахъ описать
Вамъ эти милыя черты.
Смѣшенье польской красоты
Съ турецкою могло создать
Такую пару чудныхъ глазъ,
Темнѣй, чѣмъ небо въ этотъ часъ;
Но въ нихъ сквозилъ украдкой лучъ,
Какъ мѣсяцъ въ полночь изъ-за тучъ;
И свѣтъ во мракѣ ихъ свѣтилъ,
Мѣшая съ нимъ лучи свои;
Глубокій взглядъ ихъ полонъ былъ

Огня, томленья и любви,
Какъ у людей, что предъ концомъ
Бросали, съ радостнымъ лицомъ,
На небо вдохновенный взоръ,
Всходя безъ страха на костеръ.
Ея прекрасное чело
Прозрачно было и свѣтло,
Какъ лѣтомъ озеро, когда
Въ немъ не колышется вода,
И солнце блещетъ въ глубинѣ,
И сводъ небесъ лежитъ на днѣ
Недвижно... Надо-ль продолжать
Мнѣ описаніе мое?
Я не могу вамъ передать,
Какъ сильно я любилъ ее.
Любилъ тогда, люблю теперь,
Среди успѣховъ и потерь,
При всѣхъ превратностяхъ земныхъ,
Въ бѣдахъ и въ радостяхъ моихъ.
И въ гнѣвѣ любимъ мы подъ-часъ,
И въ старости тревожитъ насъ
Минувшаго пустая тѣнь,
Такъ какъ Мазепу въ этотъ день.

6.

«Мы встрѣтились — и я взглянулъ,
Отъ глубины души вздохнулъ;
Безъ словъ отвѣтила она...
Природа чудныхъ тайнъ полна:
Есть много тоновъ, знаковъ въ ней —
Ихъ слышимъ, видимъ, но ничей
Опредѣлить не можетъ умъ;
Какъ искры, рой завѣтныхъ думъ
Изъ переполненныхъ сердецъ

Наружу рвется наконецъ;
Тѣ искры молніей бѣгутъ,
Отъ сердца къ сердцу вѣсть несутъ;—
Языкъ таинственный, нѣмой
Связь юныхъ душъ между собой,
Передающій въ тотъ же мигъ
Огонь, скрывающійся въ нихъ.
И долго молча я страдалъ,
Но все вдали себя держалъ,
Пока представленъ не былъ ей.
О, сколько разъ въ душѣ моей
Являлась мысль заговорить
Съ Терезой, чтобы ей открыть
Огонь, бушующій въ крови!
Но мнѣ мѣшалъ какой-то страхъ—
И замирали на устахъ
Слова дрожащія любви.
Однажды, шумною толпой,
Мы развлекалися игрой.
Счастливый жребій мой хотѣлъ,
Чтобъ близъ Терезы я сидѣлъ,—
И ту, которую любилъ,
Какъ часовой, я сторожилъ.—
Дай Богъ, чтобъ часовые насъ
Такъ сторожили въ этотъ часъ!—
И я замѣтилъ, что она
Была задумчива, блѣдна
И не игрой увлечена,
А чѣмъ-то... я не знаю чѣмъ...
Она играла, между тѣмъ,
Оставить круга не могла:
Какъ бы прикована была,
На зло желанью своему,
Недвижно къ мѣсту одному.
За нею долго я слѣдилъ,

И вдругъ мнѣ мысли озарилъ
Внезапный свѣтъ: онъ подалъ вѣсть,
Что для меня надежда есть.
Тогда-то я заговорилъ...
Признаться, рѣчь была темна;
Что нужды? слушала она
Мои несвязныя слова:
Кто слушалъ разъ — услышитъ два;
Конечно, сердце въ ней — не ледъ:
Когда нибудь меня пойметъ.

7.

«Да, я любилъ и былъ любимъ.
Я слышалъ, слабостямъ такимъ
Вы чужды, государь; коль такъ,
То повѣсть о моихъ слезахъ
И радостяхъ любви моей
Я сокращу, чтобы о ней
Не показался мой разсказъ
Пустой безсмыслицей для васъ.
Но, вѣдь, не всѣмъ дано судьбой
Разсудку страсти подчинять,
Или — какъ вамъ — повелѣвать
И государствомъ, и собой.
Теперь я — или былъ я — князь
Надъ тысячьми; на мой призывъ
Всякъ въ бой спѣшилъ наперерывъ,
Въ рядахъ стать первымъ не страшась;
Но надъ собой той власти нѣтъ!
Любилъ я, былъ любимъ въ отвѣтъ,
Считалъ счастливымъ жребій мой,
Но счастье кончилось бѣдой.
Встрѣчались тайно мы... О, часъ
Свиданья перваго! для насъ

Онъ былъ наградою всему:
Отъ юности до зрѣлыхъ лѣтъ
Въ моихъ воспоминаньяхъ нѣтъ
Другого, равнаго ему.
Украйну я готовъ отдать,
Чтобъ пережить его опять
И быть попрежнему пажомъ,
Который, въ счастіи своемъ,
Былъ дорогъ сердцу одному
И не имѣлъ богатствъ другихъ,
Лишь крѣпость юныхъ силъ своихъ.
Встрѣчались тайно мы: вдвойнѣ
Пріятно это, говорятъ.
Не знаю—это не по-мнѣ:
Я жизнь свою отдать былъ радъ,
Чтобъ передъ небомъ и землей
Назвать ее моей женой.
Какъ часто я грустилъ о томъ,
Что мы встрѣчались лишь тайкомъ!

8.

«Но на влюбленныхъ много глазъ
Всегда глядитъ: слѣдили насъ.
Въ глухую ночь подстерегли,
Схватили, къ графу привели,
Обезоружили меня.
Но еслибъ и покрытъ былъ я
Желѣзомъ съ головы до ногъ,—
Что противъ нихъ я сдѣлать могъ
Близъ за̀мка, въ мѣстности глухой,
Вдали отъ помощи людской?
То было предъ разсвѣтомъ дня;
Не чаялъ жить ужъ больше я—
И въ мысляхъ обратясь съ мольбой

Послѣдней къ Дѣвѣ пресвятой,
Я предался судьбѣ своей.
Не знаю я, что̀ сталось съ ней,
Съ Терезой: этотъ страшный часъ
Разъединилъ навѣки насъ.
Разгнѣвался надменный графъ;
Признаться надо, онъ былъ правъ:
Не могъ онъ вынести того,
Что случай этотъ перейдетъ
На нисходящій графскій родъ:
Что благородный гербъ его,
Котораго онъ былъ главой,
Запятнанъ дерзостью такой...
Фи, срамъ! съ мальчишкою, съ пажомъ!
Когда бы это съ королемъ,
То, можетъ-быть, въ бѣдѣ такой,
Графъ примирился бы съ судьбой;
Но тутъ... я не имѣю силъ
Вамъ передать, какъ золъ онъ былъ.

9.

«Коня!» — и приведенъ былъ конь
Степной породы, весь — огонь;
Казалось, мысли быстрота
Была по членамъ разлита
У скакуна. Но онъ былъ дикъ,
Къ уздѣ и шпорамъ не привыкъ,
Пугливъ и робокъ какъ олень,
И пойманъ только въ этотъ день.
Онъ фыркалъ, гриву подымалъ,
И страшно бился, и дрожалъ
Въ безсильной ярости своей...
И подведенъ былъ сынъ степей
Наемной челядью ко мнѣ,

И, накрѣпко къ его спинѣ
Веревкой привязавъ меня,
Пустили вдругъ они коня,
Назадъ и на бокъ раздались —
И мы какъ вѣтеръ понеслись.

10.

«Впередъ, впередъ! Я изнемогъ,
Куда несусь, понять не могъ...
День чуть замѣтно разсвѣталъ,
Покрытый пѣной, конь скакалъ
Впередъ. Послѣдній звукъ людской,
Который вѣтеръ несъ за мной
Со стороны враговъ моихъ,
Былъ звѣрскій, дикій хохотъ ихъ.
Внезапнымъ бѣшенствомъ объятъ,
Схвативъ веревку, я назадъ
Хотѣлъ лицо поворотить,
За зло проклятьемъ заплатить.
Мнѣ удалось; но конь бѣжалъ
Какъ буря; топотъ заглушалъ
Мой крикъ — и онъ напрасенъ былъ!
Я, правда, послѣ отплатилъ!
На мѣстѣ томъ, гдѣ за̀мокъ былъ
Подъемныхъ нѣтъ уже мостовъ,
Оградъ, рѣшетокъ, стѣнъ и рвовъ;
Тамъ нивы всѣ истреблены,
Лишь дикая трава растетъ
На камняхъ рухнувшей стѣны;
Ничто на мысль не наведетъ,
Что прежде крѣпость здѣсь была.
Ей твердость стѣнъ не помогла:
Я видѣлъ — башни тамъ пылали,
Зубцы ихъ трескались кругомъ,

Дымясь, ихъ крыши проливали
Свинецъ растопленный, дождемъ.
А въ часъ страданья и печали,
Когда меня къ спинѣ коня
Враги, на гибель, привязали, —
Какъ мало думали они,
Что будутъ и другіе дни
И шутка не пройдетъ имъ даромъ:
Что, имъ на горе и бѣду,
Благодарить я ихъ приду —
И зàмокъ истреблю пожаромъ.
Они, признаться, надо мной
Жестоко, горько подшутили,
Когда на смерть въ степи глухой
Меня такъ злобно осудили;
Зато и я—сказать могу —
Не долго былъ у нихъ въ долгу...
Сложилъ съ души я это бремя!
Равняетъ всѣхъ сѣдое время,
И — если только выжидать —
Примѣровъ не было отъ вѣка,
Чтобъ кто-нибудь могъ избѣжать
Упорной мести человѣка,
Который много, много дней
Лелѣетъ зло въ душѣ своей.

11.

«Впередъ! И я, и конь степной
Неслись, какъ вихри удалые,
И оставляли за собой
Всѣ обиталища людскія.
Такъ въ небѣ метеоръ летитъ,
Когда внезапно, съ громкимъ трескомъ,
Онъ тьму ночную озаритъ

Своимъ мгновеннымъ, яркимъ блескомъ.
Не попадалось намъ слѣдовъ
Ни деревень, ни городовъ:
Все степь — и на краю небесъ
Виднѣлся черной гранью лѣсъ.
Кой-гдѣ, на дальнихъ высотахъ,
Зубцы я видѣлъ на стѣнахъ
И башняхъ, отъ татаръ страну
Оберегавшихъ встарину; —
И только, больше никакихъ
Слѣдовъ людскихъ не встрѣтилъ взоръ:
Онъ видѣлъ лишь одинъ просторъ
Неограниченной ничѣмъ
Пустыни. За годъ передъ тѣмъ
Тамъ турокъ армія прошла:
Казалось, почва поросла
Кровавымъ дерномъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ спаги мчались на коняхъ.
Сводъ неба сумракъ облегалъ,
И грустно вѣтеръ завывалъ...
Хотѣлъ я вздохомъ отвѣчать,
Но ни молиться, ни вздыхать
Не могъ. Мы мчались все впередъ;
Съ меня дождемъ холодный потъ
На гриву падалъ; конь же мой
Въ пугливомъ бѣшенствѣ храпѣлъ—
И по пустынѣ въ даль летѣлъ.
Напрасно думалъ я порой,
Что скоро ослабѣетъ онъ,
Поспѣшнымъ бѣгомъ изнуренъ:
Я былъ, привязанный на немъ,
Для гнѣвной силы нипочемъ,
И возбуждало лишь ее,
Какъ острiе звенящихъ шпоръ,
Усилье каждое мое—

Дать членамъ сдавленнымъ просторъ.
И голосъ свой я испыталъ:
Онъ былъ и слабъ, и тихъ; но вдругъ
Мой конь рванулся, точно звукъ
Трубы внезапно услыхалъ;
При каждомъ словѣ онъ дрожалъ
И прыгалъ вбокъ. Межъ-тѣмъ мои
Веревки были всѣ въ крови,
И жажда мучила меня
И жгла языкъ сильнѣй огня.

12.

«И вотъ предъ лѣсомъ мы густымъ.
Онъ былъ глубокъ, необозримъ;
Тамъ вѣковыя дерева,
Которыхъ гордая глава
Не преклонялась предъ грозой,
Стояли твердою стѣной.
И густо, густо между нихъ
Ряды деревьевъ молодыхъ,
Свѣжѣй, раскошнѣй, зеленѣй,
Росли во всей красѣ своей.
Весна имъ щедро каждый годъ
Одежду новую даетъ,
А осень снова обнажитъ;
Тогда опавшій листъ лежитъ,
Окрашенъ въ мертво-красный цвѣтъ,
Какъ будто послѣ битвы слѣдъ
Застывшей крови. Средь полянъ
Я видѣлъ кое-гдѣ каштанъ
И мощный дубъ; порой видна
Была суровая сосна, —
Но отъ дороги въ сторонѣ,
Ихъ сучьи не мѣшали мнѣ,

А то иначе жребій мой,
Конечно, былъ бы не такой..
Мнѣ раны холодъ оковалъ,
Узлы веревки крѣпко сжалъ —
И такъ, межъ пней, деревъ, кустовъ,
Мы мчались на крылахъ вѣтровъ,
И быстрымъ скокомъ волки тамъ
Неслись за нами по слѣдамъ;
Сквозь лѣсъ сіяющей зарей
Я видѣлъ ихъ вблизи за мной,
А ночью все хрустѣлъ въ ушахъ
Ихъ легкій, крадущійся шагъ.
О, ка́къ желалъ я въ этотъ мигъ
Съ мечемъ ворваться въ стаю ихъ
И кончить въ бѣшеномъ бою
Жизнь угасавшую мою!
Какъ мучилъ страхъ теперь меня,
Что силъ не станетъ у коня!
Напрасно: средь пустынь рожденъ,
Какъ серна горъ былъ легокъ онъ,
И быстръ какъ вѣтра буйный бѣгъ,
Когда онъ гонитъ бѣлый снѣгъ,
Имъ очи путника слѣпитъ,
Морозомъ члены леденитъ,
Чтобъ никогда бѣднякъ не могъ
Ступить за близкій ужъ порогъ.
И, головой своей крутя,
Онъ мчался по тропамъ лѣснымъ,
Золъ, бѣшенъ и неукротимъ,
Какъ своенравное дитя,
Какъ женщина, когда она
Отмстить кому за зло властна́.

13.

«Мы миновали темный лѣсъ.
Ужъ солнце было средь небесъ,
Но холодъ въ воздухѣ стоялъ.
Иль это въ жилахъ пробѣгалъ
Холодный трепетъ, точно ядъ?
Страданья хоть кого смирятъ!
Я былъ тогда совсѣмъ другой:
Порывистъ, какъ потокъ весной,
И больше чувствовалъ, чѣмъ могъ
Рой ощущеній и тревогъ,
Въ душѣ возникшихъ, передать.
А много мнѣ пришлось страдать:
Я былъ и холоденъ, и нагъ,
Меня томили стыдъ и страхъ,
И злость, снѣдающая духъ,
Тоска, и гнѣвъ, и боль—все вдругъ.
Происходя отъ тѣхъ людей,
Въ чьихъ жилахъ кровь кипитъ сильнѣй,
Оковъ не терпитъ никакихъ
И рвется бѣшено изъ нихъ,—
Дивиться ли, что той порой,
Страдая тѣломъ и душой,
Подъ гнетомъ боли и тревогъ,
Я на минуту изнемогъ?
Мнѣ быстрый бѣгъ туманилъ взглядъ,
Мелькая, путь бѣжалъ назадъ,
Огромнымъ сильнымъ колесомъ
Вертѣлись небеса кругомъ,
Ложились на́земь дерева...
Мнѣ было тошно; голова
Моя кружилась, мозгъ болѣлъ;
То на минуту онъ нѣмѣлъ,
То снова бился и дрожалъ...

Лучъ мимолетный пробѣжалъ
Въ глазахъ моихъ — и въ тотъ же мигъ
Непроницаемою тьмой
Покрылся взоръ угасшій мой.
Я силъ очнуться не имѣлъ,
Не могъ поднять своихъ очей;
Лишь въ глубинѣ души моей
Рой чувствъ подавленныхъ кипѣлъ.
И, видя близкій свой конецъ,
Я былъ какъ на доскѣ пловецъ,
Средь волнъ морскихъ, когда онѣ
Его крутятъ, толкаютъ, бьютъ
И шумно къ берегу несутъ.
Жизнь колебалася во мнѣ,
Мерцая трепетно, точь-въ-точь,
Какъ огоньки въ глухую ночь,
Дрожащіе въ глазахъ больныхъ,
Когда горячка мучитъ ихъ.
Еще усиліе одно —
Все стало смутно и темно,
Боль замѣнилъ хаосъ на часъ,
Чтò было хуже во сто разъ...
О! было-бъ слишкомъ мнѣ опять
То-жъ, умирая, испытать;
Однако — я увѣренъ въ томъ —
Намъ предстоятъ передъ концомъ
Сильнѣй страданія и страхъ,
Пока не обратимся въ прахъ...
Но я готовъ на смерть; предъ ней
Не отвращу моихъ очей.

14.

«И я очнулся. Гдѣ я былъ?
Окоченѣлый и безъ силъ...

И медленно, едва-едва,
Вступала жизнь въ свои права:
Чуть билось сердце, пульсъ дрожалъ,
По членамъ трепетъ пробѣгалъ,
И съ болью взволновалась вновь
Охладѣвающая кровь.
Въ ушахъ моихъ былъ страшный шумъ,
Въ умѣ—толпа несвязныхъ думъ;
Я могъ смотрѣть, но тяжело,
Какъ бы сквозь темное стекло.
И было на небѣ свѣтло:
Смотрѣли звѣзды съ вышины;
Вблизи я слышалъ плескъ волны...
Нѣтъ, то не сонъ! мой конь повлекъ
Меня въ бушующій потокъ.
Онъ былъ стремителенъ, широкъ,
Съ трудомъ мы плыли по волнамъ
Къ безвѣстнымъ, темнымъ берегамъ;
Но гордо конь сердитый валъ
Широкой грудью пробивалъ,
Съ усильемъ цѣли достигалъ.
Я мало пристани былъ радъ:
Впередъ смотрѣлъ я, иль назадъ—
Я видѣлъ только тьму одну,
Ужасной ночи глубину,
И не совсѣмъ-то сознавалъ
Земной ли жизнью я дышалъ.

15.

«Съ лоснистой шерстью, съ мокрой гривой,
Дымясь, шатаясь подо мной,
Собравъ всѣ силы, конь ретивый
Взбирался на берегъ крутой.
Достигли мы его вершины;

Оттуда я на степь взглянулъ —
Мой взоръ въ пространствѣ потонулъ:
Тянулись въ сумракѣ равнины
Безъ очертаній и лица,
Все дальше, дальше, безъ конца...
Такъ въ безпокойныхъ грезахъ сна
Мы видимъ пропасти безъ дна...
И тамъ и сямъ, по временамъ,
Бѣлѣлись пятна по степямъ;
И массы зелени густой
Въ глаза кидалися порой
Изъ темноты, озарены
Лучомъ всплывающей луны.
Но никакихъ не видѣлъ я
Тамъ знаковъ близкаго жилья:
Ни свѣтъ огня во тьмѣ ночной
Гостепріимною звѣздой
Мнѣ издалека не свѣтилъ.
Хоть бы блудящій огонекъ
Своей игрой мой взоръ привлекъ:
Мнѣ-бъ видъ его отраденъ былъ,
Напомнивъ мнѣ, въ тотъ горькій мигъ,
Объ обиталищахъ людскихъ.

16.

«Мы подвигались все впередъ,
Но вижу — конь мой устаетъ,
И, бѣлой пѣною покрытъ,
Ужъ не попрежнему бѣжитъ:
Теперь и слабое дитя
Могло-бъ имъ управлять шутя.
Что пользы въ томъ? къ его спинѣ,
Какъ прежде, я привязанъ былъ;
И если-бъ дать свободу мнѣ,

Она, въ тотъ часъ упадка силъ,
Больному тѣлу моему
Не послужила-бъ ни къ чему.
Но попытался я опять
Свои оковы разорвать:
О, какъ ничтожна и слаба
Была напрасная борьба!
Уже по свѣтлымъ полосамъ,
Раскинутымъ по небесамъ,
Я видѣлъ приближенье дня.
Увы, какъ тихо для меня
Текли часы! Казалось, тѣнь
Тумана утренняго въ день
Не перейдетъ. Но вдругъ востокъ
Зардѣлся розовымъ огнемъ:
Шаръ солнечный всходилъ по немъ,
Въ своемъ сіяньи одинокъ,
Раздвинулъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Ихъ яркимъ блескомъ помрачилъ
И пролилъ съ неба въ міръ земной
Свѣтъ незаимствованный свой.

17.

«Волнуясь, утренній туманъ
Поднялся отъ пустынныхъ странъ,
Лежавшихъ дѣвственнымъ ковромъ
Вдали, и сзади, и кругомъ.
Къ чему же послужило намъ
Такъ долго мчаться по степямъ,
Въ лѣса глухіе проникать
И волны рѣкъ переплывать?
Все также были мы теперь
Въ степи. Ни человѣкъ, ни звѣрь
Тамъ не оставили слѣда;

Не видно было тамъ труда
Людского, средь густыхъ стеблей
Роскошныхъ въ дикости своей.
Былъ самый воздухъ нѣженъ и тихъ;
Въ травахъ высокихъ и густыхъ
Рой насѣкомыхъ не жужжалъ,
Хоръ птицъ веселый не звучалъ
По зеленѣющимъ кустамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
И долго конь усталый мой
Тащился шагомъ, чуть живой;
Не могъ свободно онъ вздохнуть
И задыхался, точно грудь
Рвалась на части у него.
Но намъ на встрѣчу никого
Не попадалось. Вдругъ вдали,
Гдѣ сосны черныя росли,
Какой-то шумъ я услыхалъ...
Не вихрь ли сучья всколебалъ?
Нѣтъ, это былъ табунъ коней,
Возросшихъ тамъ, среди степей,
На дикой волѣ. Ихъ бока
Не знали шпоры сѣдока;
Ихъ не касались никогда
Ни хлыстъ, ни поводъ, ни узда.
По вѣтру гривы распустивъ
И ноздри широко раскрывъ,
Стремительно, какъ вихрь степной,
И массой темной и густой,
Подобные морскимъ волнамъ,
Они неслись навстрѣчу къ намъ.
Увидѣвъ ихъ, мой конь заржалъ,
Шатаясь, тихо побѣжалъ,
И вдругъ упалъ, лишенный силъ,
Глаза недвижно устремилъ,

Въ предсмертныхъ мукахъ захрипѣлъ:
Послѣдній часъ его приспѣлъ.

И кони подбѣжали къ намъ,
И удивленными глазами
Смотрѣли—какъ лежалъ я тамъ,
Привязанъ крѣпкими узлами.
То тихо подойдутъ... храпятъ,
То быстро въ сторону рванутся,
Пустыню ржаньемъ огласятъ,
Кругами въ полѣ пронесутся—
И къ лѣсу бросились назадъ:
Страшилъ ихъ человѣка взглядъ.
Они оставили опять
Меня—томиться и страдать
Средь этой степи безграничной,
Гдѣ конь мой кости положилъ,
Гдѣ смертный часъ освободилъ
Его отъ ноши непривычной.
Безъ жизни онъ теперь лежалъ,
А я—на мертвомъ умиралъ!

Часы тоскливой чередой
Текли; въ душѣ моей больной
Отъ жизни, полной упованья
И силъ, осталась только тѣнь,
Одно лишь смутное сознанье,
Что это—мой послѣдній день.
Въ увѣренности безнадежной
Кончины близкой, неизбѣжной,
Я равнодушно смерти ждалъ,
Но кто изъ насъ не трепеталъ
За жизнь, боязнію тревожимъ,
Себя заботливо храня,
Какъ-будто смерть есть западня,

Которой избѣжать мы можемъ?
И хоть порой ее мы зовемъ,
Какъ благо жизни и желаемъ,
Порой, въ отчаяньи своемъ,
Мы добровольно умираемъ.—
Но никогда нашъ смертный часъ
Не будетъ во-время для насъ,
И самымъ тягостнымъ мученьемъ
Всё-жъ будетъ горькимъ заключеньемъ.
Но странно: роскоши сыны,
Что въ наслажденьяхъ утопаютъ,
Средь пиру всѣхъ утѣхъ полны,
Спокойно часто умираютъ,
Или спокойнѣе, чѣмъ тѣ,
Кого несчастье гнететъ.
Тому, кто средь пути земного
Зналъ все, что радостно и ново,
Ужъ больше нечего желать,
Иль за собою оставлять.—
Несчастный же конца бѣдамъ
Съ надеждой ждетъ: его [illegible].
Томимымъ горемъ постояннымъ,
Смерть кажется врагомъ нежданнымъ:
Она пришла лишить его
Вѣнца за все — и, умирая,
Онъ не увидитъ своего
Ужъ достигаемаго рая!
День завтрашній ему бы далъ
Богатство, славу, наслажденья;
Онъ отъ него награды ждалъ
За всѣ страданья и гоненья;
День завтрашній, въ замѣну бѣдъ
И тернія, готовилъ розы,—
Готовилъ рядъ счастливыхъ лѣтъ,
Ему сіяющихъ сквозь слезы;

Не сталъ бы жизнь онъ проклинать:
День завтрашній ему бъ далъ силу—
Блистать, господствовать, спасать...
И лечь ему теперь въ могилу?!

18.

«Садилось солнце; я лежалъ
На коченѣющемъ конѣ
И думалъ: «здѣсь погибнуть мнѣ»...
Туманъ глаза мнѣ застилалъ,
Они нуждались въ вѣчномъ снѣ...
Возврата не было назадъ!
Я бросилъ мой послѣдній взглядъ
На небеса — и увидалъ
Тамъ вôрона: онъ смерти ждалъ
Моей, чтобы свой пиръ начать.
Онъ то садился, то опять
Вверхъ подымался и парилъ
Ко мнѣ все ближе каждый разъ;
Сквозь сумракъ вечера мой глазъ
За крыльями его слѣдилъ.
Однажды такъ онъ близокъ былъ,
Что я бъ его ударить могъ,
Когда бы сила. Но песокъ,
Который чуть-чуть зашумѣлъ,
Когда привстать я захотѣлъ,
Движенье ослабѣвшихъ рукъ,
Да горла напряженный звукъ,
Который голосомъ назвать
Едва ли можно — отогнать
Его успѣли отъ меня.
Затѣмъ уже не помню я—
Чтô было; снилась мнѣ тогда
Одна мнѣ милая звѣзда:

6.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] — и больше ничего.

[illegible]

«И я очнулся. [illegible]
Теперь лежу я на постели.
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Мои движенья [illegible]
Там у стѣны въ [illegible]
Казачка [illegible]
Участья [illegible] полна.
Съ мольбою на меня глядѣла...
И я на мигъ глаза закрылъ.
Боясь — не сонъ ли это былъ.
При первомъ мысли пробужденьи
И встрѣтилъ этотъ чудный взглядъ:
Смотрю: нѣтъ, это не видѣнье. —
Мнѣ то всѣ чувства говорятъ.
Когда жъ казачка увидала,
Что могъ глаза я открывать,
То улыбнулась, побѣжала.

Рукою знакъ дала — молчать,
Къ лицу мнѣ руку приложила,
Поправила подушку мнѣ,
Тихонько дверь пріотворила
И вышла вонъ. И въ тишинѣ
Чуть слышной музыкой раздался
Ея шаговъ скользившихъ шумъ,
И я опять одинъ остался,
Въ смущеньи пробужденныхъ думъ.

20.

«Она съ отцомъ пришла опять...
Но я не буду утомлять
Васъ описаньемъ тѣхъ годовъ,
Когда я жилъ межъ казаковъ.
Они безъ чувствъ меня нашли
Въ степи и жизнь мою спасли,
Чтобы избрать меня потомъ
Своимъ главою и вождемъ!
Безумцы, въ ярости своей,
Изобрѣтая мнѣ мученья,
Меня прогнали въ глушь степей,
Въ крови, нагого, безъ движенья,
Чтобы по этому пути,
Чрезъ степь, мнѣ къ власти перейти.
Судьбу свою кто можетъ знать?
Кчему жъ теперь намъ унывать?
Уйдемъ мы скоро отъ погони,
И завтра будутъ наши кони
За Борисѳеномъ отдыхать.
Съ какою радостію очи
Я бъ на Днѣпрѣ остановилъ!..
Товарищи, спокойной ночи!»
Такъ гетманъ повѣсть заключилъ.

Хоть [illegible] губы [illegible]
Съ ея [illegible] [illegible] летъ [illegible]
На ложѣ [illegible] своемъ.
Ему то было ужъ не ново:
Лишь часъ удобный приходилъ —
[illegible] онъ отдыхъ находилъ.
И если Карлъ забылъ героя
Сказать спасибо за разсказъ,
Не удивляйтесь: мой [illegible]
Онъ крѣпко спалъ ужъ добрый часъ.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

I.

Она идетъ.

Она идетъ въ красѣ своей,
Какъ ночь, горящая звѣздами,
И въ глубинѣ ея очей
Тьма перемѣшана съ лучами,
Преображаясь въ нѣжный свѣтъ,
Какого въ днѣ роскошномъ нѣтъ.

И много граціи своей
Краса бы эта потеряла,
Когда бы тьмы подбавить къ ней,
Когда-бъ луча недоставало
Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
Подъ черной тѣнью косъ густыхъ.

И щеки рдѣютъ и горятъ,
Уста манятъ улыбкой нѣжной,
Черты такъ ясно говорятъ
О жизни свѣтлой, безмятежной,
О мысляхъ, зрѣющихъ въ тиши,
О непорочности души!

II.

О, если тамъ...

О, если тамъ, за небесами,
Душа хранитъ свою любовь,
И если съ милыми сердцами
За гробомъ встрѣтимся мы вновь,—
То какъ манитъ тотъ міръ безвѣстный,
Какъ сладко смерти сномъ заснуть,
Оставить горе въ поднебесной
И въ вѣчномъ свѣтѣ потонуть!

Не за себя мы, умирая,
У края пропасти дрожимъ
И, къ цѣпи жизни припадая,
Звеномъ послѣднимъ дорожимъ.
О, буду счастливъ я мечтою,
Что, вѣчной жизнію дыша,
Въ безсмертіи, съ моей душою
Сольется милая душа!

III.

О, плачьте о тѣхъ.

О, плачьте о тѣхъ, что̀ у рѣкъ вавилонскихъ рыдали,
Чей храмъ опустѣлъ, чья отчизна — лишь греза въ печали;
О, плачьте о томъ, что іудова арфа разбилась,
Въ обители Бога безбожныхъ орда поселилась!

Гдѣ ноги, покрытыя кровью, Израиль омоетъ?
Когда его снова сіонская пѣснь успокоитъ?
Когда его сердце, изнывшее въ скорби и мукахъ,
Опять возликуетъ при этихъ божественныхъ звукахъ?

О, племя скитальцевъ, народъ съ удрученной душою!
Когда ты уйдешь отъ позорной неволи къ покою?
У горлицъ есть гнѣзда, лисицу нора пріютила,
У всѣхъ есть отчизна, тебѣ же пріютъ — лишь могила...

IV.

На берегахъ Іордана.

У водъ Іордана верблюды Аравіи бродятъ,
Лукавому чтитель его на Сіонѣ кадитъ,
На кручи Синая Ваалу молиться приходятъ;
Ты видишь, о Боже,—и громъ твой молчитъ!

И гдѣ-жъ! Гдѣ на камнѣ десница Твоя начертала
Законъ, гдѣ Ты тѣнью Своею народу сіялъ,
И риза изъ пламени славу Твою прикрывала,—
Тотъ мертвъ, кто-бъ Тебя Самого увидалъ.

Сверкни Своимъ взглядомъ разящимъ изъ тучи громовой,
Не дай попирать Твою землю свирѣпымъ врагамъ;
Пусть выронитъ мечъ свой изъ длани властитель суровый;
Доколь будетъ пустъ и покинутъ Твой храмъ?..

V.

Скончалася она.

Скончалася она во цвѣтѣ красоты...
Не будетъ громоздкой плиты здѣсь надъ могилой;
Надъ ней распустятся роскошные цвѣты
Душистыхъ раннихъ розъ, съ весенней свѣжей силой,
И тихо зашумитъ здѣсь кипарисъ унылый.

И Грусть придетъ сюда, съ поникшей головой,
И склонится вонъ тамъ, у синяго потока,
Отдавшись рою грезъ, задумавшись глубоко;
Иль будетъ здѣсь ходить неслышною стопой,
И шагъ свой замедлять, оглядываться, слушать...
Какъ будто можетъ кто сонъ мертваго нарушить!

Довольно! знаемъ мы: напрасно слезы лить;
Да, Смерть безчувственна, она глуха къ печали,—
Но это можетъ ли отъ скорби отучить,
Иль плачущимъ внушить, чтобъ менѣе рыдали?
    Ты говоришь — я долженъ позабыть,
    Но самъ ты слезъ не можешь скрыть,
У самого тебя какъ блѣдны щеки стали!

VI.

Ты плакала.

Ты плакала: когда слеза
Лазурь очей твоихъ покрыла,
Казалось, свѣтлая роса
На землю съ неба нисходила.
Ты улыбалась — и алмазъ
Предъ ними долженъ былъ затмиться:
Съ живымъ огнемъ лучистыхъ глазъ
Не можетъ въ блескѣ онъ сравниться.

Какъ солнце тучамъ цвѣтъ даетъ,
Въ нихъ нѣжнымъ отблескомъ играя,
Который съ гаснущихъ высотъ
Не вдругъ прогонитъ тьма ночная, —
Такъ ты улыбкою своей
Веселье въ мракъ души вливаешь
И отблескъ радостныхъ лучей
На грустномъ сердцѣ оставляешь.

VII.

Саулъ.

— «Чаръ твоихъ могучихъ сила
Можетъ мертвыхъ подымать:
Тѣнь пророка Самуила
Я молю тебя призвать!»
— «Самуилъ, возстань изъ гроба!
Царь, вотъ онъ передъ тобой!»

И разверзлася утроба
Мрачной пропасти земной.
Подъ могильной пеленою
Призракъ въ облакѣ стоялъ;
Свѣтъ померкнулъ передъ тьмою
И предъ саваномъ бѣжалъ.
Неподвижный взоръ могилы,
Очи — будто изъ стекла,
Желты руки, сухи жилы
И нога какъ кость бѣла...
Въ темнотѣ она блистала,
Обнаженна и мертва;
Это тѣло не дышало...
Изъ недвижныхъ губъ слова

[illegible]
[illegible]
[illegible] —
И [illegible]
[illegible]
[illegible]

— [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] —
И [illegible]
[illegible]

VIII.

Все суета, сказалъ учитель.

Все мнѣ было судьбою дано:
Власть, и мудрость, и слава, и сила;
Въ моихъ кубкахъ сверкало вино,
Мнѣ любовь свои ласки дарила.
Я въ лучахъ красоты согрѣвалъ
Мое сердце, душа въ нихъ смягчалась;
Все, чего-бъ только смертный желалъ,
Съ блескомъ царскимъ въ удѣлъ мнѣ досталось.

Но напрасно стараюсь открыть
Въ прошломъ я, изъ всего прожитого:
Что̀ могло бы меня обольстить,
Что̀ желалъ бы извѣдать я снова.
Я не зналъ ни единаго дня
Наслажденья безъ горькой приправы;
Даже блескъ, окружавшій меня,
Былъ мнѣ пыткой, среди моей славы.

Полевую змѣю укротитъ
Заклинаній волшебная сила;
Но чья власть ту эхидну смиритъ,

Что кольцомъ мое сердце сдавило?
Мудрость мага надъ ней не властна.
Не исцѣлятъ ея музыки звуки.
И душа, гдѣ гнѣздится она,
Изнывать будетъ вѣчно отъ муки.

IX.

Когда нашъ прахъ...

Когда нашъ прахъ оледенитъ
Нѣмая смерть — куда свободный,
Безсмертный духъ мой полетитъ,
Оставивъ этотъ прахъ холодный?
Планетъ ли путь онъ изберетъ,
Или, съ пространствомъ слившись разомъ,
Все во вселенной обойметъ
Незримымъ, но всезрящимъ глазомъ?

Онъ, вѣчный, будетъ созерцать —
Что̀ въ небѣ и въ землѣ творится,
И изъ забвенья вызывать —
Что̀ смутно въ памяти таится.
Малѣйшій слѣдъ былыхъ временъ,
Прошедшее съ грядущимъ рядомъ,
Схватить способенъ будетъ онъ
Однимъ широкимъ мысли взглядомъ;

Назадъ чрезъ ха̀осъ проникать
До дней, какъ творческая сила
Міры задумала создать

И нашу землю населили.
Впередъ онъ взоры устремитъ,
Туда, въ грядущее вселенной...
Пусть пламя солнца догоритъ,
Но духъ пребудетъ неизмѣнный.

Освободившись отъ сѣтей
Его стѣснявшаго праха,
Поднявшись выше всѣхъ страстей —
Любви, вражды, надежды, страха —
Онъ будетъ выше летѣть
Надъ всѣмъ, чрезъ все, предѣлъ не видя,
Забывъ, что значитъ умереть
И вѣчно въ вѣчности витая...

X.

Солнце неспящихъ, свѣтило печальное!
Трепетно льешь ты сіяніе дальное
Въ тьму, но не можешь ее побѣдить.
Какъ ты походишь на радость минувшаго,
Полосу свѣта, въ быломъ потонувшаго,
Свѣта, что̀ память не можетъ забыть.
Свѣтитъ—не грѣетъ онъ слабымъ сіяніемъ,—
Такъ и твой лучъ, столь любимый страданіемъ,
Явственно виденъ, но ка̀къ удаленъ!
Свѣтелъ и чистъ, но какъ холоденъ онъ!

XI.

Пораженіе Сеннахерима.

Ассирійцы, какъ волки на стадо, напали;
Ихъ одежды пурпуромъ и златомъ сіяли,
А ихъ копья—какъ звѣзды надъ синей волной
Галилейскаго моря, сквозь сумракъ ночной.

Точно листья несмѣтные въ лѣтнюю пору
Ихъ войска и знамена являлися взору,
А на утро поблекла ихъ гордая сила
И, какъ осенью листья, всю землю покрыла.

Ангелъ смерти примчался на крыльяхъ шумящихъ,
И дохнулъ онъ навстрѣчу враговъ проходящихъ,
И глаза ихъ, померкнувъ, навѣки закрылись,
А сердца ихъ, вздрогнули—и больше не бились.

Въ безпорядкѣ ихъ кони повсюду валялись,
Ихъ широкія ноздри уже не вздувались,
Ихъ дыханья предсмертнаго пѣна покрыла
Кой-гдѣ дернъ, и на дернѣ, повиснувъ, застыла.

И, съ росой на челѣ, тамъ лежалъ среди луга
Мертвый всадникъ; на немъ потускнѣла кольчуга;
Ставки были безмолвны, въ бездѣйствіи пики,
Не гремѣли военныя трубы и крики.

Съ громкимъ воплемъ вдова въ Ассиріи рыдала:
Ниспровергнуты были кумиры Ваала,
И растаяла сила язычниковъ многа,
Точно снѣгъ, отъ очей всемогущаго Бога.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Когда-бъ хоть когда-нибудь ты сказала:
«Мы разстаемся какъ друзья»,
Можетъ, душа не такъ страдала,
Тогда вздыхалъ бы легче я.

Придя къ безвременной кончинѣ,
Вздохнулъ-ли ты хоть разъ о томъ,

Въ чьемъ сердцѣ ты живешь донынѣ,
Какъ ты жила при жизни въ немъ?

Кто-бъ могъ, какъ онъ, къ тебѣ склониться
И тусклый взглядъ твой наблюдать,
Въ предсмертный часъ, когда боится
Печаль безмолвная вздыхать?

Когда-жъ тебѣ чужими стали
Всѣ скорби, чтò волнуютъ насъ, —
Какъ много жгучихъ слезъ печали
Я лилъ и лью ихъ въ этотъ часъ!

И какъ не лить: на этомъ мѣстѣ,
Теперь пустомъ, какъ много дней
Съ тобою плакали мы вмѣстѣ
Отъ счастія любви своей!

Вблизи, вдали, иль сидя рядомъ,
Отъ всѣхъ мы были далеки,
Мѣнялись шопотомъ иль взглядомъ,
Пожатьемъ трепетнымъ руки,

Иль поцѣлуемъ, предъ которымъ
Желаній сдерживалась власть:
Своимъ невиннымъ, чистымъ взоромъ
Краснѣть заставила-бъ ты страсть.

Мнѣ въ сердце радость проливалась,
Когда я слышалъ голосъ твой;
Небесной музыкой казалась
Мнѣ пѣсня, спѣтая тобой!

Залогъ твой у меня остался...
Его храню—гдѣ-жъ мой? гдѣ ты?

Подъ игомъ бѣдъ я не склонился
До этой страшной тяготы...

Ты жизнь мнѣ горемъ отравила,
Такъ рано кончивъ жизни путь.
Когда лишь миръ даетъ могила,
Я-бъ не желалъ тебя вернуть.

Но если духи совершенства
Тебя въ міръ лучшій вознесли,
Частицу своего блаженства
Въ усладу мукъ моихъ пошли!

Твоя любовь меня учила
Терпѣнію въ моихъ скорбяхъ,—
О, если-бъ мнѣ она свѣтила
Лучемъ надежды въ небесахъ!..

II.

О, пусть умолкнутъ скорби звуки...

О, пусть умолкнутъ скорби звуки, —
Отрада дней моихъ былыхъ, —
Иль я уйду отъ этой муки:
Не въ силахъ вынести я ихъ!
Они, напѣвомъ струнъ звенящимъ,
О свѣтлыхъ дняхъ мнѣ говорятъ;
Но о прошедшемъ, настоящемъ
Мнѣ тяжко думать... пусть молчатъ!

Тотъ голосъ, что̀ вливалъ въ нихъ сладость,
Умолкъ, и прелесть ихъ унесъ;
Онъ превратилъ въ печаль ихъ радость,
Въ гимнъ похоронный, полный слезъ...
О, Тирза, онъ поетъ уныло
Мнѣ о тебѣ, мой милый прахъ,
Все, что̀ гармоніей въ немъ было,
Мнѣ горше, чѣмъ разладъ въ струнахъ!

Вотъ стихло все, — но остается
Въ ушахъ столь памятный мнѣ звонъ;
И снова голосъ раздается...

Ужель не можетъ сколыхнуть онъ?
Нѣтъ! И во снѣ тотъ голосъ будетъ
Мнѣ душу смутно волновать,
Меня къ сознанію пробуждать
Чтобъ звукамъ грезъ моихъ внимать...

Да, Тирза, ты — лишь сновидѣнье,
Лишь греза, — сплю я или нѣтъ, —
Звѣзда, сіявшая мгновенье
И погасившая свой свѣтъ.
Но кто дорогою тяжелой
Бредетъ, подъ небомъ полныхъ тучъ,
Тотъ вспомнитъ съ горечью — веселый,
Надъ ней сверкавшій прежде, лучъ.

III.

О, если иногда...

О, если иногда, средь шумнаго собранья,
Изъ мыслей у меня исчезнетъ образъ твой, —
То въ одинокій часъ глубокаго молчанья
Тѣнь милая твоя — опять передо мной.
Вотъ и теперь ее, въ часъ этотъ молчаливый, —
Печальный, тихій часъ, — такъ ясно вижу я;
Здѣсь нѣтъ свидѣтелей, — и въ жалобѣ тоскливой
Излиться можетъ скорбь незримая моя.

Прости, когда та мысль, что̀ мнѣ бы надлежало,
Отдать одной тебѣ, я тратилъ на людей;
Когда мое лицо улыбка озаряла,
Какъ будто измѣнилъ я памяти твоей!
Она мнѣ дорога; но горе сердца — тайна,
И напоказъ въ толпѣ не появлюсь я съ нимъ:
Я не хочу, чтобъ тамъ подслушали случайно
Глупцы хоть вздохъ одинъ, что̀ долженъ быть **твоимъ**.

И если иногда я кубокъ осушаю,
То не затѣмъ, чтобъ скорбь прогнать иль усыпить;
Настолько крѣпкаго напитка я не знаю,

Чтобъ имя отчаянье въ забвеньи потопить,
И если бъ даже быть такой блаженной забвенья,
И изъ души моей изгнать мнѣ обѣщали
Всѣ думы грустныя, всѣ прежнія мечтанья,
Мысль о тебѣ одну — разбѣгъ бы я бѣжалъ!

Когда бъ изъ думъ моихъ исчезъ твой образъ милый,
Къ чему бъ тогда прибѣгнуть утомленнымъ сердцемъ мнѣ,
И кто бъ надъ моей забытою могилой
Поплакалъ, погрустилъ, подумалъ въ тишинѣ?
Мнѣ дорогъ этотъ долгъ — и онъ исполненъ будетъ, —
Гордится имъ печаль глубокая моя —
И если цѣлый міръ тебя совсѣмъ забудетъ,
То память о тебѣ лелѣять буду я!

Я знаю, сдѣлала бъ ты тоже, съ незабвенной
И нѣжною своей заботою о томъ,
Кто не оплаканный оставилъ міръ надменный,
Гдѣ только ты одна и думала о немъ.
Увы! я чувствую, что это счастье было
Не мнѣ назначено, — ты не затѣмъ жила,
И на мечту небесъ ты слишкомъ походила,
Чтобъ заслужить тебя любовь земли могла.

НѢТЪ НУЖДЫ НАЗЫВАТЬ МНѢ ДНИ...

Нѣтъ нужды называть мнѣ дни,
Но дни тѣ мною не забыты:
Всѣ чувства были въ насъ одни,
Душа съ душой мы были слиты.

Но съ той поры, какъ сорвалось
Съ губъ у тебя любви признанье,
Мнѣ много выстрадать пришлось
Не раздѣленнаго страданья.

И мнѣ была всего больнѣй
Мысль, что ты чувство обманула,
Что вся любовь души твоей
Мгновенной лаской промелькнула.

Но услыхать изъ устъ твоихъ
Теперь мнѣ такъ отрадно было,
Что ты о дняхъ тѣхъ дорогихъ
Донынѣ память сохранила.

Да, бывшій другъ души моей!
Твоя любовь ужъ не вернется,

Въ мнѣ такъ сладко что съ ней
Воспоминанья встрѣчи.

Мысль про чудныя глаза
Мнѣ въ душу свѣтъ, и счастіемъ есть
Ты не моя, но ты была
Была единственной моею

СТАНСЫ.

(Написанные при оставленіи Англіи).

Готово! вѣтерокъ подулъ,
Корабль свой парусъ развернулъ,
Крѣпчая, вѣтеръ мачту гнетъ
И пѣсню громкую поетъ.
Покинуть долженъ я страну,
Гдѣ я любилъ, любилъ одну.

Но еслибъ могъ я быть, чѣмъ былъ
И видѣть то, чѣмъ взоръ мой жилъ,
Прильнуть, припасть къ груди одной, —
То не разстался-бъ со страной,
Черезъ морскую глубину
Не поплылъ бы, любя одну.

Давно не видѣлъ я тѣхъ глазъ,
Гдѣ черпалъ радость столько разъ;
Но тщетно ихъ хочу забыть,
О нихъ не думать, разлюбить:
Хоть я изъ Англіи бѣгу,
Но лишь одну любить могу.

Какъ безъ подруги голубокъ,
Я грустнымъ сердцемъ одинокъ,
Вокругъ себя съ тоской гляжу,
Но милыхъ лицъ не нахожу,
Въ толпѣ, куда я ни взгляну;
Могу любить я лишь одну.

И поплыву я по волнамъ
Къ чужимъ, далекимъ берегамъ,
И буду плавать безъ конца,
Пока прекраснаго лица
Не позабуду... мнѣ-ль забы́ть?
Я буду вѣкъ одну любить!

Послѣдній нищій, тамъ иль тутъ,
Находитъ ласковый пріютъ,
Любви иль дружбы теплый свѣтъ;
Но у меня подруги нѣтъ,
Моя любовь пошла ко дну, —
Но все же я люблю одну.

Въ какой бы ни былъ я странѣ,
Никто не станетъ обо мнѣ
Лить слезъ, и не вздохнешь и ты,
Разбившая мои мечты.
О чемъ я горько вспомяну,
Любя тебя, тебя одну.

Воспоминанье горькихъ дней
Сердца̀, что мягче и слабѣй
Способно горемъ сокрушить;
Мое-жъ ударъ не могъ разбить,—
Оно живетъ какъ въ старину
И вправду любитъ лишь одну.

Никто не знаетъ — кто она,
Мнѣ дорогая, та одна,
Что̀ вынесла любовь моя;
То знаешь ты, да знаю я,
И чувствую всю глубину
Моей любви, любя одну.

Не разъ другихъ я узъ искалъ,
Другихъ красавицъ я встрѣчалъ,
Пытался столько-жъ ихъ любить,
Но чаръ не могъ я побѣдить,
Мѣшавшихъ чувствовать къ другой
Хоть тѣнь того, что къ той одной.

Отрадно-бъ для души моей
Въ послѣдній разъ проститься съ ней;
Но слезы увидать боюсь
Въ ея глазахъ, и я стремлюсь,
Бросая все, чрезъ глубину...
Но все-жъ люблю, люблю одну!

КОЛЬ НЕБЕСА НЕ ОСТАЮТСЯ.

Коль небеса не остаются
Глухими къ пламенной мольбѣ,
То въ высоты ихъ унесется
Мои молитвы о тебѣ.

Напрасны вопросы, рыданья:
Въ слезахъ кровавыхъ не найти
Такого жгучего страданья,
Какъ въ этомъ горестномъ «прости».

Я я молчу, въ устахъ — ни звука.
Слеза меня не выдаетъ.
Но грудь и мозгъ терзаетъ мука, —
И эта мука не умретъ.

Мой гордый духъ роптать не можетъ,
Но горесть въ немъ глубоко дышитъ, —
Ничто ее не уничтожитъ,
Ничто ее не услышитъ.

И только знаю, что напрасно
Сошлись съ тобой мы на пути,
И въ сердцѣ чувствуя такъ страстно
И такъ мучительно: «прости».

НАДПИСЬ НА КУБКѢ ИЗЪ ЧЕРЕПА.

Не пугайся, не думай о духѣ моемъ:
Я лишь черепъ — не страшное слово,
Мертвый черепъ, въ которомъ—не такъ какъ въ живомъ—
Ничего не таится дурного.

Я при жизни, какъ ты, могъ и пить и любить...
Пусть гніютъ мои кости до вѣка!
Наливай — ты не можешь меня осквернить:
Червь противнѣе губъ человѣка.

Лучше чудную влагу въ себѣ содержать,
Оживляющій сокъ виноградинъ,
И ходить, въ видѣ кубка, кругомъ, чѣмъ питать
Копошащихся слизистыхъ гадинъ.

Тамъ, гдѣ умъ мой блисталъ, я чужому уму
Помогу изливаться свободнѣй;
Если мозгъ нашъ изсохъ, то, конечно, ему
Нѣтъ замѣны — вина благороднѣй.

Пей, покуда ты живъ; а умрешь — можетъ быть,
И тебя изъ могилы достанутъ,

И твой черепъ, какъ я, будетъ кубкомъ служить,
Пировать съ нимъ живущіе станутъ.

Почему-жъ и не такъ? головѣ-то иной,
Послѣ жизни нелѣпой, безплодной,
Умереть и быть кубкомъ—вѣдь шансъ не дурной
Быть къ чему-нибудь путному годной.

ВОЛШЕБСТВО ИСЧЕЗЛО.

Волшебство исчезло, улетѣли грезы...
Жизнь — лишь трепетъ страсти, приступъ лихорадки;
Мы смѣемся глупо, гдѣ бы лить намъ слезы,
Насъ морочатъ бреда дикіе припадки.

Свѣтлый промежутокъ, разумъ пробуждая,
Намъ напоминаетъ горести земныя;
Кто живетъ какъ мудрый, тотъ живетъ страдая,
Такъ, какъ умирали на кострахъ святые.

ТЬМА

Я видѣлъ сонъ, какъ будто на яву:
Погаснуло блестящее солнце:
По вѣчному пространству безъ лучей
И безъ путей блуждали хладно звѣзды.
И въ пустотѣ безлунной шаръ земной
Безпомощно повиснулъ, леденѣя.
Съ часами дня не появлялся день,—
И въ ужасѣ отъ тьмы, объявшей землю,
Забыли о страстяхъ своихъ сердца,
Оцѣпенѣвъ въ одной мольбѣ — о свѣтѣ.

И отъ огней не отходилъ народъ:
И троны, и чертоги государей,
И хижины, и всякія жилища
Разобраны всѣ были на костры.
И города до пепла выгорали.
Вокругъ своихъ пылающихъ домовъ
Владѣльцы ихъ сходились, чтобъ другъ другу
Взглянуть въ лицо: счастливы были тѣ,
Что жили близъ волкановъ пламенѣвшихъ:
Надеждой лишь поддерживался міръ.
Зажгли лѣса,—но пламя истощалось
Часъ отъ часу; сгорая, дерева

Валилися и угасали съ трескомъ —
И снова все тонуло въ черной тьмѣ.
Чело людей, при умиравшемъ свѣтѣ,
При отблескахъ послѣдняго огня,
Видъ призрачный какой-то принимало.
Одни изъ нихъ лежали на землѣ
И плакали, закрывъ лицо; другіе,
Уткнувшися въ ладони головой,
Сидѣли такъ съ безсмысленной улыбкой;
Иль, суетясь, пытались поддержать
Огонь костровъ; или съ безумнымъ страхомъ
На тусклыя смотрѣли небеса, —
Покровъ уже скончавшагося міра, —
И падали на прахъ земли опять,
Съ проклятьями, и скрежетомъ, и стономъ.

И слышенъ былъ крикъ дикихъ птицъ; въ испугѣ,
Онѣ теперь метались на землѣ
И хлопали ненужными крылами;
Изъ логовищъ шли къ людямъ, присмирѣвъ,
Съ боязнію, свирѣпѣйшіе звѣри;
И змѣи средь толпы вились, шипя,
Но не вредя; — ихъ убивали въ пищу.
Война, было умолкшая на мигъ,
Теперь опять свирѣпо возгорѣлась.
Тутъ кровь была цѣною за ѣду,
Особнякомъ тутъ каждый насыщался,
Въ молчаніи угрюмомъ. Никакой
Любви уже не оставалось въ мірѣ,
Все въ немъ слилось въ одну лишь мысль — о смерти
Немедленной, позорной; — и терзалъ
Утробы всѣхъ неутолимый голодъ.

И гибнули всѣ люди отъ него,
Валялись ихъ тѣла безъ погребенья,

Голоднаго голодный пожиралъ,
И даже псы господъ своихъ терзали.
Одинъ лишь песъ былъ вѣренъ до конца:
Голодныхъ птицъ, звѣрей, людей—отъ тѣла
Хозяина онъ отгонялъ, пока
Не доканалъ ихъ этотъ страшный голодъ,
Или пока другой чей-либо трупъ
Не привлекалъ ихъ челюстей голодныхъ.
Самъ для себя онъ пищи не искалъ,
Но, съ жалобнымъ и непрестаннымъ воемъ,
Онъ руку ту лизалъ, что̀ не могла
На преданность его отвѣтить лаской, —
И, взвизгнувши внезапно, онъ издохъ.

И вымерли всѣ люди постепенно,
Осталися лишь въ городѣ громадномъ
Два жителя, — то были два врага.
Они сошлись у гаснущаго пепла,
Остатка отъ былого алтаря,
Гдѣ утвари священной груды были
Расхищены, въ бѣдѣ, для нуждъ мірскихъ.
Они, дрожа, тамъ золу разгребли,
Холодными, изсохшими руками;
Подъ слабымъ ихъ дыханьемъ вспыхнулъ блѣдный,
Какъ будто лишь въ насмѣшку, огонекъ;
Тогда они взглянули другъ на друга —
И вскрикнули, и испустили духъ
Отъ ужаса взаимнаго при видѣ
Страшилища, не зная—кто былъ тотъ,
На чьемъ челѣ напечатлѣлъ злой голодъ
Слова: «твой врагъ».—И міръ теперь былъ пустъ;
Онъ, нѣкогда могучій, населенный,
Пустыней сталъ, безъ травъ, деревъ, людей,
Безъ времени, безъ жизни; грудой глины,
Хаосомъ смерти. Воды рѣкъ, озеръ

И океанъ стояли неподвижно,
И въ ихъ глухихъ, безмолвныхъ глубинахъ
Ничто уже теперь не шевелилось;
Остались безъ матросовъ корабли,
И на морѣ недвижномъ догнивали.
И падали ихъ мачты, по частямъ,
На бездну водъ, не пробуждая зыби.
Волнъ не было,—всѣ замерли онѣ,
Не двигались приливы и отливы:
Скончалась ихъ владычица луна;
И въ воздухѣ стоячемъ стихли вѣтры;
Погибли тучи, не нуждалась тьма
Въ ихъ помощи: она была Вселенной.

ПОСЛѢДНІЕ ВЗДОХИ.

(На индусскіе мотивы Байрона).

О, моя подушка одинокая!
Гдѣ мой вѣрный другъ, скажи ты мнѣ?
Буря, волны, ночь и тьма глубокая,
И корабль мнѣ грезились во снѣ...

Ты, слезами горькими облитая,
Знаешь — какъ я вѣрю мрачнымъ снамъ:
Не его-ль корабль волна сердитая
То несла къ пустыннымъ берегамъ?

Живъ ли онъ? Съ отчаяннымъ страданіемъ
Помышляю о его судьбѣ,
И съ безумнымъ, бѣшенымъ рыданіемъ
Прижимаю губы я къ тебѣ.

Я цѣлую мѣсто опустѣвшее,
Гдѣ щекой къ тебѣ склонялся онъ;
Рвется къ другу сердце наболѣвшее
И къ нему несется тихій стонъ...

О, мое ты ложе безпокойное,
Не терзай меня ты, не томи;

Успокой мое ты тѣло знойное,
Сномъ тоску души моей уйми; —

Тихимъ сномъ глубокаго забвенія
Всѣхъ скорбей и горестей моихъ;
Въ этотъ мракъ отрадныя видѣнія
Пусть прольютъ свой свѣтъ хотя на мигъ.

Пусть мой другъ мнѣ явится сіяющій
И въ моей взволнованной крови
Вспыхнетъ пламя жизни угасающей,
Подъ лучемъ привѣта и любви.

Горько мнѣ и тяжко одинокою
Умирать... Приди, мой другъ, приди!
Я усну съ отрадою глубокою
Вѣчнымъ сномъ на любящей груди.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ БАЙРОНА

(написанное въ Миссолонги, 22-го января 1824 г., въ день 36-й годовщины его рожденія).

То сердце быть должно-бъ невозмутимымъ,
Чтȯ въ грудь другихъ не можетъ чувства влить;
Но если я быть не могу любимымъ,
То все-жъ хочу любить!

Всѣ дни мои какъ желтый листъ увяли,
Цвѣты, плоды исчезли,—и на днѣ
Моей души гнѣздится червь печали:
Вотъ чтȯ осталось мнѣ!

Незримо грудь мнѣ пламя пожираетъ,
Но то вулканъ на островѣ пустомъ,
И свѣточей ничьихъ не зажигаетъ
Оно своимъ огнемъ.

Прошла пора надеждъ, волненій, власти,
Огня любви,—все это—въ сторонѣ,
И раздѣлить мнѣ не съ кѣмъ пламя страсти;
Но цѣпь ея—на мнѣ!

Но пусть меня тревоги не смущаютъ
Подобныхъ думъ—теперь, на мѣстѣ томъ,

Гдѣ лавры гробъ героя украшаютъ,
Или чело вѣнкомъ.

Вокругъ меня — оружіе, знамена;
Я въ Греціи, — мнѣ-ль это позабыть?
И на щитѣ боецъ Лакедемона
Не могъ свободнѣй быть.

Возстань! — (не ты, Эллада, ты возстала) —
Возстань мой духъ! Въ минувшемъ прослѣди —
Откуда кровь твоя беретъ начало,
И въ битву выходи!

Уйми въ себѣ всплывающія страсти
И побори: не молодъ больше ты,
И надъ тобой должны лишиться власти
Гнѣвъ и улыбка красоты.

И если ты о юности жалѣешь,
Зачѣмъ беречь напрасно жизнь свою?
Смерть предъ тобой — и ты ли не съумѣешь
Со славой пасть въ бою?

Ищи-жъ того, что̀ часто поневолѣ
Находимъ мы; вокругъ себя взгляни,
Найди себѣ могилу въ бранномъ полѣ —
И въ ней навѣкъ усни!

БАРРИ КОРНУЭЛЬ.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

1.

Ночь.

Ни одной нѣтъ звѣзды, ни луча въ небесахъ,
Воды Темзы черны и кипятъ въ берегахъ,
Бурный вихрь ихъ вздымаетъ, и бьетъ, и клубитъ,
Непроглядною тьмой сводъ небесный покрытъ,
Въ спорѣ съ вѣтромъ шумитъ, хлещетъ дождь во всю мочь,
Еще больше мрача́ эту мрачную ночь.

Поздно. Полночь уже миновала,— и вдругъ
Съ башни Павла доносится медленный звукъ,
Плавно, мѣрно, торжественно: «разъ»,
Возвѣщая одинъ по полуночи часъ.
Этотъ звукъ повторился на башняхъ другихъ,
Цѣлымъ хоромъ — и медленно стихъ.

Ни полслова! Во тьмѣ пробираясь ночной,
Стража тихо идетъ по плитамъ мостовой;

Вотъ должникъ: онъ во снѣ отъ констэбля бѣжитъ,
На соломѣ своей нищій, корчась, дрожитъ,
И хохочутъ бродяга и воръ среди тьмы:
Имъ смѣшонъ строгій видъ Ольдъ-Бэлійской тюрьмы.

А внутри ея стѣнъ — и тоска и боязнь:
Тамъ томится бѣднякъ, осужденный на казнь.
Леденѣетъ въ немъ кровь, его сердце стучитъ,
Онъ то вскочитъ, то вздрогнетъ, то вдругъ закричитъ;
Время быстро идетъ, онъ отъ ужаса нѣмъ:
Эшафотъ, потомъ смерть, а за тѣмъ, что́ за тѣмъ?

Только ночь ему жить, но наступитъ разсвѣтъ...
Прозвучи ему скорбный, прощальный привѣтъ,
Мѣдный колоколъ! буря осенняя, вой,
Пѣсню жалобы ты несчастливцу пропой!
Плачьте люди! вашъ долгъ — пожалѣть: день придетъ —
И позорною смертью вашъ ближній умретъ!

2.

Утро.

Разсвѣло; вотъ и день; онъ тьму ночи прогналъ;
Въ полномъ блескѣ лучей весь востокъ запылалъ,
Небо чисто; проснувшійся городъ гудитъ,
Плотной массой народъ къ мѣсту казни валитъ,
Собрался — и толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ:
Хочетъ видѣть она, какъ преступникъ умретъ.

Въ эту давку пришелъ за поживою воръ,
Здѣсь видны и купецъ, и матросъ, и боксеръ,
И художникъ явился — сюжета искать...
И всѣ ропщутъ, что долго приходится ждать;

Каждый громко иль тихо клянетъ
Несчастливца, что долго нейдетъ.

Наконецъ, вотъ и онъ. Всѣ стремятся взглянуть.
Голова у него опустилась на грудь,
Онъ на доску ступилъ, ее приняли — внизъ
Онъ сорвался, и въ корчахъ повисъ.
Больше нечего видѣть; и говоръ и гамъ...
И со смѣхомъ толпа разошлась по домамъ.

Чу! какъ веселъ и живъ въ свѣтломъ воздухѣ звонъ!
Посмотрите — какъ ясенъ и чистъ небосклонъ!
Волны Темзы, сверкая на солнцѣ, бѣгутъ,
А на кровляхъ домовъ птички звонко поютъ;
И насильственной смерти чудовищный видъ
Въ ликованьи природы забытъ...

ТОМАСЪ ГУДЪ.

I.

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

Безобразнымъ рубищемъ покрытая,
За работой женщина сидитъ,
Утомляетъ руки исхудалыя
И глаза опухшіе слѣпитъ.
Въ нищетѣ и холодѣ несчастная
День и ночь все шьетъ, да шьетъ, да шьетъ,
И, напѣвомъ, сердце раздирающимъ,
О рубашкѣ пѣснь она поетъ:

«Все трудись, трудись, трудись, трудись!
Просыпайся вмѣстѣ съ пѣтухами,
Все трудись, покамѣстъ въ небесахъ
Не погаснутъ звѣзды за звѣздами;
Точно негръ работай на другихъ,
Безъ конца, безъ отдыха, безъ мѣры,
Какъ злодѣй, котораго законъ
Осудилъ на вѣчныя галеры!

II.

УТОПЛЕННИЦА.

Вотъ еще одна жертва несчастная,
Утомясь житейской борьбой,
Еще юная, нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!

Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй;
Это хрупкое было созданіе —
Прикасайтеся бережно къ ней!

Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье какъ саванъ лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него, капля по каплѣ, бѣжитъ.

Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ.

Не съ холодностью сердца жестокою,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ;

Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.

Позабудьте ея согрѣшенія:
Смертью смытъ ея жизни позоръ...
Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ!

Здѣсь не кстати упреки безплодные!
Позабудьте, простите вполнѣ;
И отрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.

Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей,
Между-тѣмъ — какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.

Кто она? надъ печальной могилою
Слезы есть ли кому проливать?
У ней были ль родные и милые
Братья, сестры, отецъ или мать?

Иль другой кто-нибудь, еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея?

Нѣтъ! — обширна столица богатая,
И толпой многолюдной полна,
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.

Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней

И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальный отблескъ ночныхъ фонарей,

И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной —
Тамъ стояла она, одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.

Но ее эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей;
Не пугала ни арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней.

Смерть влекла ее съ тайною силою,
И тоска надрывала ей грудь...
Только бъ съ жизнью покончить постылою,
Какъ-нибудь — все равно — какъ нибудь!

И отважно, безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,
Этотъ адъ безпредѣльной тоски!

Окажите жь усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе —
Прикасайтеся бережно къ ней!

Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой скорбящею
Распрямите, расправьте вы ихъ;

И закройте глаза ей стеклянные,
Чтò сквозь тину такъ слѣпо глядятъ,

Точно въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглядъ.

Надоѣла ей жизнь безотрадная:
Преступленье, позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...

Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ;
И, какъ-будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.

И простите ей съ кроткой любовію:
Вы — не судьи; Судья у ней — Тотъ,
Кто своею божественной кровію
Искупилъ человѣческій родъ.

III.

МОРСКОЙ БЕРЕГЪ.

Море возмутилося,
Буря, градъ и громъ;
Небо омрачилося,
Тьма и мгла кругомъ.

Силы, всколебавшія
Моря глубину
И съ пескомъ смѣшавшія
Мутную волну!

Вы, чтó такъ бросаете
Брызги въ облака
И такъ зло играете
Лодкой рыбака,

Отъ тревоги блѣднаго,
Смятаго борьбой,
Не толкайте бѣднаго
Въ яростный прибой!

Въ свѣтѣ молній блещущихъ,
Унесите челнъ

Прочь отъ этихъ плещущихъ
И сердитыхъ волнъ!

Отъ жилья знакомаго,
Чтó къ себѣ манитъ
Моряка, несомаго
Бурей на гранитъ;

Отъ жены, рыдающей
Въ ужасѣ, и тамъ
Руки простирающей
Къ мрачнымъ небесамъ;

Отъ дѣтей, тоскующихъ,
Что отецъ нейдетъ,
Отъ ихъ ласкъ чарующихъ,
Отъ всего чтó ждетъ

Тамъ, за пѣной бѣлою...
Господи, отъ ней
Лодку эту смѣлую
Унеси скорѣй!

Сердце ужасается
И того порой,
Что ужъ приближается
Къ намъ нашъ домъ родной!

Къ намъ въ домъ повадился ходить
Ея красивый обожатель.

А теща... съ ней — опять бѣда!
Она, хворая то и дѣло,
Брюзжа и охая всегда,
Какъ петля ржавая скрипѣла.

Куда ужъ тутъ до тишины
Вдвоемъ, чѣмъ я такъ обольщался!
Бѣгу къ женѣ — но у жены
Языкъ не въ мѣру развязался!

Бывало все меня зоветъ
Дружочкомъ, душкой и милашкой,
А тутъ — бранится и оретъ
И называетъ просто Сашкой.

Мое все было не по ней:
Одежа — самой дикой моды,
Манеры — есть ли что пошлѣй?
Мои пріятели — уроды.

«Гдѣ откопалъ ты этотъ сбродъ?
Такихъ я въ жизни не встрѣчала:
Все это чучелы!» и вотъ —
Имъ всѣмъ отъ дома отказала.

Я не хозяинъ въ домѣ былъ,
А рабъ воспитанной супруги;
Мнѣ лишь лѣнивый не грубилъ
И мною помыкали слуги.

По временамъ у насъ съ женой
Бывали стычки; вотъ-то каша!

Кричали всѣ на перебой:
Сестра, служанка и мамаша;

Дворняшка подымала лай
Противъ меня, съ азартомъ рьянымъ,
И даже попка попугай —
И тотъ ужъ звалъ меня болваномъ!

Вкусъ у жены изященъ былъ,—
Не какъ у насъ простолюдиновъ,—
О немъ я правильно судилъ
По счетамъ модныхъ магазиновъ.

Я-жъ былъ такъ простъ, вульгаренъ, грубъ,
Моихъ привычекъ не сносили,
И вотъ — табакъ, и пуншъ и клубъ —
Все, наконецъ, мнѣ запретили!

Но невозможно каждый часъ
Домашнимъ отдавать заботамъ:
Какъ у людей, такъ и у насъ
Сбирались гости по субботамъ.

Жена привѣтлива была
Къ пустоголовымъ шалопаямъ,
И угощала, какъ могла,
Ихъ и закусками, и чаемъ.

И, проклиная цѣлый свѣтъ,
Украдкой, робкими шагами,
Я проскользалъ въ свой кабинетъ...
Увы, и онъ набитъ гостями!

Изъ нихъ одинъ былъ, нѣкто Моръ:
Онъ завсегда шептался съ Вѣрой...

Ну что ты скажешь, мой Трезоръ?
А? каково, мой котикъ сѣрый?

Не дай мнѣ Богъ такіе сны
Видать; и согласится всякій,
Что лучше жить мнѣ безъ жены,
Съ моимъ котомъ, съ моей собакой;

Пить пуншъ, покуривать, мечтать,
Передъ затопленнымъ каминомъ,
Во всемъ себя лишь признавать
Своимъ полнѣйшимъ властелиномъ.

Кто хочетъ жизни путь пройти
И не споткнуться слишкомъ рано,
Тому ужъ лучше не нести
Съ собой тяжелаго чурбана.

Вѣдь одному такой просторъ!
Что-жъ мнѣ гоняться за химерой?
Не правда-ль, вѣрный мой Трезоръ?
Не правда ли, мой котикъ сѣрый?

V.

У СМЕРТНАГО ОДРА.

Надъ неровнымъ, чуть слышнымъ дыханьемъ ея
Мы всю ночь наблюдали съ вниманьемъ,
И въ груди ея жизни хладѣвшей струя
Замирала съ глухимъ трепетаньемъ.

Разговоръ нашъ тихъ и невнятенъ такъ былъ,
Мы такъ медленно, тихо ходили,
Точно бо̀льшую часть нашихъ жизненныхъ силъ
Отъ себя для нея отдѣлили.

То надежда нашъ страхъ прогоняла, а тамъ —
Снова страхомъ надежда смѣнялась;
Она спящая — мертвой казалася намъ,
Она мертвая — спящей казалась.

Заря утра взошла, холодна и блѣдна,
Въ небѣ, сѣрымъ покровомъ одѣтомъ,
Но, смеживъ свои тусклыя очи, она
Любовалась нездѣшнимъ разсвѣтомъ...

ЛОРДЪ МАКОЛЕЙ.

ВИРГИНІЯ.

Разсказъ изъ временъ древняго Рима.

Плебеи, люди съ любящей
    И вѣрною душой!
За васъ трибуны смѣлые
    И вы за нихъ — горой.
Ко мнѣ, въ кружокъ! и слушайте
    Съ вниманьемъ мой разсказъ
О томъ, что̀ Римъ терпѣлъ и что̀
    Потерпитъ онъ не разъ.
Не басни разскажу я вамъ,
    Какъ, напримѣръ, о томъ,
Что гдѣ-то есть ключи, всегда
    Кипящіе виномъ;
О чудныхъ косахъ дѣвичьихъ,
    Подобныхъ кольцамъ змѣй,
О томъ, какъ были моряки
    Превращены въ свиней...
Нѣтъ, рѣчь о происшествіи
    Кровавомъ поведу,

Случившемся на форумѣ,
У римлянъ на виду.
Тому ужъ семьдесятъ семь лѣтъ,
Но старцы есть у насъ,
Что̀ видѣли тотъ страшный день
И подтвердятъ разсказъ.

Мы проклинаемъ имена
Всѣхъ децемвировъ злыхъ,
Но Аппій Клавдій самымъ злымъ
И худшимъ былъ изъ нихъ.
Онъ гордо, какъ Тарквиній царь,
По форуму шагалъ,
Конвой изъ ликторовъ всегда
Его сопровождалъ,
Идя съ сѣкирами вокругъ
Владыки своего...
И разбѣгались граждане,
Завидѣвши его,
Косясь на этотъ низкій лобъ,
Что вѣчно хмурилъ онъ,
На этотъ ротъ, что былъ всегда
Насмѣшкой искривленъ...
И слуги стоили его:
Вездѣ, гдѣ Аппій былъ,
За нимъ подобострастно Маркъ,
Его кліентъ, ходилъ;
И, шею вытянувъ впередъ,
Въ глаза ему смотрѣлъ,
Готовый тотчасъ исполнять
Все, что патронъ велѣлъ.
Такихъ рабовъ межъ греками
Видали мы не разъ:
Они играютъ роль шутовъ
И сводниковъ у насъ;

За деньги дерзкая толпа
Такихъ рабовъ свиститъ,
Когда достойный нашъ трибунъ
Лициній говоритъ.
Гдѣ пролитъ медъ, навѣрно тамъ
И мухи закишатъ;
Гдѣ падаль брошена, туда
И вороны летятъ;
Всегда есть жадные багры,
Гдѣ требуха плыветъ;
Всегда подобный господинъ
Подобныхъ слугъ найдетъ.

Обычною тревогою
Взволнованъ форумъ былъ:
Съ ужасной свитою своей
Тамъ Аппій проходилъ.
Случилось такъ на этотъ разъ,
Что тою же порой
Прекрасная Виргинія
Изъ школы шла домой.
Безпечно шла она вблизи
Сверкающихъ сѣкиръ,
Которыми былъ окруженъ
Надменный децемвиръ.
Въ своей невинности, рѣзвà
Безпечна, весела,
Увы! не знала дѣвушка,
Что много въ мірѣ зла;
Не вѣдала — чтò значитъ въ немъ
Безчестье и позоръ,
И непонятенъ былъ для ней
Мужчины наглый взоръ...
Веселой беззаботности
И рѣзвости полна,

Дорогой пѣла пѣсенку
  Старинную она.
Вспорхнувъ изъ зелени хлѣбовъ,
  Такъ жаворонокъ поетъ,
Направивъ къ яснымъ небесамъ
  Стремительный полетъ.
И Аппій увидалъ ее...
  И вдругъ зажгла въ немъ кровь
Проклятыхъ этихъ Клавдіевъ
  Проклятая любовь.
И къ дѣвушкѣ свои глаза
  Онъ жадно приковалъ,
И взглядомъ коршуна ее
  Чрезъ форумъ провожалъ...

Верхи Албанскихъ темныхъ горъ
  Свѣтъ утра озарилъ;
Изъ трубъ домовъ Семи Холмовъ
  Дымъ къ небу восходилъ;
Ворота города, стуча,
  Давно ужъ отперлись,
Купцы и покупатели
  На форумъ собрались.
И ожилъ онъ и закипѣлъ
  Ихъ пестрою толпой,
Шумя, гудя и суетясь
  Какъ пчелъ жужжащій рой.
И громко зазвенѣла мѣдь
  У мѣдника въ рукахъ,
И раздавался весело
  Тотъ звонъ и шумъ въ ушахъ;
Рѣзва, игрива пѣсенка
  Фруктовщицы была —
И весело Виргинія
  Изъ дома въ школу шла.

Не шла она, а прыгала
Подъ радостный напѣвъ...
Увы тебѣ, Виргинія,
Краса всѣхъ римскихъ дѣвъ!
Идетъ она, подобная
Сіяющей звѣздѣ
Идетъ она, не думая
О горѣ и стыдѣ,
Все напѣвая пѣсенку
Старинную свою,
И ужъ дошла до точки той,
Гдѣ я теперь стою.
Какъ вдругъ явился этотъ Маркъ,
Но не такой, какъ былъ,
Когда съ улыбкою раба
За Аппіемъ ходилъ:
Теперь онъ гордо выступалъ,
Съ нахмуреннымъ челомъ,
Съ надутой важностью въ лицѣ
И сжатымъ кулакомъ.
И на пути Виргинію
Холопъ остановилъ,
И съ дерзкой наглостью ее
Вдругъ за̀ руку схватилъ.

И закричала дѣвушка, —
Былъ страхъ ея великъ, —
Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ
На этотъ громкій крикъ:
Сѣдой мѣняло Криспъ, за нимъ —
Торговецъ Ганно тожъ,
И Волеро мясникъ, держа
Окровавленный ножъ,
Кузнецъ Мурена, съ полосой
Желѣзною въ рукахъ...

Всѣ, кто какъ былъ, къ Виргиніи
Сбѣжались въ попыхахъ; —
Всѣ знали это милое,
Прекрасное дитя,
И кланялись ей каждый день,
Привѣтливо шутя.
И здоровеннѣйшій кузнецъ
Нанесъ ударъ такой
Холопу Марку гнусному,
Тяжелою рукой,
Что тотъ пустилъ Виргинію
И на земь полетѣлъ;
Однако всталъ, взглянулъ вокругъ
И злобно прохрипѣлъ:
«Она моя! я требую
Лишь своего: она
Моей рабою родилàсь
И тайно продана
Въ тотъ годъ, когда былъ страшный моръ, —
Всѣ помнятъ этотъ годъ:
Какъ мухи гибнулъ кучами
Напуганный народъ. —
Ее украли у меня...
Въ тотъ день лишились мы
Двухъ àвгуровъ и консула,
Погибшихъ отъ чумы.
Теперь я Аппію служу,
Отцу его служилъ...
О, горе тѣмъ, кто Клавдіевъ
Кліента оскорбилъ!»

Такъ говорилъ негодный Маркъ.
И страхъ всѣхъ оковалъ,
При грозномъ словѣ «Клавдіи»
Народъ затрепеталъ.

Тогда, вѣдь, было некому
Вступиться за него,
Трибуна городъ не имѣлъ
Тогда ни одного.
Теперь Лициній доблестный
И Сексцій есть у насъ:
Они спасали бѣдняковъ
Отъ гибели не разъ,
И могутъ слово грозное
За нихъ произнести;
Тогда-жъ весь Римъ покоренъ былъ
Жестокимъ Десяти.
Но не пришлось опять схватить
Кліенту-наглецу
Виргинію, прильнувшую
Въ испугѣ къ кузнецу:
Изъ-за безмолвныхъ зрителей,
Стѣснившихся толпой,
Пробился съ нетерпѣніемъ
Ицилій молодой.
Онъ въ гнѣвѣ разорвалъ свою
Одежду на груди,
И, топнувъ въ бѣшенствѣ ногой,
Сталъ смѣло впереди,
На столбъ, который многими
Пѣвцами былъ воспѣтъ,
Гдѣ три заржавѣвшихъ меча
Висятъ ужъ съ давнихъ лѣтъ;
И подалъ знакъ, чтобы толпы
Вниманіе привлечь,
И громкимъ, яснымъ голосомъ
Сказалъ такую рѣчь:

«Квириты! заклинаю васъ
Красой родныхъ полей,

Костями вашихъ прадѣдовъ
И жизнію дѣтей:
Возстаньте, чтобъ избавиться
Отъ тягостныхъ оковъ,
Не то — вы вѣчно будете
Носить клеймо рабовъ!
Затѣмъ ли мудрость Сервія
Законы намъ дала
И кровь свою Лукреція
Невинно пролила?..
Затѣмъ ли въ грозномъ мщеніи
Погибнулъ родъ царей
И Брутъ сѣкиру обагрилъ
Въ крови своихъ дѣтей?
Гнетъ властелина одного
Мы не могли снести:
Ужели вѣкъ намъ трепетать
Подъ игомъ десяти?
Льва побѣдили мы — теперь
Намъ кротъ внушаетъ страхъ!
Ужели духъ отцовъ погасъ
Въ испорченныхъ сынахъ?
Отцы сражались много лѣтъ
Въ защиту правъ своихъ,
Мы-жъ потеряли все чтó намъ
Завѣщано отъ нихъ;
Все, съ бою ими взятое,
Исчезло точно тѣнь,
И плодъ шестидесяти лѣтъ
Погибъ въ единый день!
Ликуйте же, патриціи!
Жестокая борьба
Окончилась — и торжествомъ
Вѣнчала васъ судьба:

Сражались мы за почести —
Напрасная война!
Свободы добивались мы —
Но гдѣ теперь она?
Ужъ нѣтъ глашатаевъ, чтобъ насъ
На форумъ созывать,
Трибуновъ нѣтъ, чтобъ слабаго
Отъ сильныхъ защищать;
Подъ вашимъ гнетомъ преклонясь,
И волю, и умы,
И свой, когда-то гордый, духъ
Вамъ покорили мы!
Богатства, земли, блескъ и власть
Въ тотъ злополучный часъ
Достались вамъ — такъ пусть же все
Останется при васъ:
Одежды пышныя жрецовъ,
И пурпуръ на плечахъ,
И ликторы съ сѣкирами
И связками въ рукахъ,
Курульныя сѣдалища,
Лавровые вѣнки...
Насильно забирайте насъ
Опять въ свои полки;
Пусть будутъ ваши житницы
Наполнены зерномъ
Той почвы, что пріобрѣли
Мы собственнымъ мечомъ.
Какъ злая язва, что растетъ
Черна и глубока,
Пусть ваша жадность гнусная
Пьетъ соки бѣдняка.
Терзайте, мучьте вы своихъ
Несчастныхъ должниковъ,

Какъ нѣкогда вы мучили,
Терзали ихъ отцовъ,
Въ тѣхъ клѣткахъ, гдѣ такъ холодно
Суровою зимой,
И душно и нѣтъ воздуха
Въ палящій лѣтній зной;
Гдѣ кандалы и, къ этому,
Пукъ розогъ не одинъ
Принесены заботливо
Для нашихъ ногъ и спинъ...
Замучьте насъ оковами,
Пусть льется наша кровь;
Но прочь отъ насъ жестокая
Патриціевъ любовь!
Или красавицъ молодыхъ
У васъ недостаетъ,
Которыя отъ консуловъ
Ведутъ свой знатный родъ
И созерцаютъ, съ гордою
Улыбкой на губахъ,
Свою надменную красу
Въ коринѳскихъ зеркалахъ;
Чтȯ въ колесницахъ, разрядясь,
По улицамъ летятъ
И на глазѣющую чернь
Съ презрѣніемъ глядятъ?
Плебеевъ вы уже и такъ
Ограбили давно,
Вы взяли все почти у нихъ,
Оставьте жъ имъ одно —
Одно, чѣмъ жизнь горькая
Становится сноснѣй:
Любовь отрадную ихъ женъ,
Сестеръ и дочерей!

Избавьте отъ позора насъ,
Избавьте насъ отъ той
Обиды неизгладимой,
Которая порой
Способна сердце робкое
Отвагой закалить
И въ пламя кровь холодную
Лѣнивца превратить...
Когда жъ у насъ послѣдняя
Надежда пропадетъ —
Отчаянье въ насъ мужество
Безумное вдохнетъ,
И вы тогда узнаете,
Изъ нашихъ страшныхъ дѣлъ,
Какъ человѣкъ озлобленный
И угнетенный смѣлъ!»

Старикъ Виргиній подошелъ,
Нахмуренный какъ ночь,
И тихо въ сторону отвелъ
Трепещущую дочь
Къ той аркѣ, гдѣ багряною
Струею кровь бѣжитъ,
И куча безобразная
Роговъ и кожъ лежитъ;
И тамъ онъ взялъ широкій ножъ
Со стойки мясника,
Стѣснясь, дыханье замерло
Въ груди у старика,
Глаза его померкнули
Отъ подступавшихъ слезъ,
И голосомъ прерывистымъ
Онъ тихо произнесъ:

«Прощай мое сокровище,
Прощай — всему конецъ!
Ты знаешь, какъ любилъ тебя
Несчастный твой отецъ...
О, какъ любилъ, Виргинія!
Хоть я порой суровъ,
Но для тебя, дитя мое,
Я не бывалъ таковъ.
И ты любила старика:
Я помню, прошлый годъ,
Когда вернулся я домой,
Окончивъ свой походъ,
Какъ ты на встрѣчу бросилась,
Обрадовавшись, мнѣ!
Мой мечъ тяжелый убрала,
Повѣсивъ на стѣнѣ;
Ка̀къ раздавался весело
Твой звонкій голосокъ,
Ка̀къ прыгала ты, видя мой
Цивическій вѣнокъ!
Теперь — исчезло все: твой смѣхъ,
Твой ласковый привѣтъ,
Твой милый взоръ, твой разговоръ
И пѣсни древнихъ лѣтъ;
Никто не будетъ горевать,
Прощаяся со мной,
Иль улыбаться радостно,
Когда вернусь домой,
Иль у постели старика
Сидѣть во тьмѣ ночей,
Иль тихо слезы проливать
Надъ урною моей...
И будетъ пустъ и мраченъ мой
Осиротѣвшій домъ:

Не будетъ слышно голоса
Моей голубки въ немъ,
И для меня свѣтъ глазъ твоихъ
Угаснетъ навсегда...
Взгляни, какъ Аппій устремилъ
Свой жадный взоръ сюда!
Вотъ онъ рукою указалъ...
Глаза его горятъ,
Какъ-будто скорбію твоей
Насытиться хотятъ.
Въ слѣпой надменности своей,
Не вѣдаетъ глупецъ,
Что прѐзрѣнный, обиженный,
Поруганный отецъ
Еще имѣетъ у себя
Прибѣжище одно,
Что надъ тобой торжествовать
Тиранну не дано,
Что я могу избавить дочь
Отъ участи рабовъ —
Отъ грубаго ругательства,
Побоевъ и толчковъ
И отъ того, чтѐ хуже ихъ...
О! этого стыда
Не знала ты, дитя, и знать
Не будешь никогда!
Прижмись ко мнѣ и поцѣлуй
Меня въ послѣдній разъ!
Теперь, дитя мое, одно
Осталося для насъ...»

И вдругъ, поднявъ свой ножъ, старикъ
Ее ударилъ въ бокъ,
И, вся въ крови, Виргинія
Упала на песокъ.

Тогда, на мигъ одинъ, народъ
Дыханье притаилъ,
Какъ-будто форумъ вдругъ объятъ
Молчаньемъ смерти былъ;
Потомъ — пронесся, точно громъ,
Всеобщій крикъ надъ нимъ,
Какъ будто Волски ворвались
Внезапно въ самый Римъ.
Кто въ страхѣ побѣжалъ домой,
Кто—лѣкаря позвать;
Толпа къ убитой бросилась,
Чтобъ помощь оказать;
Кто трогалъ, слушалъ, чтобъ открыть
Хоть искру жизни въ ней,
Кто рану ей обвязывалъ
Одеждою своей...
Напрасно хлопотали всѣ
И суетились тамъ:
Увы! не дрогнула рука,
Привыкшая къ боямъ.
Самъ Аппій Клавдій пораженъ
Былъ зрѣлищемъ такимъ;
Онъ вздрогнулъ и закрылъ себѣ
Глаза плащемъ своимъ,
И въ онѣмѣніи стоялъ,
Согнувшись; наконецъ,
Къ нему, шатаясь, подошелъ
Озлобленный отецъ;
И предъ курульною скамьей
Виргиній сталъ; и тамъ
Свой кровью обагренный ножъ
Онъ поднялъ къ небесамъ:
«О, боги преисподнихъ странъ,
Гдѣ вѣчный мракъ живетъ,

Къ вамъ эта дорогая кровь
О мщеньи вопіетъ!
Тираннъ нанесъ мнѣ, старику,
Безчестье и позоръ —
Постановите же надъ нимъ
Свой правый приговоръ:
Какъ Аппій Клавдій погубилъ
Ребенка моего,
Такъ погубите Аппія
И подлый родъ его!»

Такъ опозоренный отецъ
О мщеніи взывалъ,
И бросилъ изступленный взоръ
Туда гдѣ трупъ лежалъ,
И испустилъ онъ страшный стонъ,
И, съ сумрачнымъ челомъ,
Пошелъ чрезъ площадь шумную
Въ свой опустѣвшій домъ.

Очнулся Аппій Клавдій вдругъ
Отъ страха своего:
«Я десять тысячъ мѣди дамъ
За голову его!»
И на кліентовъ онъ взглянулъ —
Недвижно тѣ стоятъ;
Взглянулъ на ликторовъ — они
Блѣднѣютъ и дрожатъ.
Межъ тѣмъ Виргиній молча шелъ
Къ жилищу своему,
И разступалася толпа,
Чтобъ мѣсто дать ему.
И тотчасъ сѣвши на коня,
Онъ въ лагерь поскакалъ,

И обо всемъ случившемся
Тамъ войску разсказалъ.

Толпа росла, какъ раннею
Весной потокъ растетъ,
И приливалъ со всѣхъ сторонъ
Взволнованный народъ.
А возлѣ тѣла дѣвушки
Собрался тѣсный кругъ
Друзей, родныхъ Виргиніи
И дорогихъ подругъ;
Они носилки принесли,
Заботливо потомъ
Вѣтвями кипарисными
Убрали ихъ кругомъ,
И бережно, какъ мать кладетъ
Ребенка въ колыбель,
Переложили дѣвушку
На смертную постель...

И Аппій вдругъ нахмурился
И побагровѣлъ весь,
И закричалъ: «что дѣлаетъ
Вся эта сволочь здѣсь?
Иль дома нѣтъ заботъ у нихъ,
Чтобъ шляться день и ночь?
Эй, ликторы! прогнать толпу,
Да трупъ возьмите прочь!»

До этихъ поръ народъ свой гнѣвъ
Не громко выражалъ,
Лишь ропотъ сдержанный, глухой
Въ толпѣ перебѣгалъ.
Когда-жъ двѣнадцать ликторовъ,
Всѣхъ гражданъ бичъ и страхъ,

По слову Аппія, пошли
Съ сѣкирами въ рукахъ,
То форумъ такъ забушевалъ,
Что никогда на немъ
Такого шума нé было
Ни прежде, ни потомъ.
Проклятья, вопли, стоны, крикъ...
Весь этотъ страшный громъ
Былъ слышенъ за заставами,
За Пинційскимъ холмомъ.

Но возлѣ тѣла — гдѣ стоялъ
Угрюмо тѣсный кругъ
Родныхъ убитой дѣвушки,
И близкихъ и подругъ —
Все было тихо, несмотря
На гвалтъ со всѣхъ сторонъ;
Ни разу тамъ не вырвался
Ни крикъ, ни громкій стонъ;
Но гнѣвъ и скорбь глубокая
Замѣтны были тамъ,
По сдержанному шопоту,
По сдвинутымъ бровямъ.
Счастливы были ликторы,
Что имъ не удалось
Пробиться къ трупу: иначе
Имъ плохо бы пришлось.
И рады были ужъ они,
Что вырвалися вновь
Изъ этой свалки, хоть ручьемъ
Съ ихъ лицъ бѣжала кровь...
Отъ ихъ сѣкиръ осталися
Лишь щепки въ ихъ рукахъ,
Ихъ платье грязнымъ рубищемъ
Висѣло на плечахъ.

И Аппій губы закусилъ,
И страшно поблѣднѣлъ,
И трижды подалъ знакъ рукой,
И говорить хотѣлъ.
Но крики бѣшеной толпы
Въ отвѣтъ ему неслись:
«Взгляни, что сдѣлалъ съ нами ты—
И въ тартаръ провались!
Ты женщинъ въ рабство хочешь взять —
Возьми мужчинъ впередъ!
Прочь *Десять,* прочь! трибуновъ намъ!»
Ярясь, кричалъ народъ.
И вдругъ осыпали, какъ градъ,
Какъ тучи стрѣлъ въ бою,
Полѣнья, камни, кирпичи
Курульную скамью.

Великъ былъ ужасъ Аппія,
Дрожало сердце въ немъ:
Трусливо племя Клавдіевъ,
Лишь стыдъ имъ ни по чемъ.
Насъ важныя фамиліи
Не любятъ, но онѣ,
За исключеніемъ одной,
Всѣ храбры на войнѣ.
Таковъ былъ Кай Коріоланъ:
Предъ лагернымъ огнемъ
О славѣ, бѣдствіяхъ его
Донынѣ мы поемъ;
Подъ игомъ Фурія не разъ
Былъ Тускъ и Галлъ смиренъ;
Римъ можетъ вынесть гордость тѣхъ,
Кѣмъ самъ гордится онъ.
Но Клавдій, подлый трусъ, въ бою
Трепещетъ и дрожитъ,

Какъ дѣвочка блѣднѣетъ онъ.
	Завидѣвъ мечь и щитъ:
Онъ въ городскихъ стѣнахъ свои
	Тріумфы получитъ.
Не вражьи — наши шеи онъ
	Ярмомъ своимъ давитъ.
Коссъ прыгаетъ какъ дикій котъ
	Въ лицо враговъ своихъ,
А Фабій — какъ гонимый вепрь
	Бросается на нихъ.
Но подлый Клавдій не таковъ:
	Онъ, точно песъ, ворчитъ
И лаетъ на бѣгущаго,
	Отъ сильнаго — бѣжитъ.

Такъ было съ Аппіемъ. Когда
	Градъ камней сталъ летать,
Онъ задрожалъ, и съежился,
	И руки сталъ ломать.
«Спасите, други-ликторы!
	Кліенты-земляки,
Скорѣй домой! не то меня
	Чернь изорветъ въ куски».
Такъ онъ вопилъ, и подняли
	На шею на свою
Четыре дюжихъ ликтора
	Курульную скамью;
Кліенты, сжатою толпой,
	Стѣснилися кругомъ —
И двинулися съ палками,
	Съ мечами на проломъ.
Но и безъ палокъ и мечей
	Такъ бѣшенъ былъ народъ,
Что свита Аппія съ трудомъ
	Могла идти впередъ.

Толпа съ ожесточеніемъ
Кидалась на него,
Чтобы на части растерзать
Тирана своего.
И камни полетѣли вновь,
И — яростенъ и дикъ —
«Трибуновъ намъ, трибуновъ намъ!»
Звучалъ все громче крикъ.
Скамья качалась надъ толпой,
Какъ въ бурю легкій челнъ
Надъ бездной Адріатики,
Средь возмущенныхъ волнъ,
Когда Мысъ Грома черной мглой
И тучами одѣтъ,
И въ брызгахъ пѣны пропадетъ
Вѣхъ калабрійскихъ слѣдъ.
Два камня Аппію въ лицо
Попали съ двухъ сторонъ,
И къ дому на полупути
Ужъ чувствъ лишился онъ.
И голова проклятая,
Чтò не привыкъ онъ гнуть,
Качалась какъ у пьянаго
И свѣсилась на грудь.
Когда же принесли его
Приверженцы домой,
Недвижнымъ трупомъ онъ лежалъ,
Съ разбитой головой...
Кто прежде Аппія знавалъ,
Ужъ не узналъ бы вновь:
Покрыла все его лицо
Запекшаяся кровь...
Потѣшьте боги вѣчные
Вы Римъ когда-нибудь
Еще подобнымъ зрѣлищемъ
И... дайте мнѣ взглянуть!..

ТЕННИССНЪ.

ИЗЪ КНИГИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

IN MEMORIAM.

Я не завидую рабамъ,
Которымъ весело въ неволѣ,
Иль въ клѣткѣ выросшимъ птенцамъ,
Что̀ не летали въ чистомъ полѣ.

Мнѣ жалокъ тотъ, кто безъ труда
Со всякимъ зломъ ужиться можетъ,
Кто не горюетъ никогда,
Кого забота не тревожитъ.

Счастливцемъ я бы не назвалъ
Того, кто чуждъ сердечнымъ узамъ
И кто охваченъ не бывалъ
Любви чарующимъ союзомъ.

Намъ тяжко милыхъ хоронить,
Но эта горькая потеря
Все-жъ лучше, чѣмъ свой вѣкъ прожить
Любви не знавъ, любви не вѣря.

ЗАВѢЩАНІЕ.

На мотивъ изъ Теннисона.

Не подходи къ могилѣ ты моей
Съ своими глупыми слезами;
Не мни травы, разросшейся надъ ней:
Покончены всѣ счеты между нами!
Оставь мой прахъ! Я жилъ — и изнемогъ;
Теперь хочу я миромъ насладиться...
Довольно мнѣ, коль вѣтра тихій вздохъ,
Вороны крикъ порой надъ ней промчится.

Ошибка то̀, или вина твоя —
Что нужды мнѣ? Несчастіе случилось...
Къ кому-бъ твоя любовь ни обратилась —
Мнѣ все равно: покоя жажду я!
Мы разошлись — не сѣтуй же безплодно;
Ты хочешь плыть, а я пошелъ ко дну...
Живи, люби безумно и свободно,
А мнѣ оставь могилы тишину...

*
* *

с английскаго.

Волнуется столица, точно море,
А сколько бѣдъ сокрыто въ глубинѣ!
Чѣмъ облегчить возможно это горе?
О, Господи! скажи — что̀ дѣлать мнѣ?

Дѣтей вездѣ встрѣчаю я толпами, —
Не розовыхъ рѣзвящихся дѣтей,
А тѣхъ, что̀ я сравнить бы могъ съ цвѣтами,
Засохшими безъ влаги и лучей.

И чьи они? на нихъ не кинутъ взора
Прохожіе: всѣ слишкомъ заняты!
Гдѣ ихъ пріютъ? Въ сообществѣ позора,
Гдѣ колыбель? Подъ кровомъ нищеты,

Гдѣ бѣдныя, несчастныя созданья
Проводятъ рядъ своихъ печальныхъ дней
И напередъ, средь горькаго страданья,
Знакомятся съ могилою своей.

Ихъ міръ забылъ, оставила ихъ вѣра,
Однакоже есть гости и у нихъ:

Горячка, тифъ, и голодъ, и холера,
И множество, и множество другихъ.

Какъ здѣсь темно, и холодно, и душно,
Какъ сыростью несетъ отъ всѣхъ угловъ!
А мимо ихъ проходятъ равнодушно
Строители сосѣднихъ имъ дворцовъ.

Мы мраморомъ могилы украшаемъ,
Мы воздаемъ покойникамъ почетъ, —
Зачѣмъ же мы живыхъ позабываемъ?
Иль мертвые достойнѣе заботъ?

Блескъ роскоши, потокъ утѣхъ и моды
Всегда найдутъ поклонниковъ своихъ;
Но тотъ потокъ — страданья и невзгоды,
Отчаянья и бѣдствій роковыхъ,

Безмолвныхъ слезъ, подавленныхъ рыданій,
Глухой борьбы, болѣзней, наготы,
Безмѣрныхъ мукъ, безчисленныхъ страданій,
Здѣсь, на виду у праздной суеты, —

Но тотъ потокъ, что̀ мрачными волнами
Такъ много силъ и жизней погубилъ,
Бѣгущій здѣсь, предъ нашими глазами...
Кто на него вниманье обратилъ?

«Да! но къ чему безплодно волноваться?
Вѣдь, говорятъ, таковъ законъ судьбы:
Одинъ рожденъ затѣмъ, чтобъ наслаждаться,
Другой рожденъ для горя и борьбы...»

Безумнаго безумное рѣшенье!
Не хочетъ онъ проникнуть въ глубину,

Дать помощь тѣмъ, кто потерпѣлъ крушенье,
Кого влечетъ стремительно ко дну.

Со всѣхъ сторонъ мы стонъ и вопли слышимъ:
«Спасите насъ! подайте руку намъ!
Мы чуть живемъ, чуть движемся, чуть дышемъ...
Иль чужды мы землѣ и небесамъ?

Мы братья вамъ, хоть грязны наши руки;
Иль нищета и непосильный трудъ,
Нашъ жалкій видъ, непризнанныя муки —
Насъ братьями назвать вамъ не даютъ?

Мы молимъ тѣхъ, въ комъ сердце жизнью бьется,
Мы молимъ тѣхъ, чья не мертва рука!»
И этотъ стонъ такъ близко раздается,
А помощь гдѣ? она такъ далека!

Иль не поймемъ, среди заботы вѣчной
О роскоши, о деньгахъ, о пирахъ,
Ка́къ сладостно унять тотъ вопль сердечный
И вызвать свѣтъ въ померкнувшихъ глазахъ?

Иль не поймемъ таинственной угрозы
Мы для себя въ страданіяхъ другихъ,
Что цѣлый міръ наполнившія слезы
Когда-нибудь потопятъ насъ самихъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Къ 1-й пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона).

1. «Какъ бы въ вознагражденіе за всю грязь Лиссабона и его жителей, еще болѣе грязныхъ, Цинтра, лежащая въ 15-ти миляхъ отъ столицы, представляетъ, быть можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ прелестнѣйшее мѣсто во всей Европѣ. Оно соединяетъ въ себѣ всевозможныя красоты, какъ природныя, такъ и искусственныя: дворцы и сады, возвышающіеся среди скалъ, водопадовъ и пропастей, монастыри, построенные на страшныхъ высотахъ и далекій видъ на море и на Тахо. Это мѣсто соединяетъ въ себѣ всю дикость Западной Шотландіи и всю свѣжесть растительности Южной Франціи». Байронъ.

2. Монастырь Nossa Senora de Pena (нашей Владычицы наказанія).

3. Цинтрская конвенція была подписана въ замкѣ маркиза Маріальвы.

4. Пространство, занимаемое Мафрой, огромно; этотъ городъ заключаетъ въ себѣ дворецъ, монастырь и великолѣпную церковь. Мафру называютъ Эскуріаломъ Португаліи.

5. «Кава—дочь графа Юліана, Елена Испаніи. Пеладжіо сохранилъ свою независимость въ горахъ Астуріи и, нѣсколько вѣковъ спустя, потомки его сподвижниковъ окончили борьбу побѣдой надъ Гренадою». Вальтеръ-Скоттъ.

6. «Viva el Rey Fernando» (Да здравствуетъ король Фердинандъ!) есть припѣвъ большей части тогдашнихъ патріотическихъ пѣсенъ испанцевъ, направленныхъ большею частію противъ стараго короля Карла и князя Мира (Principe de la Paz). Донъ Мануэль Годой, Principe de la Paz, изъ древней, но захудалой фамиліи, служилъ первоначально въ рядахъ испанской гвардіи. Его наружность обратила на себя вниманіе королевы и даровала ему титулъ герцога Алкудіа и проч. Этому человѣку испанцы приписывали погибель своего отечества.

7. Красная кокарда съ надписью: «Фернандо VII» посрединѣ.

8. Строфы, въ которыхъ Байронъ обращается къ Парнасу, были имъ написаны въ Кастри (Delphos) у подножія Парнаса, въ декабрѣ 1809 г.

9. Подъ названіемъ Пафосъ (Pàphos) въ древности были извѣстны два

города на островѣ Кипрѣ: старый Пафосъ, древняя финикійская колонія на западномъ берегу острова и новый Пафосъ, приблизительно въ 11 километрахъ отъ перваго. Каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ свой храмъ, посвященный Афродитѣ (Венерѣ). Въ особенности былъ знаменитъ старый Пафосъ, считавшійся любимымъ мѣстомъ пребыванія богини. Здѣсь ея храмъ отличался особеннымъ великолѣпіемъ и около этого мѣста она, по миѳическому преданію, вышла изъ морскихъ волнъ.

10. Таинственному «Рогу» поклониться. Здѣсь Байронъ намекаетъ на смѣшной обычай, существовавшій когда-то въ трактирахъ Гайгэта. Этотъ обычай заключался въ томъ, что всѣхъ посѣтителей низшаго класса заставляли произносить шутовскую клятву. Посѣтитель долженъ былъ клясться на двухъ рогахъ: никогда не цѣловать служанку, когда можно поцѣловать хозяйку; никогда не ѣсть чернаго хлѣба, если можно имѣть бѣлый; никогда не пить легкаго пива, если можно пить крѣпкое и т. п. Къ этимъ шутовскимъ клятвамъ всегда прибавлялась оговорка: «если вы только не предпочитаете первое».

11. Джонъ Уингфильдъ, офицеръ англійской гвардіи, умершій отъ лихорадки въ Коимбрѣ, 14 мая 1811 г., другъ Байрона.

ИЗЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ЛОНГФЕЛЛО.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Какъ человѣкъ, что̀ въ сумерки идетъ,
Вдругъ голоса̀ услышавъ, обернется,
Замедлитъ шагъ, прислушиваясь, ждетъ,
Чтобы узнать чей говоръ раздается, —

Такъ точно я привѣтомъ теплыхъ словъ
Растроганный, съ сердечнымъ замираньемъ,
Ловлю, друзья, звукъ вашихъ голосовъ,
Ослабленный далекимъ разстояньемъ.

И если вы для сердца своего
Хоть что нибудь нашли въ стихахъ поэта,
Сторицею вознаградилъ его
Вашъ каждый знакъ участья и привѣта.

Съ отрадою прислушиваюсь я
Къ словамъ любви, поддержки, утѣшенья;
Вокругъ меня — незримые друзья,
Я не одинъ, среди уединенья.

Ни родина, ни мѣсто гдѣ живемъ
И не языкъ насъ дѣлаютъ друзьями:
Цѣль общая на поприщѣ земномъ,
Единство душъ — вотъ узы между нами!

Вотъ почему надѣюсь съ вами быть
Я въ тѣ часы безмолвныхъ думъ и горя,
Когда, въ тоскѣ, вы выйдете бродить
По берегу бушующаго моря;

И вѣрую, что на закатѣ дня,
Когда огонь вечернiй вашъ зажжется,
У вашего камина для меня,
Въ числѣ другихъ, всегда прiютъ найдется.

ВОДОРОСЛИ.

Шумный натискъ урагана
Поднялъ воды океана,
Налетѣвъ съ грозой на нихъ;
И, тревоги дикой полны,
Мчатся бѣшеныя волны,
Съ грузомъ порослей морскихъ.

Смыло ихъ, снесло водою
Съ рифовъ, скрытыхъ глубиною,
Съ трещинъ, съ мелей съ острымъ дномъ,
Отъ Багамы, отъ Азора,
Съ мѣстъ, гдѣ зыби Сальвадора
Брызжутъ, блещутъ серебромъ;

Отъ Гебридъ, отъ скалъ Бермуды,
Отъ Оркнеевъ, гдѣ о груды
Острыхъ камней бьетъ волна,
Гдѣ бурунъ сѣдой грохочетъ,
Точно злится, точно хочетъ
Сдвинуть ихъ съ морского дна;

Съ кораблей, водой покрытыхъ,
Бурей нѣкогда разбитыхъ;

Съ мачтъ ихъ, видныхъ здѣсь и тамъ,
Въ ребрахъ скалъ, гдѣ ихъ разбило
Иль носящихся уныло,
Безъ пріюта, по волнамъ.

Мчатся поросли далеко,
Съ юга, съ запада, съ востока —
Съ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ странъ,
Гдѣ ихъ только буря броситъ
И куда, потомъ, уноситъ
Безпокойный океанъ.

Стихнетъ грозное волненье —
И тогда успокоенье
Для себя онѣ найдутъ
Гдѣ нибудь въ пещерѣ чудной,
И гирляндой изумрудной
Стѣны грота обовьютъ.

Такъ, порою, мысль поэта,
Въ монотонной скукѣ свѣта,
Дремлетъ, праздная, въ тиши;
Но встряхнетъ въ одно мгиовенье
Буря сильнаго волненья
Океанъ его души,

Дастъ толчекъ уснувшимъ думамъ —
И онѣ, съ тревожнымъ шумомъ,
Точно волны побѣгутъ,
Съ ураганомъ грознымъ споря,
И на зыбкомъ лонѣ моря
Пѣсни разныя всплывутъ:

Изъ его пещеръ глубокихъ,
Темныхъ безднъ, угловъ далекихъ:

Отъ страны волшебныхъ грезъ,
Юныхъ силъ и страсти знойной,
Изъ пучины безпокойной
Горькихъ опытовъ и слезъ;

Съ острыхъ скалъ душевной боли,
Отъ твердынь могучей воли,
Отъ порывовъ къ небесамъ,
Отъ обломковъ упованій,
Бурей горя и страданій
Разнесенныхъ по волнамъ...

Эти пѣсни, эти звуки,
Плодъ борьбы, восторговъ, муки,
Бурей подняты со дна;
Шумный хоръ ихъ мира проситъ,
И далеко ихъ уноситъ
Сердца буйная волна...

Но придетъ пора: волненья
Этой бури вдохновенья
Снова стихнутъ наконецъ,
Соберетъ онъ эти звуки —
И сплетутъ поэту внуки
Славы блещущій вѣнецъ.

ПѢВЦЫ.

Намъ трехъ пѣвцовъ послали небеса,
Чтобъ гимнами восторга и печали,
Плѣняя слухъ, намъ сердце волновали
Ихъ звучные, какъ арфа, голоса.

Одинъ — былъ юнъ, поэтъ съ душою страстной;
Задумчиво въ пустынѣ онъ блуждалъ,
И музыкой своею сладкогласной
Міръ чудныхъ грезъ предъ нами открывалъ.

Другой — былъ мужъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ;
Онъ пѣлъ свой гимнъ на площади торговой,
Училъ толпу, въ ней духъ для жизни новой
Могучими напѣвами будилъ.

А третій былъ — старикъ, уже сѣдой;
Средь облаковъ прозрачныхъ фиміама,
Торжественно онъ пѣлъ подъ сводомъ храма,
И умилялъ насъ пѣснію святой.

И споръ о нихъ поднялся между нами:
Кто выше всѣхъ изъ этихъ трехъ пѣвцовъ?
Не слышится-ль разладъ между струнами
И тонами изъ дивныхъ голосовъ?

Они равны, и геній всѣхъ чудесенъ,
На всѣхъ лежитъ избранниковъ печать,
Имъ лишь даны три разныхъ дара пѣсенъ:
Плѣнять, учить и сердце умилять.

И если кто къ мелодіямъ прекраснымъ
Прислушавшись, ихъ музыку пойметъ,
То въ пѣніи трехъ бардовъ разногласномъ
Онъ полную гармонію найдетъ.

СОНЪ НЕВОЛЬНИКА.

Изъ пѣсенъ о невольничествѣ.

У нивы рисовой онъ спалъ,
Съ серпомъ своимъ въ рукѣ;
Раскрыта грудь его была
И волосы въ пескѣ,
И видѣлъ, сквозь неясный сонъ,
Родную землю онъ.

Привольно тамъ свои валы
Могучій Нигръ катилъ,
А онъ, по прежнему, царемъ
Подъ пальмами ходилъ.
И караваны по горамъ,
Звеня, спускались тамъ.

И видѣлъ онъ свою жену,
Своихъ дѣтей опять:
Они бросалися къ нему,
Чтобы его обнять;
И слезы у него со щекъ
Скатились на песокъ.

А вотъ — онъ мчится на конѣ,
Тамъ, у рѣки родной,

И поводъ сдѣланъ у него
Изъ цѣпи золотой,
И мечъ его стучитъ, звеня,
О бокъ его коня.

Вотъ гуси красные летятъ:
Слѣдитъ онъ ихъ полетъ,
Съ утра, до ночи, средь равнинъ,
Гдѣ тамариндъ растетъ,
До хижинъ кафровъ и до странъ,
Гдѣ видѣнъ океанъ.

Онъ слышалъ ночью вой гіенъ
И льва могучій ревъ,
Въ глухой рѣкѣ гиппопотамъ
Шумѣлъ межъ тростниковъ;
Все это въ грезахъ пронеслось,
И въ чудный гулъ слилось.

Свободѣ пѣли гимнъ лѣса
Его родимыхъ странъ
И рѣзво мчался и шумѣлъ
Пустынный ураганъ.
И, вздрогнувъ, улыбнулся онъ
При звукахъ тѣхъ, сквозь сонъ.

Его уже не мучилъ зной,
Хлыста онъ не слыхалъ:
На вѣки духъ его свои
Оковы разорвалъ,
И умеръ онъ, средь сладкихъ грезъ,
Безъ ропота и слезъ.

ВЪ АРСЕНАЛѢ.

Вотъ арсеналъ. Громадное собранье
Оружія повсюду видитъ взоръ...
Оркестръ войны и смерти... но молчанье
Хранитъ, пока, ужасный этотъ хоръ.

О, что за громъ внезапнаго смятенья,
Какой бы вопль поднялся къ небесамъ,
Когда бы духъ могучій истребленья
Ударилъ вдругъ по грознымъ тѣмъ струнамъ!

Гляжу вокругъ съ тревогою сердечной:
Мнѣ чудится, въ спокойный этотъ часъ,
Что хоръ войны, свирѣпый, безконечный,
Чрезъ рядъ вѣковъ доносится до насъ.

Безумныя, кровавыя потѣхи!
Вотъ слышу я: саксонскій молотъ бьетъ
О шлемъ стальной, о бранные доспѣхи,
Труба на бой воителей зоветъ.

Мнѣ чудятся Норманны, Гунны, Мавры,
И Медичей воинственный набатъ,
Свистъ пуль и стрѣлъ, монгольскія литавры,
И оргіи грабителей-солдатъ;

Ударъ меча, столкнувшійся съ ударомъ,
Тѣла и кровь, свирѣпый видъ бойцовъ,
Унынье селъ, охваченныхъ пожаромъ,
И голодомъ томимыхъ городовъ;

Паденье стѣнъ, при страшной канонадѣ,
Хаосъ громовъ... и пропадаютъ въ немъ
И крикъ, и плачъ, и вопли о пощадѣ,
И стоны жертвъ, проколотыхъ штыкомъ...

О, человѣкъ! зачѣмъ, дыша раздоромъ
И хищностью, гнѣвишь ты небеса?
Ты заглушилъ проклятымъ этимъ хоромъ
Прекрасные природы голоса.

Когда бы намъ хоть половину власти,
Богатствъ и силъ, похищенныхъ войной,
Употребить на укрощенье страсти,
Затмившей умъ ошибкой роковой,—

Тогда война считалась бы позоромъ,
Процвѣлъ бы міръ подъ сѣнью тишины,
И были бы всеобщимъ приговоромъ
Герои битвъ на вѣкъ осуждены.

Пусть навсегда умолкнутъ эти громы,
Падетъ войны безсмысленный кумиръ,
И станутъ вновь сердцамъ людей знакомы
Слова Христа: «да будетъ съ вами миръ!»

Миръ! Пусть росой цѣлебной онъ прольется,
Утихнетъ стонъ поверженныхъ въ крови,—
И музыкой небесной раздается
Священная гармонія любви!

VANITAS.

(На мотивъ изъ Лонгфелло).

Къ тебѣ, мой духъ, взываю я!
Пусть просвѣтлѣетъ мысль твоя,
Чтобъ увидать —
Какъ жизнь подобна тяжкимъ снамъ,
Какъ тихо смерть подходитъ къ намъ,
Таясь какъ тать;

Какъ наши радости скользятъ,
Какими ранами болятъ
Сердца людей;
Какъ счастье, искрой огневой,
На мигъ мелькаетъ въ тьмѣ ночной
И гаснетъ въ ней.

Природа! ты насъ создала,
Ты на мгновеніе дала
Намъ бытіе;
О, еслибъ жизнь мы не кляли
И вправду жизнію могли
Назвать ее!

Она рождается въ скорбяхъ,
Проходитъ въ мукахъ и слезахъ,

Тревогъ полна;
И только болѣе заботъ
Тому, кто долѣе живетъ,
Даетъ она.

Затѣмъ, чтобы, придя къ концу,
Со смертью ставъ лицомъ къ лицу,
Въ ночной тиши,
Припомнилъ больше горя онъ,
Чтобъ глубже былъ предсмертный стонъ
Его души;

Чтобъ видѣть, что предъ вѣчной тьмой
Весь трепетъ жизни — сонъ пустой,
Одна мечта;
Чтобъ, испустивъ послѣдній вздохъ,
Сказать въ своемъ онъ сердцѣ могъ:
«Все — суета!...»

КУБОКЪ ЖИЗНИ.

(На мотивъ изъ Лонгфелло).

Я выпилъ кубокъ жизни нашей,
Все испыталъ, все перенесъ,—
И надъ пустой сижу я чашей,
Съ глазами тусклыми отъ слезъ.

Въ ней нектаръ не игралъ душистый
И не лилась черезъ края,
Сверкая влагой золотистой,
Восторговъ пламенныхъ струя.

Въ ней было много влаги жгучей,
Что̀ какъ фонтанъ изъ сердца бьетъ,
Когда порывъ скорбей могучій
Его на части разорветъ.

Горька была мнѣ эта влага!
Напрасно думалъ я найти
Мнѣ въ грезахъ снившіяся блага
Среди житейскаго пути.

Но въ чашѣ мрачнаго страданья,
Тревогъ и горестей моихъ

Я замѣчалъ, порой, сверканье
Какихъ-то искоръ золотыхъ...

Тѣ искры весело сверкали,
Волшебный жаръ въ себѣ тая,
И чуднымъ блескомъ покрывали
Поверхность мутнаго питья.

Во мнѣ являлся силъ избытокъ
И, въ жаждѣ сердца моего,
Я пилъ отравленный напитокъ,
Забывъ о горечи его.

Душа внезапно озарялась,
Весь мракъ куда-то исчезалъ,—
И сердце сладко волновалось:
Я грезилъ, вѣровалъ, мечталъ.

Минутно было опьяненье,
Мгновенно гасъ мгновенный свѣтъ...
Теперь—настало пробужденье,
Теперь—и этихъ вспышекъ нѣтъ!

Жизнь пронеслась какъ сонъ несвязный,
Претитъ мнѣ хмѣль ея вина,
И вижу я осадокъ грязный
Въ той чашѣ, выпитой до дна...

EXCELSIOR.

Тьмой ночи Альпы облегло;
Проходитъ юноша село,
И знамя черезъ снѣгъ и ледъ
Съ девизомъ страннымъ онъ несетъ:
«Excelsior!»
Въ лицѣ его видна печаль,
Глаза сверкаютъ точно сталь,
И голосъ, какъ труба звучитъ,
И онъ идетъ и говоритъ:
«Excelsior!»
Старикъ ему: «Нейди въ проходъ,
Ты слышишь — буря тамъ реветъ,
Потокъ тамъ бѣшеный шумитъ!»
Но юноша, въ отвѣтъ, гремитъ:
«Excelsior!»
И дѣвушка ему: «Постой!
Склонись на грудь мнѣ головой!»
Слеза въ очахъ его дрожитъ,
Но онъ, со вздохомъ, говоритъ:
«Excelsior!»
«Подгнившихъ сосенъ берегись,
Да подъ обвалъ не попадись!»

(Крестьяни подаетъ совѣтъ)
Но голосъ, съ высоты, въ отвѣтъ:
«Excelsior!»
Чуть свѣтъ, въ тотъ часъ, когда монахъ
На Сенъ-Бернардскихъ высотахъ
Молитву набожно читалъ,
Какой-то голосъ прозвучалъ:
«Excelsior!»
Собака путника нашла:
Его ужъ вьюга занесла,
Но знамени не бросилъ онъ,
Гдѣ былъ девизъ изображенъ:
«Excelsior!»

НОРМАННСКІЙ БАРОНЪ.

> Dans les moments de la vie où la réflexion devient plus calme et plus profonde, où l'intérêt et l'avarice parlent moins haut que la raison, dans les instants de chagrin domestique, de maladie et de péril de mort, les nobles se repentirent de posséder des serfs, comme d'une chose peu agréable à Dieu, qui avait créé tous les hommes à son image.
>
> Thierry. *Conquête e de l'Angleterre.*

Ночью, въ спальнѣ удаленной,
Злымъ недугомъ истощенный,
Умиралъ баронъ.
Буря бѣшено ревѣла,
Точно замокъ снесть хотѣла,
Гдѣ томился онъ.

Ужъ его минуты малы...
Не спасутъ его вассалы,
Ни толпа рабовъ,
Ни наслѣдье родовое —
Плодъ насилья и разбоя
Дѣдовъ и отцовъ.

Смерть идетъ—и нѣтъ пощады;
Робко онъ кидаетъ взгляды
    На духовника:
Тотъ сидитъ, чело склонивши,
Взоры въ требникъ опустивши,
    Возлѣ старика.

Вѣтеръ вылъ, свистѣлъ и злился,
Чуть-чуть внятно доносился
    Колокольный звонъ
Съ ближней церкви, возвѣщая,
Что настала ночь святая,
    Что Христосъ рожденъ.

А среди старинной залы,
Собрались рабы, вассалы,
    И, въ усладу ихъ,
Кочевые минестрели
Много пѣсенъ тамъ пропѣли
    Старыхъ и святыхъ.

Угнетенному народу
Пѣли гимны про свободу,
    Данную Христомъ;
Громко гимны ихъ звучали,
Такъ что бурю заглушали,
    Рвавшуюся въ домъ.

И достигли эти звуки
До одра предсмертной муки,
    Гдѣ баронъ лежалъ,
Гдѣ монахъ, въ благоговѣньи,
Старику слова спасенья
    На ухо шепталъ.

Услыхавши пѣснь святую,
Тихо голову сѣдую
Повернулъ баронъ —
И недвижно, съ замираньемъ,
Весь окованный вниманьемъ,
Вслушивался онъ.

Тучи молнія пронзила
И внезапно озарила
Въ нишѣ рядъ иконъ...
Громъ ударилъ съ страшной силой —
И вскричалъ: «Творецъ, помилуй!»
Вздрогнувши, баронъ.

Въ этотъ часъ тоски сердечной,
На порогѣ жизни вѣчной,
Онъ прозрѣлъ душой:
Онъ увидѣлъ правду Божью,
Сквозь туманъ, разлитый ложью
Суеты мірской.

Всѣ земныя обольщенья —
Чѣмъ отъ самаго рожденья
Онъ опутанъ былъ —
Вдругъ надъ нимъ лишились власти,
И разсудокъ громче страсти
Въ немъ заговорилъ.

Тѣмъ, кто въ жизни безполезной,
Подъ рукой его желѣзной,
Слезы проливалъ,
Всѣмъ рабамъ, ему подвластнымъ,
Угнетеннымъ и несчастнымъ,
Онъ свободу далъ.

И когда онъ въ томъ поклялся —
Съ тѣломъ духъ его разстался,
Разлилáсь въ чертахъ
Неподвижность гробовая...
И «аминь», благословляя,
Произнесъ монахъ.

И прошло вѣковъ не мало
Съ той поры, какъ у портала
Церкви спитъ баронъ;
Прахъ его истлѣлъ въ могилѣ,
И ужъ всѣ давно забыли
Кто въ ней погребенъ.

Но его благое дѣло
Въ книгѣ жизни уцѣлѣло;
Плодъ его святой
Все пышнѣе созрѣваетъ,
И въ вѣкахъ оно сіяетъ
Яркою звѣздой.

ДЕНЬ ПРОШЕЛЪ.

День прошелъ; огни мерцаютъ
Сквозь туманъ и мракъ ночной...
Овладѣла грусть моею
Растревоженной душой.

Сядь, мой другъ, прочти мнѣ пѣсню,
Отгони ты отъ меня
Это тягостное чувство,
Плодъ заботъ и мыслей дня.

Не изъ тѣхъ поэтовъ славныхъ,
Тѣхъ возвышенныхъ пѣвцовъ,
Чьи шаги разноситъ эхо
Въ древнемъ зданіи вѣковъ.

Нѣтъ, ихъ стихъ, какъ шумъ тревоги,
Звукъ воинственной трубы,
Призываетъ къ битвѣ жизни,
Будитъ духъ нашъ для борьбы.

Я-жъ теперь покоя жажду,
Облегчить хочу я грудь:
Изъ негромкихъ мнѣ поэтовъ
Прочитай ты что-нибудь.

Тѣхъ, чья пѣснь изъ сердца льется,
Звукомъ теплыхъ, нѣжныхъ словъ,
Какъ на жаждущую землю
Дождь изъ лѣтнихъ облаковъ;

Чтò среди дневной заботы
И томительныхъ ночей
Чудной музыкѣ внимаютъ
Въ глубинѣ души своей.

Пѣсни ихъ имѣютъ силу
Пульсъ тревоги унимать,
Какъ усердная молитва,
Въ душу сладкій миръ вливать.

Избери-жъ, прочти чтò хочешь
И съ мелодіей, простой,
Задушевною, поэта
Слей прекрасный голосъ свой.

И, съ двойнымъ очарованьемъ,
Стихъ его, лаская слухъ,
Успокоитъ мой усталый,
Злобой дня смущенный духъ.

ОБОДРЕНІЕ.

(Psalm of Life).

Не тверди, въ тоскѣ сердечной,
«Жизнь — лишь сонъ», да замолчитъ
Этотъ ропотъ безконечный:
Духъ тотъ мертвъ, который спитъ.

Наша жизнь — не сновидѣнье,
Хоть положенъ ей предѣлъ;
Не печаль, не наслажденье,
Не могила нашъ удѣлъ;

Не о духѣ Божье слово
Изрекло въ былыхъ вѣкахъ:
«Ты отъ праха взятъ и снова
Возвратишься ты во прахъ».

Не тверди о гробѣ тѣсномъ,
О покорности судьбѣ,
Будь не агнцемъ безсловеснымъ
А героемъ будь въ борьбѣ.

И въ бездѣйствіи безплодномъ
О грядущемъ не мечтай,

Въ пеплѣ прошлаго холодномъ
Силъ своихъ не зарывай:

Нѣтъ въ томъ пеплѣ леденящемъ
Искры Божіей для нихъ;
Бодро дѣйствуй въ настоящемъ,
Будь живымъ среди живыхъ.

Пусть твой трудъ слѣды оставитъ:
Можетъ быть, имъ будетъ радъ
И свой путь по нимъ направитъ
Заблудившійся твой братъ;

Можетъ быть, въ житейскомъ морѣ,
Силу крѣпкую тая,
Много бѣдъ, крушеній, горя
Устранитъ рука твоя.

Наша жизнь—не сонъ, а дѣло,
Для себя и для другихъ;
Совершай же путь свой смѣло,
Въ честныхъ подвигахъ твоихъ.

Честный трудъ—святое знамя!
Сохрани въ своей груди
Жизни духъ и вѣры пламя —
И впередъ, впередъ иди!

НѢТЪ СТАДА.

Нѣтъ стада, гдѣ-бъ всѣ овцы были цѣлы,
Гдѣ-бъ хоть одинъ ягненокъ не пропалъ;
Нѣтъ очага, гдѣ-бъ стулъ осиротѣлый
Среди другихъ уныло не стоялъ.

Весь воздухъ нашъ исполненъ воздыханья:
Во тьмѣ ночной, въ сіяніи утра—
То здѣсь, то тамъ—надгробныя рыданья,
Иль тихій плачъ у смертнаго одра.

Терпѣніе! Велики скорби наши,
Онѣ намъ грудь терзаютъ и гнетутъ;
Но благодать, подъ видомъ горькой чаши,
Намъ небеса порою подаютъ.

Нашъ взоръ такъ слабъ: сквозь паръ, туманъ печальный
Земныхъ болотъ, сквозь мракъ унылыхъ тучъ,
Онъ видитъ тамъ лишь факелъ погребальный,
Гдѣ свѣтится безсмертья дальній лучъ.

Утѣшимся: нѣтъ смерти во вселенной,
Но черезъ дверь мы мрачную идемъ
Въ другую жизнь изъ жизни нашей тлѣнной
И эту дверь мы смертію зовемъ.

Утѣшимся: въ могилѣ нѣтъ печали,
За нею—жизнь, за нею вѣчный свѣтъ;
Не умеръ тотъ, надъ кѣмъ мы такъ рыдали,
Кого, увы! межъ нами больше нѣтъ.

Когда-жъ порой отъ сдержаннаго горя,
Отъ скорби, грудь снѣдающей въ тиши,
Вздымается она, какъ бездна моря,
И рвется стонъ изъ глубины души;

Когда къ намъ мысль о горестной разлукѣ
Со всѣмъ ея страданіемъ придетъ —
Мы облегчимъ слезами сердца муки,
Онѣ должны, должны имѣть исходъ.

МАЛЕНЬКІЯ НОЖКИ.

Маленькія ножки! рѣзвости въ васъ много,
Но лежитъ предъ вами трудная дорога:
Будете вы часто падать, спотыкаться,
Трескаться отъ зноя, грязью покрываться;—
Изнуренъ я этимъ странствіемъ тяжелымъ
И смотрю на васъ я взоромъ невеселымъ,
Съ грустнымъ умиленьемъ и тоской щемящей:
Мнѣ внушаетъ ужасъ трудъ вамъ предстоящій.

Маленькія ручки! нѣтъ у васъ заботы
Но вамъ страшно много предстоитъ работы,—
Будете-ль вы сильны, міромъ управляя,
Слабы-ль, хлѣбъ насущный еле добывая,
Помогать-ли ближнимъ съ теплымъ состраданьемъ,
Или простираться къ нимъ за подаяньемъ...
Я, чьи руки ноютъ отъ работы вѣчной,
Трудъ вашъ представляю съ грустью безконечной.

О, сердца — малютки! вамъ легко живется,
Но какъ много въ жизни выстрадать придется!
Безнадежно жаждать мира, счастья, власти,
Трепетать отъ гнѣва, замирать отъ страсти,
Ныть, скорбѣть безмѣрно и сгорать любовью.
Чувствовать обиду, обливаться кровью...
Боль, тревоги сердца опытомъ я знаю
И о васъ, малютки, съ дрожью помышляю!

ЛЮБОВЬ.

Не во дни надеждъ и ликованья
Мы любви всю силу узнаемъ
Съ глубиной ея очарованья
И съ ея живительнымъ огнемъ:
Для сердецъ лучи ея сіяютъ,
Средь невзгодъ земного бытія,
Бурь и тьмы, когда насъ оставляютъ
Свѣтлыхъ дней минутные друзья.

Да, любовь не огонекъ блудящій,
Не игра летучихъ облаковъ:
То костеръ, во тьмѣ ночной горящій,
То маякъ, спасающій пловцовъ;
То бальзамъ, что сердце злой тревогой
И бѣдой убитое, живитъ,
То очагъ, что въ хижинѣ убогой,
Занесенной вьюгами, горитъ...

СТРѢЛА И ПѢСНЯ.

Стрѣлу изъ лука я пустилъ:
Не зналъ я, гдѣ она упала;
Напрасно взоръ за ней слѣдилъ,
Она мелькнула и пропала.

На вѣтеръ пѣсню бросилъ я:
Звукъ замеръ гдѣ-то въ отдаленьи...
Куда упала пѣснь моя —
Не могъ сказать я въ то мгновенье.

Немного лѣтъ спустя, потомъ
Стрѣла нашлась, въ соснѣ у луга,
Свою же пѣсню цѣликомъ
Нашелъ и въ тепломъ сердцѣ друга.

ПРИЗРАКИ.

Въ часъ, когда свое теченье
День свершитъ, и ночь въ тиши
Вызываетъ пробужденье
Лучшихъ чувствъ и думъ души;

Въ часъ, когда каминъ, пылаетъ,
И, при трепетномъ огнѣ,
Тѣнь какъ призракъ выростаетъ
И трепещетъ на стѣнѣ,—

Духи тѣхъ, что спятъ въ могилахъ,
Тѣхъ, чьи образы таю
Вѣчно въ сердцѣ, сердцу милыхъ
Тихо входятъ въ дверь мою...

Вотъ онъ — юный, сильный, твердый,
Страстно жаждавшій борьбы,
Что̀ погибъ съ улыбкой гордой
Подъ ударами судьбы.

Вотъ и кроткія созданья,
Тѣ святые, соль земли,
Что̀ тяжелый крестъ страданья
Такъ безропотно несли.

Вотъ они, что такъ любили
И, сіяя красотой,
Мнѣ любовью озарили
Время жизни молодой.

И неслышною стопою
Эти призраки идутъ
И садятся всѣ со мною,
Тихо руки мнѣ даютъ.

И она садится рядомъ
Смотритъ, смотритъ на меня
Этимъ нѣжнымъ, чуднымъ взглядомъ,
Полнымъ звѣзднаго огня.

Сердцемъ слышу я моленья,
Нѣжный ропотъ слышу я,
А затѣмъ благословенья
Изъ воздушныхъ губъ ея.

Въ дни тоски и колебанья,
Въ дни, когда на сердцѣ гнетъ,
Мнѣ о нихъ воспоминанье
Снова бодрость въ душу льетъ.

СУМЕРКИ.

На морѣ вѣтеръ бушуетъ,
Сумракъ унынія полнъ;
Кажутся крыльями чайки
Бѣлыя головы волнъ.

Берегъ пустыненъ и мраченъ,
Только въ избѣ рыбака
Свѣтится тускло окошко,
Краснымъ огнемъ ночника.

Личико видно въ окошкѣ;
Крѣпко прильнувши къ нему,
Пристально смотритъ ребенокъ
Въ сѣрую, мглистую тьму.

Женская тѣнь по избушкѣ
Движется взадъ и впередъ,
До потолка выростаетъ,
Къ полу порой припадетъ.

Что говоритъ это море,
Вѣтеръ играющій имъ

Мыслямъ пытливымъ ребенка
Плескомъ и ревомъ своимъ?

И отчего эта буря,
Яростный моря прибой,
Такъ отзываются въ сердцѣ
Женщины въ хижинѣ той?

ЗВѢЗДНЫЙ СВѢТЪ.

Настала ночь, и съ вышины
Померкнувшихъ небесъ
Тихонько свѣтлый серпъ луны
Спустился — и исчезъ.

Холоднымъ свѣтомъ звѣздъ однимъ
Мерцаетъ синій сводъ.
И первымъ ночи часовымъ
Планета Марсъ идетъ.

Звѣзда ли то любви дрожитъ
Сіяя въ вышинѣ?
О, нѣтъ: я вижу красный щитъ
И воина въ бронѣ.

Серьезныхъ думъ и мыслей рой
Встаетъ во мнѣ, когда
Смотрю на свѣтъ бодрящій твой
Могущества звѣзда!

Съ улыбкой ты своей рукой
Привѣтъ мнѣ шлешь съ высотъ,
И той улыбки свѣтъ стальной
Мнѣ силу вновь даетъ.

Въ моей груди дневныхъ лучей
И даже лунныхъ нѣтъ,
Тамъ тьма глубокая и въ ней,
Лишь звѣздъ холодный свѣтъ.

Мерцаньемъ съ выси голубой
Онъ льется въ ночь мою,
И первой стражи трудъ ночной
Я Марсу отдаю.

Звѣздѣ спокойствія средь бѣдъ,
Рѣшимости, борьбы,
Могучей воли и побѣдъ,
Въ превратностяхъ судьбы.

Читатель, кто бы ни былъ ты,
Будь бодръ, неколебимъ,
Когда надежды и мечты
Развѣются, какъ дымъ;

Крѣпись и сердцемъ и умомъ,
И будешь находить
Ты много благъ высокихъ въ томъ,
Чтобъ въ горѣ сильнымъ быть.

X.

ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ *).

ПОЭМА.

1.

ПРОЛОГЪ.

Вы хотите знать—откуда
Эти пѣсни и преданья,
Отъ которыхъ вѣетъ лѣсомъ
И луговъ росистыхъ влагой?

---

*) Эта поэма, которую можно назвать индійскою Эддой, основана на существующемъ между сѣверо-американскими индійцами преданіи о человѣкѣ чудеснаго происхожденія, который былъ посланъ къ нимъ съ неба, чтобы воздѣлать пустыни и научить дикарей мирнымъ искусствамъ. У разныхъ индійскихъ племенъ онъ извѣстенъ подъ различными именами: Мичабу, Чайабо, Манабозо, Тэринайавагонъ и Гайавата. «Гайавата» значитъ пророкъ, учитель. Легенда о немъ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у ирокезовъ, изложена у Скулькрэфта, въ его книгѣ подъ названіемъ: «Прошедшее, настоящее и будущее индійскихъ племенъ въ Соединенныхъ Штатахъ» (History, Condition and Prospects of the Indian Tribes of the United States) и записана съ устныхъ разсказовъ одного индійскаго вождя. Къ этому старому преданію Лонгфелло присоединилъ и другія индійскія легенды, заимствованныя, большею частію, изъ сочиненій Скулькрэфта, неутомимымъ трудамъ котораго литературный міръ обязанъ многими изыс-

Вы хотите знать—откуда
Эти странныя легенды,
Гдѣ вамъ чудится, порою,
Дымъ синѣющій вигвамовъ *)
И стремленье рѣкъ великихъ,
Съ ихъ немолчнымъ, дикимъ плескомъ,
Раздающимся въ пустынѣ
Точно громъ въ ущельяхъ горныхъ?
Я отвѣчу, я скажу вамъ:
«Отъ лѣсовъ, озеръ великихъ,
Отъ степей страны полночной,
Отъ земли оджибуэевъ,
Отъ пустынныхъ странъ дакотовъ,
Съ горъ и тундръ, съ низинъ болотныхъ,
Гдѣ шухшухга **) съ длиннымъ носомъ
Въ тростникахъ находитъ пищу.
Эти дикія легенды
И преданья повторяю
Точно такъ, какъ самъ ихъ слышалъ
Отъ индійца Навадаги—
И пѣвца и музыканта».
Если спросите—откуда

каніями о легендарномъ эпосѣ индійцевъ. Мѣсто дѣйствія—страна, населенная племенемъ оджибуэевъ, на южномъ берегу Верхняго озера (Гюрона) между живописными скалами и большою песчаною пустыней.

Въ своемъ разсказѣ Лонгфелло, желая сохранить мѣстный колоритъ, всѣ сравненія свои беретъ изъ окружающей дикаго индійца природы и его жизни и вставляетъ въ свои стихи индійскія названія звѣрей, рыбъ, птицъ, временъ года, вѣтровъ и проч., тутъ же переводя ихъ. Послѣ этой оговорки, надѣюсь, что читатель, встрѣтивъ русское названіе какого-либо предмета рядомъ съ индійскимъ, безъ примѣчанія, легко пойметъ, что одно слово есть переводъ другого. Необходимыя же затѣмъ примѣчанія помѣщаются въ переводѣ поэмы, по мѣрѣ надобности. Считаю не лишнимъ прибавить, что здѣсь я представлю въ переводѣ не всю поэму, а только нѣсколько главъ ея, наиболѣе характерныхъ и необходимыхъ для цѣльнаго представленія объ ея идеѣ. *Переводчикъ.*

*) *Вигвамъ*—индійскій шалашъ.

**) *Шухшухга*—синяя цапля.

Почерпнулъ ихъ Навадага,
Я отвѣчу, я скажу вамъ:
«Онъ нашелъ ихъ въ птичьихъ гнѣздахъ,
Надъ водой въ бобровыхъ норкахъ,
Тамъ, гдѣ ходитъ дикій буйволъ,
Гдѣ орелъ въ скалахъ гнѣздится!»
Птицы дикія ихъ пѣли
На низинахъ и болотахъ,
Читовейкъ-зуекъ тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ-нырокъ, гусь дикій вава,
Цапля синяя шухшухга
И тетерка мушкодаза!»

Если больше знать хотите:
Кто такой былъ Навадага—
Я сейчасъ же вамъ отвѣчу
На вопросъ такимъ разсказомъ:

«Средь равнины Тавазента,
Въ глубинѣ долины тихой,
Близъ смѣющихся каналовъ,
Жилъ индіецъ Навадага.
Вкругъ индійской деревушки
Шли поля, луга и нивы,
Дальше—лѣсъ стоялъ сосновый,
Лѣтомъ весь въ зеленыхъ иглахъ,
А зимой—подъ бѣлымъ снѣгомъ.
«Эти сосны вѣковыя
Вѣчно пѣли и вздыхали.
Тѣ каналы можно было
Видѣть издали въ долинѣ:
По стремительному бѣгу—
Въ дни весенняго разлива,
По ольхамъ вѣтвистымъ—лѣтомъ,
И по бѣлому туману

[illegible]

Вы, въ чьемъ сердцѣ сохранилась
Вѣра въ Бога и въ природу,
Сохранилось убѣжденье,
Что во всѣ вѣка, повсюду
Человѣкъ былъ человѣкомъ;
Что въ сердцахъ у первобытныхъ
Дикарей трепещутъ тоже
И желанья, и стремленья,
И тоскливые порывы
Къ непостигнутому Благу;
Что безпомощныя руки,
Шаря ощупью, во мракѣ,
Руку Божію находятъ,
Выводящую ихъ къ свѣту,—
Васъ прошу теперь послушать
Эту «Пѣснь о Гайаватѣ!»

Вы, которые порою
По околицамъ блуждая—
Тамъ, гдѣ кисти барбариса
Перекинулись красиво
Черезъ каменную стѣну,
Посѣдѣвшую отъ моха—
На запущенномъ кладбищѣ
Разбираете, въ раздумьи,
Полустершуюся надпись,
Сочиненную нескладно,
Но въ которой, въ каждомъ словѣ,
Дышетъ свѣтлая надежда,
Вмѣстѣ съ жгучей болью сердца,—
Прочитайте эту надпись,
Надпись грубую, простую,
Эту «Пѣснь о Гайаватѣ!»

2.

Трубка мира *).

Гитчи Ма̀нито **) могучій,
Съ облаковъ сойдя на землю,
По горамъ Большой Равнины,
Сталъ на глыбѣ красныхъ камней,
Оторвавшейся отъ кряжа—
И сзывалъ онъ всѣ народы,
Племена людей на сходку.
Отъ слѣдовъ его бѣжала
Рѣчка, въ яркомъ блескѣ утра,
И сіяла, какъ Ишкуда ***)
Съ высоты срываясь въ бездну.
И Великій Духъ, склонившись,
Ей перстомъ своимъ назначилъ
Путь излучистый въ долинѣ,
Говоря: «вотъ здѣсь бѣги ты!»
И отъ краснаго утеса
Оторвавъ одинъ обломокъ,
Изъ него слѣпилъ онъ трубку

*) Между американскими индійцами существуетъ преданіе о чудесномъ происхожденіи красной трубки, дымъ которой подавалъ сигналъ къ войнѣ и миру, распространяясь до самыхъ крайнихъ предѣловъ материка, возбуждая каждаго воина къ подвигамъ и неся съ собою ненарушимую клятву войны и разрушенія. Мѣсто ея происхожденія—горы Большой Равнины. Сюда, какъ говоритъ преданіе, Великій Духъ созвалъ нѣкогда индійскіе народы и, ставъ на глыбѣ утеса изъ краснаго камня, надъ пропастью, оторвалъ отъ нея кусокъ, слѣпилъ изъ этого куска огромную трубку, дымъ отъ которой распространился на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Онъ сказалъ имъ, что это ихъ плоть, что изъ этого краснаго камня они должны сдѣлать себѣ трубки мира, и что съ этихъ поръ палицы и ножи для скальпированія должны исчезнуть съ ихъ земли. Съ послѣднимъ клубомъ дыма изъ трубки Великій Духъ исчезъ въ облакѣ.

**) Великій Духъ, Владыка Жизни.

***) Комета, огонь.

И фигурами украсилъ;
Въ камышахъ тростину выбралъ,
Къ трубкѣ онъ ее приладилъ,
И наполнилъ эту трубку
Онъ корою красной ивы;
И дохнулъ на лѣсъ сосѣдній:
Дерева столкнулись вмѣстѣ
И отъ тренья загорѣлись.
На огнѣ томъ закурилъ онъ,
Гитчи Мàнито могучій,
Эту трубку, Трубку Мира,
Знакъ народамъ подавая.

Дымъ взвивался тихо, тихо,
Прежде—тонкой, легкой струйкой,
Послѣ—шире, синимъ паромъ,
Дальше—тучей бѣлоснѣжной,
Подымаясь выше, выше;
Наконецъ—уперся въ небо,
Въ ширь, клубясь, распространился—
И объялъ весь сводъ небесный.

Отъ равнины Тавазента,
Отъ долины Вайоминга
Съ рощъ тѣнистыхъ Тоскалузы,
Отъ Скалистыхъ горъ далекихъ—
Всѣ народы увидали
Тотъ сигналъ Владыки Жизни,
Этотъ дымъ, всходившій къ небу,
Дымъ Покваны, Трубки Мира.
И народныя пророки
Говорили: «То Поквана!
Этимъ дымомъ отдаленнымъ,
Чтò колеблется, какъ ива,
Гитчи Мàнито могучій

Созываетъ всѣ народы,
Всѣхъ бойцовъ на совѣщанье!»

Вдоль потоковъ, по долинамъ,
Шли бойцы отъ всѣхъ народовъ:
Делавэры и могоки,
И чоктосы и каманчи,
Черноногіе и поны,
И шоншоны и омоги,
И мэнданы и дакоты,
Оджибвэи и гуроны,—
И сошлися отовсюду,
По сигналу Трубки Мира,
Къ цѣпи горъ Большой Равнины,
Къ глыбѣ Краснаго Утеса.

На лугу они стояли,
Въ боевомъ своемъ нарядѣ,
Всѣ раскрашенные, точно
Листья осенью багряной,
Всѣ росписанные, точно
Небо утренней зарею,
Дико глядя другъ на друга.
Въ ихъ очахъ былъ дерзкій вызовъ,
Въ сердцѣ — распря вѣковая
И наслѣдственная злоба
Съ ненасытной жаждой мести.

Гитчи Мàнито могучій,
Сотворившій всѣ народы,
Посмотрѣлъ на нихъ съ участьемъ
И съ отеческой любовью.
Онъ взглянулъ на ихъ раздоры,
Несогласія и злобу
Какъ на распри, гнѣвъ и ссоры

Неразумныхъ ребятишекъ.
Онъ простеръ надъ ними руку,
Чтобъ смягчить ихъ нравъ упрямый,
Утушить ихъ жаръ и жажду
Тѣнью собственной десницы.
И величественнымъ гласомъ,
Раздававшимся въ пустынѣ
Точно грохотъ водопадовъ,
Низвергающихся въ бездну,
Говорить онъ съ ними началъ,
Ихъ браня, остерегая:

«Дѣти, бѣдныя вы дѣти!
Слову мудрости внемлите,
Слову предостереженья
Отъ меня, Большого Духа,
Отъ меня, Владыки Жизни,
Отъ меня, кто всѣхъ васъ создалъ!
Все я далъ вамъ, что вамъ нужно:
Далъ вамъ земли, для охоты,
Рѣки далъ, для рыбной ловли,
Далъ вамъ буйвола, медвѣдя,
Далъ бобра, оленя, гуся,
Камыши наполнилъ дичью,
Воды—рыбой въ изобильи:
Такъ чего-жь еще вамъ надо?
И зачѣмъ, въ жестокихъ распряхъ,
Злобно травите другъ друга?

Я усталъ отъ вашихъ споровъ,
Вашихъ войнъ кровопролитныхъ
И молитвъ докучныхъ вашихъ
Все о мести да о мести.
Ваша сила—вся въ союзѣ,
Ваша гибель—вся въ раздорѣ:

Бросьте-жъ распри и живите
Вы побратски межъ собою!

И пошлю я вамъ пророка,
Избавителя народовъ:
Онъ наставитъ васъ, научитъ,
Будетъ онъ страдать, и думать,
И трудиться вмѣстѣ съ вами.
Если вы его совѣтовъ
Слушать станете, то родъ вашъ
Будетъ цвѣсть и размножаться;
Если-жъ нѣтъ—то вашъ упадокъ,
Ваша гибель неизбѣжны!

Окунитесь въ эту рѣку,
Смойте съ лицъ вы краски брани,
Съ вашихъ пальцевъ—пятна крови,
Закопайте тутъ же въ землю
Ваши палицы и луки,
И изъ этихъ красныхъ камней
Сдѣлайте себѣ вы трубки,
Изъ тростинъ, близъ васъ растущихъ—
Чубуки, убравъ ихъ въ перья;
Закурите дружно вмѣстѣ
Эти трубки, трубки мира—
И отнынѣ точно братья
Вы живите межъ собою!»
Сбросивъ всѣ свои одежды
И военные доспѣхи,
Всѣ бойцы тогда прыгнули
Въ волны шумнаго потока.
Выше ихъ вода бѣжала
Свѣтлой, чистою струею,
Отъ слѣдовъ Владыки Жизни,
Ниже—воды были мутны,

Въ полосахъ и пятнахъ красныхъ,
Точно смѣшанныя съ кровью.

Вышли воины изъ рѣчки
Чисты, смывши краски брани,
И у берега рѣчного
Закопали тотчасъ въ землю
Всѣ доспѣхи боевые.
И дѣтей своихъ увидѣвъ
Безоружными, Создатель,
Гитчи Мàнито могучій,
Улыбнулся имъ съ любовью.
И всѣ воины, въ молчаньи
Сдѣлавъ трубки, выбравъ трости
И убравъ ихъ ярко въ перья,
Воротились восвояси.
А Владыка Жизни началъ
Подыматься снова къ небу,
Сквозь раздавшіяся тучи,
И исчезъ предъ ихъ глазами,
Окруженъ волнами дыма
Отъ Покваны, Трубки Мира.

3.

Дѣтство Гайаваты.

Ужъ давно-давно случилось,
Въ незапамятные вѣки,
Что прекрасная Нокомисъ*),
Въ сумракъ вечера, упала
Прямо съ мѣсяца на землю.

---

*) Мать Веноны, матери Гайаваты.

Тамъ она, толпой прислужницъ
Окруженная, рѣзвилась
И качалася на гибкихъ,
Тонкихъ вѣтвяхъ виноградныхъ.
А соперница Нокомисъ,
Злобной ревностью пылая,
Подрубила эти вѣтки—
И Нокомисъ вдругъ, въ испугѣ,
Полетѣла внизъ на землю
И упала на Мускòдэ,
На цвѣтущій лугъ изъ лилій.
«Посмотрите, посмотрите:
Вонъ звѣзда валится съ неба!
Посмотрите, посмотрите:
Съ неба звѣздочка упала!»
Говорилъ народъ, дивуясь.

Тамъ межъ травъ и мховъ душистыхъ,
Посреди цвѣтущихъ лилій,
На лугу, при свѣтѣ лунномъ,
При мерцаньи звѣздъ небесныхъ,
У Нокомисъ дочь родилась.
И она ее Веноной *)
Назвала—перворожденной.

Дочь Нокомисъ выростала,
И была она подобна
Нѣжнымъ лиліямъ Мускòдэ,—
Высока, стройна, прекрасна,—
И глаза ея сіяли
Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ.

Часто мать ей говорила,
Безпрестáнно повторяла:

*) *Венона*—старшая, первородная изъ дочерей.

«Берегись, остерегайся
Вѣтра западнаго, дочка!
Мэджекивиса*) не слушай,
Не ложись на дернѣ луга,
Не склоняйся надъ цвѣтами,
Чтобъ вреда тебѣ и горя
Не надѣлалъ Мэджекивисъ!»
Но она остереженьямъ
Не внимала,—не хотѣла
Слушать словъ благоразумныхъ;
И однажды Мэджекивисъ,
Вѣтеръ западный, порхая
Въ сумракъ вечера надъ лугомъ,
Шевеля цвѣты и листья,
Наклоняя стебли лилій,
Тамъ лежавшую Венону
Увидалъ—и началъ къ ней онъ
Съ нѣжнымъ шопотомъ ласкаться.
Онъ ласкалъ ее и нѣжилъ,
И слова любви шепталъ ей —
И отъ ласкъ его родился
У Веноны Гайавата.

Такъ родился Гайавата,
Этотъ сынъ чудесъ и горя;
А прекрасная Венона,
Отъ отчаянья и скорби,
Умерла: ее оставилъ
Этотъ хитрый и коварный,
Безсердечный Мэджекивисъ.
Долго, громко, неутѣшно

*) *Мэджекивисъ* — западный вѣтеръ, отецъ всѣхъ вѣтровъ. Востокъ, сѣверъ и югъ онъ отдалъ во владѣніе своимъ сыновьямъ, западъ же оставилъ себѣ. Онъ же и отецъ Гайаваты. Легенда о четырехъ вѣтрахъ составляетъ въ поэмѣ Лонгфелло особую главу, здѣсь пропущенную.

Мать оплакивала дочку
И вопила съ причитаньемъ:
«О, зачѣмъ не умерла я,
Такъ какъ ты, моя Венона!
О, когда бы умереть мнѣ!
Не томилась бы я больше,
Не рыдала бы отъ горя,
Вагономинъ, вагономинъ!» *)

На пребрежьи Гитчи-Гюми **),
При водахъ Большого моря,
Тамъ стоялъ вигвамъ Нокомисъ,
Дочери луны, Нокомисъ.
Позади былъ лѣсъ дремучій,
Лѣсъ изъ темныхъ, мрачныхъ сосенъ
И изъ елей; впереди же
Необъятною равниной
Разстилалось и сіяло
Въ блескѣ солнца Гитчи-Гюми.

Тамъ морщинистая бабка
Воспитала Гайавату,
Въ люлькѣ липовой качая
Своего малютку-внука,—
Въ люлькѣ, жилами оленя
Перевязанной и мягко
Устланной травой и мохомъ,—
И тоскливый плачъ ребенка
Унимала, угрожая:
«Тише, тише, Гайавата!
Вотъ медвѣдь тебя утащитъ!»
Убаюкивала крошку,
Напѣвая потихоньку:

*) *Вагономинъ*—«увы!» крикъ горя и жалобы.
**) *Гитчи-Гюми*—Большое море (Верхнее озеро).

«Эуа-и-я*), мой совенокъ!
Кто тамъ свѣтитъ надъ вигвамомъ?
Чьи это глаза большіе
Чтò вигвамъ нашъ освѣщаютъ?
Эуа-и-я, мой совенокъ!»

Многому его Нокомисъ
Научила: разсказала
О звѣздахъ, сіявшихъ въ небѣ,
И Ишкуду показала,—
Эту яркую комету
Съ искрометными косами;—
Показала пляску дỳховъ,
Воиновъ въ свѣтящихъ перьяхъ,
Съ палицами боевыми,
Въ небѣ сѣвера далекомъ
Въ ночи зимнія блиставшихъ;
И широкую дорогу,
Бѣлый путь на звѣздномъ небѣ,
Черезъ все идущій небо,
Путь тѣней и привидѣній,
Ихъ безчисленной толпою
Отъ конца въ конецъ покрытый.

Вечерами у порога
Часто сиживалъ малютка;
Слушалъ шопотъ темныхъ сосенъ,
Слушалъ плескъ воды о берегъ,
Звуки музыки чудесной
И таинственныя рѣчи:
«Минни-уээ!» **) пѣли сосны,
«Медуэй-ошка!» ***) пѣли волны.

*) *Эуа-и-я!*—колыбельный припѣвъ—тоже, что наше «баюшки-баю».
**) *Минни-уээ*—шумъ вѣтра между деревьями.
***) *Мэдуэй-ошка* — звукоподражательное изображеніе плеска волнъ о берегъ.

И когда онъ слышалъ въ полночь
Крики совъ въ лѣсу дремучемъ,
Раздававшіеся въ чащѣ
Дикимъ гуканьемъ и смѣхомъ—
«Ай! что тамъ, что тамъ, Нокомисъ?»
Онъ кричалъ, дрожа отъ страха;
«О, небойся: это—совы
На своемъ родномъ нарѣчьи
Говорятъ между собою
И ругаются другъ съ другомъ».

И малютка научился
Языку всѣхъ птицъ; узналъ онъ
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ онѣ вьютъ гнѣзда лѣтомъ,
Гдѣ скрываются зимою;
Съ ними велъ онъ разговоры,
Ихъ онъ звалъ: «мои цыплята».
Всѣхъ звѣрей языкъ узналъ онъ,
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ бобры жилища строютъ,
Гдѣ свой кормъ скрываютъ бѣлки,
Почему олень такъ прытокъ,
Отчего такъ кроликъ робокъ;
Разговаривалъ со всѣми,
Звалъ ихъ: «братья Гайаваты».

И Ягу, болтунъ великій,
Удивительный разсказчикъ,
Путешественникъ бывалый
И старинный другъ Нокомисъ,
Сдѣлалъ лукъ для Гайаваты;—
Лукъ изъ вѣтви ясеневой,
Стрѣлы—изъ вѣтвей дубовыхъ,
Тетиву—съ оленьей кожи.

И сказалъ онъ Гайаватѣ:
«Ну, пойди, сынъ, возьми-ка лукъ свой
Со стрѣлами — и отправься
Въ лѣсъ, подальше, за охоту
И убей ты намъ оленя —
Да хорошаго, съ рогами.»
И помчался же Гайавата
Въ лѣсъ тотчасъ, одинъ, и гордо
Несъ онъ лукъ свой со стрѣлами.
Вкругъ него, надъ нимъ порхали
Птицы, съ громкимъ щебетаньемъ.
«Не стрѣляй въ насъ, Гайавата,»
Пѣлъ опечи*) красногрудый;
«Не стрѣляй въ насъ, Гайавата,»
Пѣлъ овэйса**) синеперый.
Близко возлѣ Гайаваты
На дубу рѣзвилась бѣлка,
Быстро прыгая по сучьямъ,
Съ стрекотаньемъ, кашлемъ, смѣхомъ.
И сквозь смѣхъ она сказала:
«Не убей меня, охотникъ.»
Кроликъ бросился съ тропинки
И, вдали остановившись,
Онъ присѣлъ на заднихъ лапкахъ,
И промолвилъ Гайаватѣ,
Частью въ страхѣ, частью въ шутку:
«Не убей меня, охотникъ!»

Но на нихъ не обращалъ онъ
Ни малѣйшаго вниманья:
Всѣми мыслями своими
Онъ стремился за оленемъ:
Онъ напалъ на слѣдъ желанный—

*) Реполовъ, птица съ красными перьями на груди, изъ породы дроздовъ.
**) Синяя птичка, изъ рода motacilla.

И впился въ него глазами.
Слѣдъ тотъ велъ къ рѣчному броду,
Пропадая возлѣ рѣчки;—
И задумчиво охотникъ
Шелъ по слѣду, точно сонный.

Притаившись за кустами,
Гайавата ждалъ оленя.
Вотъ увидѣлъ онъ два рога
И два глаза изъ-за чащи—
И олень, въ подвижныхъ пятнахъ,
Отъ игры лучей и тѣни,
Ноздри къ вѣтру направляя,
Тихо вышелъ на тропинку.
И въ груди у Гайаваты
Сердце сильно застучало,
Задрожало, точно листья,
Трепетавшіе на вѣткахъ.
Приподнявъ одно колѣно,
Гайавата лукъ направилъ.
Чуть-чуть вѣтка шелохнулась,
Чуть-чуть хруснулъ листъ засохшій,
Отъ движенья Гайаваты;
Но олень врага почуялъ,
Вздрогнулъ весь, остановился
И, съ приподнятой ногою,
Сталъ прислушиваться къ шуму.
Вдругъ впередъ онъ быстро прянулъ,
Точно шелъ стрѣлѣ на встрѣчу;
Въ тотъ же мигъ стрѣла рванулась,
Какъ оса жужжа, рванулась—
И ужалила оленя.

И въ лѣсу лежалъ онъ мертвый,
И въ груди его ужъ больше

Сердце робкое не билось;
Только сердце Гайаваты
Отъ восторга трепетало:
Какъ онъ шелъ домой съ добычей
И когда Ягу съ Нокомисъ
Тамъ охотника встрѣчали
Похвалами и привѣтомъ.

И Нокомисъ Гайаватѣ
Сшила плащъ изъ кожи звѣря,
А изъ мяса—пиръ великій
Задала на всю деревню.
Вся деревня пировала,
Всѣ хвалили Гайавату,
Величали храбрымъ, сильнымъ—
Сон-джи-тэгэ, ман-го-тэйзи.

4.

Постъ Гайаваты.

Разскажу вамъ, какъ постился
И молился Гайавата;—
Не о томъ, чтобъ быть искуснѣй
Въ рыбной ловлѣ и охотѣ,
Не о подвигахъ воинскихъ,
Не о блескѣ бранной славы,
Но о счастьи человѣка,
Преуспѣяньи народовъ.
Прежде онъ себѣ построилъ,
Тамъ, въ лѣсу, вигвамъ пустынный,
При водахъ Большого моря,
Въ дни весны животворящей,

Въ мѣсяцъ листьевъ и въ пощеньи
Тамъ провелъ семь сутокъ сряду.

Въ первый день его пощенья
Онъ бродилъ въ лѣсахъ тѣнистыхъ;
Видѣлъ онъ, какъ лань въ испугѣ
Быстро прянула изъ чащи,
Какъ въ норѣ копался кроликъ,
Слышалъ крикъ фазана, Бины,
И возню проворной бѣлки
Въ грудѣ жолудей дубовыхъ;
Видѣлъ голубя, Омими,
Какъ гнѣздо себѣ онъ строилъ,
И стада гусей, летѣвшихъ
Въ вышинѣ, съ печальнымъ крикомъ,
Вереницами на сѣверъ.
И въ уныніи глубокомъ
Онъ вскричалъ: «Владыка Жизни!
Неужель отъ этихъ тварей
Наша жизнь должна зависѣть?»

На другой день Гайавата
Надъ рѣкой бродилъ въ долинѣ
Мускодэ — и Маномони,
Дикій рисъ, онъ тамъ увидѣлъ,
И Минагу, голубику,
И Одȧминъ, землянику,
И Бимȧгутъ, виноградникъ,
Чтȯ, своей лозою гибкой,
Вкругъ ольховыхъ толстыхъ сучьевъ
Обвивался, наполняя
Воздухъ весь благоуханьемъ.
И вскричалъ: «Владыка Жизни!
Неужель отъ сихъ растеній
Наша жизнь должна зависѣть?»

Въ третій день его пощенья
Возлѣ озера сидѣлъ онъ;
Онъ сидѣлъ и думалъ думу,
Въ лоно водъ прозрачныхъ глядя.
И увидѣлъ Гайавата
Осетра большого, Наму,
Какъ онъ прыгалъ, разсыпая
Вкругъ себя, какъ жемчугъ, брызги;
Какъ лучу подобный окунь,
Золотисто-желтый Сава,
Въ глубинѣ, сіяя, плавалъ;
Видѣлъ щуку, Маскеножу
И селедку, Окагависъ;
И Шогаши, рака, видѣлъ,—
И въ уныніи глубокомъ
Онъ вскричалъ: «Владыка Жизни!
Неужель отъ этихъ тварей
Наша жизнь должна зависѣть?»

На четвертый день пощенья,
Истощенный, изнуренный,
Онъ лежалъ въ своемъ вигвамѣ,
И усталыми глазами,
Предъ которыми носились
Смутно грезы и видѣнья,
Онъ смотрѣлъ на видъ роскошный,
Что̀ предъ нимъ пестрѣлъ, кружился,
На сіянье водъ прозрачныхъ
И на яркій блескъ заката.

Вдругъ онъ юношу увидѣлъ,
Подходившаго къ вигваму,
Въ свѣтѣ сумерокъ пурпурныхъ,
Въ блескѣ яркаго заката.
Этотъ юноша одѣтъ былъ

Весь въ нарядъ зелено-желтый;
Пукъ зеленыхъ яркихъ перьевъ
Надъ челомъ его склонялся,
А его густыя косы
Были мягки, золотисты.

У дверей вигвама сталъ онъ
И смотрѣлъ на Гайавату;
Съ состраданіемъ смотрѣлъ онъ
На его черты худыя,
Изнуренныя пощеньемъ,
Долго, долго, и съ словами,
Прозвучавшими какъ вѣтеръ
Надъ вершинами деревьевъ,
Къ Гайаватѣ обратился,
И сказалъ: «О, Гайавата!
Всѣ твои молитвы въ небѣ
Гитчи Ма́нито услышалъ,
Потому — что ты молился
Не о томъ, о чемъ другіе:
Не о томъ, чтобъ быть искуснѣй
Въ рыбной ловлѣ иль охотѣ,
Не о подвигахъ воинскихъ,
Не о блескѣ бранной славы,
Но о счастьи человѣка,
Преуспѣяньи народовъ.

«Предъ тобой стоитъ Монда́минъ *),
Другъ всегдашній человѣка;
Я Владыкой Жизни посланъ —
Научить тебя, наставить,
Ка́къ борьбой, трудомъ упорнымъ
Ты тѣхъ благъ достигнуть можешь,

---

*) Маисъ, кукуруза.

О которыхъ ты молился.
Встань же, юноша, съ постели,
Встань, давай со мной бороться!»

Какъ ни слабъ былъ Гайавата,
Онъ вскочилъ съ своей постели
Изъ вѣтвей и свѣжихъ листьевъ,
И изъ тьмы вигвама вышелъ,
Чтобъ съ Мондáминомъ бороться.
И едва лишь прикоснулся
Онъ къ Мондáмину, какъ тотчасъ
Онъ почувствовалъ, что бодрость
Въ мозгъ и въ грудь его влилася,
И всѣ нервы, фибры, жилы
У него затрепетали
Жизнью, силой и надеждой.
И они боролись долго
Въ блескѣ пурпурномъ заката,
И чѣмъ болѣе боролись,
Тѣмъ сильнѣе, тѣмъ бодрѣе
Становился Гайавата.
Наконецъ, ихъ тьма покрыла
И шухшухга въ отдаленьи,
Посреди болотъ пустынныхъ,
Издала свой крикъ печальный,
Точно жалуясь на голодъ.

И сказалъ тогда Мондáминъ,
Улыбаясь, Гайаватѣ:
«Ну, на этотъ разъ довольно;
Завтра, съ солнечнымъ закатомъ,
Я опять приду бороться!»
И исчезъ, и сталъ невидимъ;
Опустился ль онъ какъ дождикъ,
Иль поднялся какъ туманы—

Гайавата не замѣтилъ
И не зналъ; онъ только видѣлъ,
Что исчезъ предъ нимъ Мондáминъ,
Одного его оставивъ
Надъ туманными водами,
Подъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ.

Въ пятый день, въ шестой день тоже,
Въ тѣ часы, когда, пылая
Точно красный, жаркій уголь
Въ очагѣ Большого Духа,
Солнце въ море опускалось,
Приходилъ опять Мондàминъ
Чтобъ бороться съ Гайаватой.
Приходилъ онъ незамѣтно,
Какъ роса на землю сходитъ,
Прямо съ воздуха пустого
Появляяся и снова
Въ немъ безслѣдно исчезая,
Принимающая форму
Лишь когда земли коснется,
Но невидимая людямъ
Ни въ минуту приближенья,
Ни въ минуту удаленья.

Такъ они боролись трижды,
Въ блескѣ яркаго заката;
Наконецъ, ихъ тьма покрыла.
Вотъ шухшухга въ отдаленьи,
Посреди болотъ пустынныхъ,
Издала свой крикъ печальный—
И Мондàминъ началъ слушать.
Онъ стоялъ, высокій, стройный,
Въ одѣяніи двуцвѣтномъ;
Надъ челомъ его прекраснымъ

Перья тихо колебались
Отъ вздыманья мощной груди;
Потъ недавней жаркой схватки
Покрывалъ его росою.

И вскричалъ онъ: «Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,
Трижды ты боролся крѣпко—
И Великій Духъ, всезрящій,
Скоро дастъ тебѣ побѣду!»
И затѣмъ онъ улыбнулся
И промолвилъ: «Завтра будетъ
День послѣдній испытанья,
Завтра постъ твой будетъ конченъ.
Ты меня преодолѣешь:
Сдѣлай мнѣ тогда постелю,
Такъ, чтобъ дождь туда могъ падать,
Чтобы солнце приходило
Согрѣвать меня лучами;
Ты сними мою одежду,
Мой уборъ зелено-желтый,
Этотъ пукъ зеленыхъ перьевъ,
И прикрой меня землею,
Чтобъ она не тяготила,
Чтобъ она на мнѣ лежала
Слоемъ рыхлымъ и свободнымъ.
Чтобъ ничья рука покоя
Моего не нарушала,
Чтобы Ка̀гаги, злой воронъ,
Не леталъ меня тревожить;
Только самъ ты долженъ будешь
Охранять мой сонъ глубокій
До поры, какъ я проснуся
И воспряну къ свѣту солнца».

И Мондàминъ удалился;
Гайавата-жъ, утомленный
Отъ борьбы, заснулъ спокойно,
Но сквозь сладкій сонъ свой слышалъ
Верезжанье Вавонэйсы,
Полунощника, на кровлѣ
Одинокого вигвама;
Слышалъ, какъ журчалъ игриво
Ручеекъ неподалеку,
Разговаривая съ лѣсомъ;
Слышалъ шумъ вѣтвей древесныхъ,
Колебавшихся отъ вѣтра,—
Слышалъ все, какъ слышитъ спящій:
Эти звуки доносились
До него какъ шумъ невнятный,
Дальній ропотъ, сонный шопотъ,
Мирный сонъ его лелѣя.

Утромъ старая Нокомисъ
Навѣстила Гайавату,
Со слезами умоляя,
Чтобъ онъ пищей подкрѣпился,
Плача, сѣтуя о внукѣ,
Какъ бы силъ онъ не лишился,
Какъ бы постъ его тяжелый
Не принесъ ему погибель.
Но онъ пищи не коснулся
И сказалъ ей: «О, Нокомисъ,
Подожди заката солнца,
Подожди поры вечерней,
Той поры, когда шухшухга
Изъ своихъ болотъ пустынныхъ
Скажетъ намъ, что ночь настала».

И пошла домой Нокомисъ
Плача, сѣтуя, горюя—

Какъ бы силъ онъ не лишился,
Какъ бы постъ его тяжелый
Не принесъ ему погибель.
Гайавата-жъ терпѣливо
Ждалъ,—когда придетъ Мондàминъ.
Вотъ и тѣни протянулись
Надъ полями и надъ лѣсомъ
Въ направленіи къ Востоку;
Солнце въ западныя воды
Стало тихо погружаться,
И на ихъ прозрачной зыби
Колебалось и качалось,
Точно красный листъ осенній
Вѣтромъ въ воду занесенный.

Наконецъ пришелъ Мондàминъ,
Въ глянцовитыхъ длинныхъ перьяхъ,
И, приблизившись къ вигваму,
Головой кивнулъ съ порога.
И, какъ будто пробужденный
Ото сна, угрюмый, блѣдный,
Но безстрашный, Гайавата
Вышелъ тотчасъ изъ вигвама
И съ Мондàминомъ схватился.

Все вокругъ него вертѣлось,
Небо, лѣсъ кружились вмѣстѣ,
И въ груди его могучей
Сердце прыгало и билось,
Какъ осетръ, попавшій въ неводъ.
И пылалъ огнемъ пурпурнымъ
Горизонтъ, въ глазахъ мелькая,
И, казалось, сотни солнцевъ
На борцовъ, дивясь, глядѣли.
Но внезапно очутился

Онъ одинъ — среди поляны —
И порывисто дышалъ онъ,
Утомленный бурной схваткой.
А у ногъ его, безъ жизни
Распростертъ, лежалъ Монда̀минъ.
Косы юноши густыя
Были въ дикомъ безпорядкѣ,
Перья вырваны, помяты
И одежда вся въ лоскутьяхъ.
Гайавата вырылъ яму
И, съ Монда̀мина снявъ платье,
Положилъ его въ могилу,
И землей его засыпалъ,
Такъ чтобы она лежала
Слоемъ рыхлымъ и свободнымъ.
Вотъ шухшухга въ отдаленьи,
Средь своихъ болотъ печальныхъ,
Огласила воздухъ крикомъ,
Крикомъ жалобы и муки.

И въ вигвамъ старухи-бабки
Воротился Гайавата,
И семь дней его поценья
Этой ночью завершились.
Но имъ не было забыто
Мѣсто то̀, гдѣ онъ боролся,
Не заброшена могила,
Гдѣ покоился Монда́минъ,
Подъ землей, согрѣтой солнцемъ
И увлаженной дождями,
А его уборъ и перья
Тлѣли, блёкли и линяли
На дождѣ и солнцепекѣ.
Ежедневно Гайавата
Приходилъ туда, чтобъ землю

Дѣлать мягкой надъ могилой,
Очищать ее отъ плевелъ,
Охранять отъ насѣкомыхъ,
И отпугивать оттуда
Хищныхъ вороновъ, Кага̀ги,
Громкимъ хлопаньемъ и свистомъ.

Наконецъ, перомъ зеленымъ,
Вышла травка изъ могилы,
А за ней—другая, третья...
И не кончилося лѣто,
Какъ во всемъ своемъ уборѣ
И во всей красѣ блестящей
Ужъ стоялъ зеленый маисъ,
Въ длинныхъ, мягкихъ, желтыхъ косахъ;
И въ восторгѣ Гайавата
Вскрикнулъ: «Это онъ, Монда̀минъ!
Человѣка другъ Монда̀минъ!»

И онъ бросился къ Нокомисъ,
Взялъ ее, чтобы ей тотчасъ
Показать разстущій маисъ,
И при этомъ разсказалъ ей
О своемъ видѣньи чудномъ,
О своей борьбѣ, побѣдѣ,
И объ этомъ новомъ дарѣ
Для народовъ, что отнынѣ
Будетъ ихъ всегдашней пищей.
А когда настала осень
И покрыла желтизною
Зелень ма̀исовыхъ листьевъ,
И когда зерно, налившись
Сладкимъ сокомъ, отвердѣло—
Онъ собралъ созрѣвшій колосъ,
Шелуху съ него отбросилъ,

Какъ когда-то сбросилъ платье
Онъ съ Мондàмина,—и первый
Въ честь его устроилъ праздникъ;
И съ тѣхъ-поръ познали люди
Этотъ даръ Большого Духа.

5.

Друзья Гайаваты.

У него два друга были;
Отличалъ онъ ихъ предъ всѣми,
Онъ имъ былъ душою преданъ,
Онъ свое имъ сердце отдалъ,
Раздѣляя съ ними радость,
Раздѣляя съ ними горе.
Это были: Чайбайàбосъ *),
Музыкантъ, и мощный Квазиндъ **).
Между трехъ друзей тропинка
Никогда не заростала;
Подстрекательства и сплетни
И фальшивые навѣты
Въ ихъ ушахъ не находили
Ни малѣйшаго вниманья;
Злые люди, какъ ни бились,
Не могли друзей поссорить,
Потому-что другъ у друга
Эти юноши искали
Наставленья и совѣта,
Говоря между собою

*) Музыкантъ и правитель въ странѣ духовъ.
**) Силачъ.

Откровенно, прямодушно,
Много думая-гадая,
Какъ бы сдѣлать то̀, чтобъ люди
Были счастливы на свѣтѣ.

Въ высшей степени любимъ былъ
Гайаватой Чайбайа̀босъ,
Музыкантъ изъ всѣхъ первѣйшій
И пѣвецъ изъ всѣхъ сладчайшій.
Чайбайа̀босъ былъ прекрасенъ,
Простодушенъ, какъ ребенокъ,
Храбръ, какъ должно быть мужчинѣ,
Нѣженъ, женщинѣ подобно,
Гибокъ, точно вѣтка ивы,
Статенъ, какъ олень рогатый.

И когда онъ пѣлъ, сбѣгалась
Вся деревня, чтобъ послушать;
Дѣти, женщины, мужчины—
Всѣ ему внимали молча;
И, порой, своею пѣсней
Доводилъ онъ ихъ до страсти,
А порой ихъ сердце плавилъ,
Исторгалъ изъ глазъ ихъ слезы.

Изъ пустыхъ тростинъ болотныхъ
Дѣлалъ онъ такія флейты,
Что при звукѣ ихъ чудесномъ
Все въ природѣ замолкало:
Въ чащѣ лѣса Сибовиша*)
Прерывалъ свое журчанье,
Птицы пѣть переставали,
Даже бѣлка, Аджидомо,

*) Названіе ручья.

Прекращала вдругъ на дубѣ
Шорохъ свой неугомонный,
А Вабассо, бѣлый кроликъ,
Присѣдалъ на заднихъ лапкахъ —
И недвижно ждалъ и слушалъ.
Да! однажды Сибовиша
Задержалъ свой бѣгъ игривый
И сказалъ: «О, Чайбайáбосъ,
Научи мои ты волны
Музыкальному теченью,
Чтобъ онѣ звучали нѣжно,
Какъ слова въ твоихъ напѣвахъ!
Да! Овэйса синеперый
Говорилъ: О, Чайбайáбосъ,
Научи меня ты этимъ
Дикимъ, страннымъ, чуднымъ звукамъ,
Пѣснямъ полнымъ упоенья!»
Да! Опечи красногрудый
Говоритъ ему въ восторгѣ:
«Научи, о, Чайбайáбосъ,
Ты меня подобнымъ звукамъ,
Звукамъ нѣжнымъ, звукамъ сладкимъ,
Этимъ пѣснямъ, полнымъ счастья!»
Полуночникъ Вавонэйса
Говорилъ ему, рыдая:
«Научи, о Чайбайáбосъ,
Ты меня такимъ же звукамъ—
Этимъ тонамъ заунывнымъ,
Этимъ пѣснямъ, полнымъ грусти!»
Всѣ, что есть въ природѣ, звуки
Позаимствовали сладость
Отъ его чудесныхъ пѣсенъ;
Всѣ сердца людей смягчались
Отъ его волшебной флейты;
Потому-что Чайбайáбосъ

Пѣлъ о мирѣ, о свободѣ,
Красотѣ, любви, томленьи,
Пѣлъ о смерти, пѣлъ о жизни
Безконечной за могилой,—
Тамъ, на Островахъ Блаженныхъ,
Въ царствѣ вѣчнаго Понима,
На землѣ временъ грядущихъ.

Дорогъ сердцу Гайаваты
Былъ прекрасный Чайбайáбосъ,
Музыкантъ изъ всѣхъ первѣвшій,
И пѣвецъ изъ всѣхъ сладчайшій.
Онъ любилъ его за кротость
И за чары дивныхъ пѣсенъ.

Такъ же дорогъ Гайаватѣ
Былъ силачъ великій Квазиндъ,
Богатырь необычайный:
Онъ любилъ его за силу
И незлобивую душу.

Квазиндъ въ юности лѣнивъ былъ,
Вялъ задумчивъ и разсѣянъ;
Не любилъ онъ дѣтскихъ игоръ,
Никогда не занимался
Рыбной ловлей и охотой;
Но зато постился много,
Своему моляся духу —
Покровителю усердно.

Какъ-то мать его бранила:
«Отчего, лѣнивый Квазиндъ,
Не поможешь мнѣ въ работѣ?
Лѣтомъ ты безъ дѣла бродишь
По лѣсамъ и по долинамъ,

А зимой сидишь, согнувшись,
Надъ жаровнею вигвама.
Въ жесточайшій зимній холодъ
Толстый ледъ сама должна я
Прорубать для рыбной ловли,
Ты-жъ сидишь, сложивши руки.
Вонъ виситъ мой мокрый неводъ
У порога, замерзая:
Встань, возьми его, да выжми,
Просуши его на солнцѣ.
Ну, ступай же, Йенадиззи!» *)

Квазиндъ медленно поднялся,
Ничего не отвѣчая;
Молча вышелъ изъ вигвама,
Взялъ онъ сѣти, что̀ висѣли
У порога, леденѣя,
Какъ соломенку скрутилъ ихъ,
Какъ соломенку сломалъ ихъ:
Онъ не могъ ихъ не испортить,
Такова была въ немъ сила.

А отецъ ему однажды
Говорилъ: «Лѣнивый Квазиндъ!
Никогда въ моей охотѣ
Ты не думаешь помочь мнѣ.
Прикоснешься ли ты къ луку—
Ты всегда его сломаешь,
За стрѣлу ли ты возьмешься—
Ужъ она въ куски разбита.
Впрочемъ, все-таки пойдемъ-ка
Въ лѣсъ со мною на охоту,

*) Щеголь, франтъ.

Ты мнѣ нуженъ: ты оттуда
Принесешь домой добычу».

Вдоль по узкому ущелью
Шли они въ лѣсу пустынномъ,
Направляясь по теченью
Ручейка, гдѣ по прибрежью,
Слѣдъ оленей и бизоновъ
Виденъ былъ на мягкомъ илѣ;
Шли покуда путь ихъ не былъ
Прегражденъ внезапно грудой
Повалившихся деревьевъ:
Вдоль и поперекъ дороги
Пни огромные лежали,
Не давая имъ прохода.
«Мы должны назадъ вернуться»,
Говорилъ старикъ въ раздумьи:
«Черезъ эти пни и корни
Перелѣзть намъ невозможно;
Тутъ сурку пробраться негдѣ,
Не вскарабкаться тутъ бѣлкѣ!»
И, свою зажегши трубку,
Сѣлъ—и сталъ курить да думать.
Не успѣлъ онъ кончить трубку,
Какъ проходъ ужъ былъ очищенъ:
Квазиндъ поднялъ всѣ деревья,
Разбросалъ ихъ вправо, влѣво;
Сосны онъ металъ какъ стрѣлы,
Кедры онъ кидалъ какъ копья.

Молодые люди тоже
Разъ пристали: «Вялый Квазиндъ!
Ну, чего стоишь ты праздно,
Прислонясь спиной къ утесу?

Выходи бороться съ нам
И бросать желѣзный обручъ!»

Квазиндъ не далъ имъ отвѣта,
Только всталъ неторопливо,
Изъ земли скалу онъ вырвалъ —
И швырнулъ, какъ палку, въ рѣку,
Въ рѣку быструю Повэтинъ;
Тамъ скала видна донынѣ.

По рѣкѣ, покрытой пѣной,
Разъ съ друзьями плылъ онъ въ лодкѣ,
И бобра въ волнахъ увидѣлъ,
Чтò боролся съ быстриною,
То всплывая на поверхность,
То въ пучинѣ пропадая.
Не сказавъ друзьямъ ни слова,
Не теряя ни минуты,
Подъ клокочущія волны
Онъ нырнулъ и сталъ гоняться
По изгибамъ бурной рѣчки,
По ея водоворотамъ,
За царемъ бобровъ Амикомъ,
И такъ долго подъ водою
Былъ, что спутники въ испугѣ
Закричали: «бѣдный Квазиндъ!
Не видать его намъ больше!»
Не пропалъ, однако, Квазиндъ:
Изъ воды онъ вдругъ явился,
Мертвый бобръ висѣлъ, весь мокрый,
На плечахъ его блестѣвшихъ.

Таковы два были друга
Гайаваты,— Чайбайàбосъ,
Музыкантъ, и сильный Квазиндъ.

И всѣ трое жили въ мирѣ
И любили между собою,
Говорили другъ съ другомъ прямо,
Откровенно, задушевно,
Много думая-гадая —
Какъ бы сдѣлать, чтобъ люди
Были счастливы на свѣтѣ.

7.

Лодка Гайаваты.

«Дай своей коры, береза,
Дай своей коры мнѣ желтой,
О, высокая береза,
Что стоишь среди долины
Надъ стремительной рѣкою!
Я челнокъ себѣ построю,
Чимаунъ построю быстрый:
По рѣкѣ онъ будетъ плавать,
На волнахъ ея качаясь,
Точно желтый листъ осенній,
Точно лилія рѣчная!

«О, сними свой плащъ, береза!
Бѣлый плащъ сними скорѣе:
Вотъ ужъ лѣто наступаетъ,
Солнце въ небѣ свѣтитъ жарче —
И покровъ тебѣ не нуженъ!»

Такъ взывалъ въ лѣсу пустынномъ,
Возлѣ быстрой Таквамино,
Майскимъ утромъ, Гайавата,
Между-тѣмъ какъ птицы громко

Пѣли вкругъ него и солнце,
Пробудясь отъ сна ночного,
Съ яркимъ блескомъ восходило,
Говоря: «Смотри, любуйся
На меня, на солнце-Джизисъ,
На великое свѣтило!»

И, колеблемая вѣтромъ,
Всѣми сучьями своими
Вдругъ береза зашумѣла
И, съ покорнымъ, тихимъ вздохомъ,
Отвѣчала Гайаватѣ:
«На, возьми, о Гайавата!»

И ножомъ своимъ березу
Опоясалъ Гайавата,
Ниже сучьевъ надъ корнями,
Такъ-что сокъ оттуда брызнулъ;
По стволу отъ верха къ низу
Пополамъ кору разрѣзалъ
И содралъ ее съ березы,
Цѣлымъ стволъ ея оставивъ.

«Дай, о, кедръ, своихъ мнѣ сучьевъ,
Дай своихъ вѣтвей мнѣ гибкихъ,
Чтобы сдѣлать челнъ прочнѣе,
Чтобы чимаюнъ*) былъ крѣпокъ
И устойчивъ подо мною!»

По вѣтвямъ вершины кедра
Пробѣжалъ мятежный ропотъ,
Громкій крикъ негодованья;

*) Березовая лодка.

Но, склонившись, прошепталъ онъ:
«На, возьми, о Гайавата!»

Обрубилъ онъ сучья кедра;
Въ видѣ двухъ луковъ согнувши
И связавъ ихъ крѣпко вмѣстѣ,
Сдѣлалъ остовъ чимаюна.

«Дай корней своихъ мнѣ, Тэмракъ *),
Дай корней мнѣ волокнистыхъ:
Я свяжу корнями лодку,
Чтобъ вода не проникала
И меня не замочила.»

Всѣми фибрами своими
Лиственница задрожала,
И, чела его коснувшись,
Съ долгимъ вздохомъ отвѣчала:
«Всѣ возьми, о Гайавата!»

Гайавата вырвалъ корни,
Вырвалъ крѣпкія волокна:
Ими сшилъ свой челнъ, приладивъ
Плотно къ остову покрышку.

«Дай, о ель, своей смолы мнѣ,
Соку липкаго ты дай мнѣ:
Засмолю я щели лодки,
Чтобъ вода не проникала
И меня не замочила».

Изъ груди высокой ели
Глухо вырвалось рыданье;

*) Американская лиственница.

Всей своей одеждой темной
Ель печально зашумѣла,
Какъ шумитъ кремнистый берегъ,
Омываемый волнами,
И отвѣтила со стономъ:
«На, возьми, о Гайавата!»

Взявъ смолу и сокъ у ели,
Ими онъ замазалъ въ лодкѣ
Швы, и скважины, и дырки
И ее такою смазкой
Отъ воды обезопасилъ.

«Дай, о ежъ, своихъ мнѣ иголъ,
Всѣ свои отдай мнѣ иглы,
Чтобъ убрать мою красотку:
Чтобъ изъ нихъ ей сдѣлать поясъ,
Ожерелье и украсить
Грудь ея двумя звѣздами!»

Изъ дупла пустого дуба
Ежикъ сонными глазами
Посмотрѣлъ на Гайавату;
И, метнувъ свои иголки,
Точно стрѣлы, вразсыпную,
Онъ, сквозь лѣсъ усовъ колючихъ,
Соннымъ шопотомъ промолвилъ:
«На, возьми, о Гайавата!»

Гайавата поднялъ иглы,
Эти блещущія стрѣлки,
Сокомъ ягодъ и кореньевъ
Ихъ окрасилъ въ желтый, красный,
Въ синій цвѣтъ — и украшенье
Сдѣлалъ онъ изъ нихъ для лодки.

Такъ въ лѣсу, среди долины,
У рѣки, построилъ лодку
Гайавата. Въ ней таилась
Жизнь лѣсовъ, со всей ихъ тайной,
Легкость быстрая березы,
Сила крѣпкихъ сучьевъ кедра,
Жилы лиственницы гибкой;
И она могла носиться
По волнамъ, какъ листъ осенній,
Точно лилія рѣчная.
Веселъ не было у лодки,
Въ нихъ и нужды не имѣлось,
Потому что Гайаватѣ
Мысли веслами служили,
А желанія—кормиломъ.

И тогда призвалъ онъ громко
Друга Квазинда на помощь.
«Помоги мнѣ, говорилъ онъ,
Помоги очистить рѣчку
Отъ корней и перекатовъ!»
Богатырь великій Квазиндъ
Прыгнулъ въ рѣку, точно выдра,
Поднырнулъ бобромъ подъ-волны,
Сталъ въ водѣ сперва по поясъ,
Сталъ въ водѣ потомъ подъ мышки,
Началъ плавать съ громкимъ крикомъ
И таскать со дна рѣчного
Пни, и сучья, и коренья,
Разгребать песокъ рукою
И выбрасывать ногами
Илъ и травы водяныя.

И по быстрой Таквамино
Началъ плавать Гайавата

То надъ страшной глубиною,
То по отмелямъ песчанымъ,
Между тѣмъ, какъ Квазиндъ возлѣ
Плавалъ тамъ, гдѣ было глубже,
И ходилъ, гдѣ было мелко.

Такъ два друга осмотрѣли
Вдоль и поперекъ всю рѣчку,
И очистили въ ней ложе
Отъ стволовъ деревьевъ мертвыхъ,
Отъ корней переплетенныхъ
И песчаныхъ косогоровъ.
И устроили проходъ въ ней,
Безопасный и удобный,
Отъ ея истоковъ горныхъ
До залива Таквамино.

7.

Сватовство Гайаваты.

«Тетива нужна для лука,
Такъ и женщина мужчинѣ:
Хоть она его сгибаетъ,
Но сама ему покорна;
Хоть она его и тянетъ,
Но сама за нимъ стремится;
И какъ тотъ, такъ и другая
Другъ безъ друга безполезны».

Такъ съ собою Гайавата
Разсуждалъ и думалъ думу,
Съ сердцемъ полнымъ чувствъ различныхъ,
Опасеній и надежды,

И желаній и томленья,
Грея все о Миннегагѣ,
О смѣющейся той струйкѣ
Что̀ жила въ странѣ дакотовъ.

Наставительно Нокомисъ
Убѣждала Гайавату:
«Ты себѣ невѣсту долженъ
Взять изъ нашего народа;
Не ходи, о, Гайавата,
Ни къ востоку, ни на западъ:
Дочь хорошаго сосѣда
Очага огню подобна,
А красавица чужая —
Точно лунный свѣтъ, иль звѣздный —
Только свѣтитъ, а не грѣетъ».

Но на это Гайавата
Отвѣчалъ ей: «о, Нокомисъ,
Свѣтъ огня весьма пріятенъ,
Но свѣтъ лунный и свѣтъ звѣздный
Я люблю гораздо больше!»

И тогда ему Нокомисъ,
Съ видомъ строгимъ, говорила:
«Не бери, о, Гайавата,
Въ жены праздную дѣвчонку;
Не вводи въ нашъ домъ лѣнивой,
Безполезной бѣлоручки;
А возьми себѣ такую,
У которой гибки пальцы,
Сердце въ ладъ съ рукою ходитъ,
Ноги движутся охотно».

Улыбаясь, Гайавата
Отвѣчалъ: «Въ землѣ дакотовъ
Есть одинъ старикъ почтенный,
Стрѣлодѣлатель искусный;
У него есть Миннегага
Дочь, Смѣющаяся Струйка,
Изъ красавицъ всѣхъ прекраснѣй.
Я возьму ее въ вигвамъ твой,
И она охотно будетъ
Дѣлать все, что ты захочешь:
Будетъ для тебя, Нокомисъ,
Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ,
Огонькомъ твоимъ домашнимъ,
Свѣтомъ солнца для народа».

Но, его разубѣждая,
Снова молвила Нокомисъ:
«Не женись на чужеземкѣ
Изъ земли дакотовъ дикихъ:
Это злой народъ, свирѣпый,
Мы ведемъ войну съ нимъ часто,
Между нами были распри,
Чтò еще не позабыты,
Застарѣлыя есть раны,
Заживленныя лишь съ виду».

Но, смѣяся, Гайавата
Отвѣчалъ: «Уже по этой
По одной причинѣ долженъ
И желаю я жениться
На дакотянкѣ прекрасной:
Чтобы наше племя было
Съ этимъ племенемъ въ союзѣ,
Чтобы старые раздоры
Были преданы забвенью

И гноящіяся раны
Залѣчилися на вѣки».

И пошелъ въ страну дакотовъ
За невѣстой Гайавата
Чрезъ луга, болота, степи,
Нескончаемыя дебри,
Чрезъ пустыни, гдѣ царило
Непробудное молчанье.
Въ башмакахъ своихъ волшебныхъ
Въ каждый шагъ онъ дѣлалъ милю,
Но ему дорога долгой,
Очень долгой показалась:
Шагъ не могъ поспѣть за сердцемъ;
И онъ шелъ, не отдыхая,
До тѣхъ поръ, какъ онъ услышалъ
Дальній грохотъ водопадовъ,
Водопадовъ Миннегаги*).
Вотъ стада оленей красныхъ
Онъ увидѣлъ на опушкѣ,
Между лѣсомъ и лугами.
Не замѣтили олени —
Какъ подкрался къ нимъ охотникъ.
Луку онъ шепнулъ: «не выдай!»
А стрѣлѣ: «не промахнися!»
И пустилъ ее онъ прямо
Въ сердце робкое оленя.
И взваливъ его на плечи,
Онъ опять впередъ пустился
И спѣшилъ не отдыхая.

*) Путешественникамъ и читателямъ индійскихъ очерковъ знакомы водопады св. Антонія въ прекрасной мѣстности, окружающей фортъ Снеллингъ. Между фортомъ и этими водопадами находятся такъ называемые «малые водопады», въ 40 футовъ вышиною, на рѣкѣ, впадающей въ Миссисипи. Индійцы называютъ ихъ Миннегага, т. е. смѣющіяся воды.

У дверей вигвама, молча,
За своей сидѣлъ работой
Стрѣлодѣлатель почтенный.
Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
Острія изъ халцедона;
Рядомъ съ нимъ сидѣла тоже
Миннегага за работой,
И плела она циновки
Изъ тростинъ и травъ болотныхъ.
Оба думали въ молчаньи:
Онъ—о томъ, чтó прежде было,
А она—о томъ, чтó будетъ.
Думалъ онъ о дняхъ минувшихъ,
Кàкъ подобными стрѣлами
Убивалъ онъ на охотѣ
И оленей и бизоновъ;
Какъ однажды подстрѣлилъ онъ
Гуся Вэву, влётъ ударивъ,
И о воинахъ онъ думалъ,
Чтó толпами приходили
Покупать такія стрѣлы,
И безъ нихъ не шли сражаться.
«Нѣтъ такихъ бойцовъ ужъ нынче,
Не найдешь ихъ въ цѣломъ свѣтѣ!
Намъ оружія не надо:
Всѣ теперь мужчины стали
Точно бабы, и работать
Языкомъ однимъ горазды».
А она все размышляла
Объ охотникѣ красивомъ,
Молодомъ, высокомъ, стройномъ,
Приходившемъ издалека
Запастись у нихъ стрѣлами.
Онъ сидѣлъ у нихъ въ вигвамѣ,
Отдохнувши всталъ, и долго

После медлилъ у порога,
И, отправясь въ путь обратный,
Оборачивался часто.
И слыхала Миннегага,
Какъ отецъ хвалилъ ей гостя,
Восхвалялъ въ немъ умъ и храбрость.
«Не придетъ ли за стрѣлами
Молодой охотникъ снова
Къ водопадамъ Миннегаги?»
И, при этой мысли, праздно
Руки дѣвушки лежали
На неконченной циновкѣ;
Взглядъ дакотянки прекрасной
Былъ задумчивъ и разсѣянъ.

Шумъ шаговъ прервалъ ихъ мысли:
Вѣтви лѣса зашумѣли,
И, съ пылавшими щеками,
На плечахъ неся оленя,
Вдругъ изъ лѣса показался
Гайавата передъ ними.
И старикъ съ своей работы
Поднялъ голову; стрѣлу онъ,
Не докончивъ, отодвинулъ,
Всталъ на встрѣчу Гайаватѣ,
Приглашалъ его въ вигвамъ свой,
Говоря: «А, Гайавата!
Очень радъ тебя я видѣть!»

Предъ Смѣющеюся Струйкой
Гайавата сбросилъ ношу;
Онъ у ногъ ея оленя
Положилъ; и Миннегага
На него взглянула съ лаской

И привѣтливо сказала:
«Будь намъ гостемъ, Гайавата!»

Очень былъ вигвамъ обширенъ,
Изъ оленьей сдѣланъ кожи,
Побѣленъ, и занавѣски
Размалеваны въ немъ были
Всѣ дакотскими богами.
Входъ былъ такъ высокъ, что еле
Гайавата наклонился,
Чтобъ войти; едва коснулся,
Проходя, его вершины
Головнымъ своимъ уборомъ
Изъ большихъ орлиныхъ перьевъ.

И Смѣющаяся Струйка,
Отложивъ свою циновку
Недоконченную, встала,
Тотчасъ сбѣгала за пищей,
Принесла воды холодной
Изъ ручья—и подавала
Пищу въ глиняныхъ сосудахъ,
Воду въ ковшикахъ изъ липы,
Молча слушая бесѣду
Старика-отца и гостя.
Какъ во снѣ она внимала
Всѣмъ разсказамъ Гайаваты:
О Нокомисъ, доброй бабкѣ,
Что̀ за нимъ ходила въ дѣтствѣ,
О друзьяхъ его сердечныхъ—
Силачѣ и музыкантѣ,
И о счастьи, изобильи
На землѣ его родимой,
Въ этой мирной и веселой
Сторонѣ оджибуэевъ.

И разсказъ свой Гайавата
Заключилъ такою рѣчью:
«Послѣ многихъ лѣтъ раздора,
Многихъ лѣтъ войны кровавой,
Между племенемъ дакотовъ
И народомъ оджибвэйскимъ,
Миръ насталъ, давно желанный».
А потомъ прибавилъ тихо:
«Чтобы этотъ миръ былъ вѣченъ,
Чтобы крѣпче наши руки
Были сжаты и прочнѣе
Нашъ союзъ установился,
Дочь отдай свою мнѣ въ жены,
Миннегагу, что̀ прекраснѣй
Всѣхъ дакотянокъ прекрасныхъ».

Помолчалъ старикъ съ минуту,
Покурилъ, въ раздумьи, трубку,
Посмотрѣлъ на Гайавату,
Посмотрѣлъ на Миннегагу—
И отвѣтилъ очень важно:
«Да, когда она желаетъ.
Что ты скажешь, Миннегага?»

И еще милѣй, прекраснѣй
Показалась Миннегага
Въ ту минуту, какъ стояла
Въ нерѣшимости стыдливой,
Послѣ-жъ прямо къ Гайаватѣ
Подошла, съ нимъ рядомъ сѣла
И сказала, вся зардѣвшись:
«Я пойду съ тобою, мужъ мой!»

И пошелъ онъ изъ вигвама,
Взявъ Смѣющуюся Струйку,

А старикъ одинъ остался,
У дверей вигвама, долго
Ихъ глазами провожая.
Шли они рука съ рукою
По лѣсамъ и по долинамъ,
Между тѣмъ какъ издалёка
Несся къ нимъ привѣтъ прощальный
Водопадовъ Миннегаги.
«Добрый путь, о Миннегага!»
Грохотали водопады.

А старикъ осиротѣвшій
Сѣлъ на солнцѣ, у порога,
За свою работу снова;
И шепталъ онъ самъ съ собою:
«Такъ насъ дочери бросаютъ
Тѣ, которыхъ мы такъ любимъ,
И что̀ насъ такъ любятъ тоже.
Только-что онѣ успѣютъ
Научиться помогать намъ,
Быть опорой намъ подъ старость,
Какъ откуда ни возьмется
Молодецъ въ красивыхъ перьяхъ:
Онъ побродитъ по деревнѣ,
Да пошныритъ, да посмотритъ,
Лучшей дѣвушкѣ кивнетъ онъ —
И она за нимъ покорно
Ужъ идетъ, для незнакомца
Все на свѣтѣ оставляя!»

Веселъ былъ ихъ путь далекій
По лѣсамъ и по долинамъ,
Черезъ горы, черезъ рѣки,
По холмамъ и по ущельямъ.
Онъ короткимъ показался

Гайавать, хоть и долго
Шли они, хоть принужденъ былъ
Гайавата шагъ свой быстрый
Замедлять для Миннегаги.
Черезъ бурные потоки
И стремительныя рѣки
На рукахъ онъ несъ невѣсту,—
И она ему казалась
Очень легкой, точно перья
Въ головномъ его уборѣ,—
Очищалъ для ней тропинку,
Отклонялъ съ дороги вѣтви,
На ночлегъ шалашъ построилъ
И постель изъ гибкихъ вѣтокъ
И стеблей болиголова,
И развелъ огонь у входа
Изъ сухихъ сосновыхъ шишекъ.

Перелетный вѣтеръ мчался
Вмѣстѣ съ ними; звѣзды ночи
Съ высоты на нихъ смотрѣли
И неспящими очами
Крѣпкій сонъ ихъ сторожили.
Притаясь на темномъ дубѣ,
Изъ своей засады бѣлка
На любовниковъ глядѣла;
Бѣлый кроликъ, ихъ завидя,
Улепетывалъ съ тропинки
И, въ свою забившись норку
И присѣвъ на заднихъ лапкахъ,
Онъ выглядывалъ оттуда
Любопытными глазами.
Веселъ былъ ихъ путь далекій!
Птицы громко, сладко пѣли
Пѣсни счастья и веселья.

Пѣлъ овейса синеперый:
«Ты счастливъ, о, Гайавата,
Ты счастливъ такой женою!»
Пѣлъ опечи красногрудый:
«Ты счастлива, Миннегага,
Гайаватой обладая!»

Съ неба солнце благосклонно
Черезъ лѣсъ на нихъ смотрѣло,
И сказало имъ: «о, дѣти!
Злоба—тѣнь, любовь—свѣтъ солнца,
Все есть въ жизни—свѣтъ и тѣни:
Правь любовью, Гайавата!»
Мѣсяцъ тоже съ неба глянулъ,
Ихъ шалашъ наполнилъ блескомъ—
И шепталъ онъ имъ: «О, дѣти!
День тревоженъ, ночь спокойна;
Склонны властвовать мужчины,
Жены—слабыя созданья:
Правь терпѣньемъ, Миннегага!»

Такъ домой опять вернулся
Гайавата съ Миннегагой
И принесъ, какъ обѣщался,
Свѣтъ луны, свѣтъ звѣздъ небесныхъ,
Свѣтъ огня въ вигвамъ Нокомисъ
И свѣтъ солнца для народа
Изъ страны дакотовъ дальней,
Изъ страны красивыхъ женщинъ.

8.

Свадьба Гайаваты.

Разскажу теперь о томъ я,
Какъ прекрасный По-Покъ-Кивисъ
Забавлялъ гостей на свадьбѣ
Гайаваты чудной пляской;
И о томъ, какъ Чайбайàбосъ,
Музыкантъ изъ всѣхъ первѣйшій,
Пѣсни пѣлъ любви и страсти,
А Ягу, хвастунъ великій,
Удивительный разсказчикъ,
Говорилъ свои тамъ сказки
О чудесныхъ приключеньяхъ,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобы гости не скучали.

Хлопотливая Нокомисъ
По деревнѣ разослала
Посланцовъ, съ вѣтвями ивы,
Въ знакъ большого приглашенья
На большое пированье.
Собрались на свадьбу гости,
Нарядясь какъ можно лучше,
Въ дорогихъ изъ мѣха платьяхъ,
Въ поясахъ и ожерельяхъ,
Пестрымъ вампумомъ*) блистая,
Разрисовкой лицъ затѣйной,
Въ бусахъ, съ перьями, съ кистями.

*) Маленькіе шарики изъ разноцвѣтныхъ раковинъ, которые сѣвероамериканскіе индійцы употребляютъ вмѣсто монеты, и которыми также убираютъ свои пояса, въ видѣ украшенія.

Приглашеннымъ подавали
Осетра большого, Наму,
Также щуку, Максеножу,
Дальше—пимиканъ*) толченый,
Ляшку лани, горбъ бизона,
Послѣ—желтыя лепешки
Изъ мандамина и риса.

Но любезный Гайавата,
Миннегага и Нокомисъ
Не участвовали въ пирѣ,
Лишь заботились о прочихъ,
Лишь гостямъ служили, молча.
И когда всѣ гости вдоволь
Ужъ насытились, Нокомисъ,
Суетливая, живая,
Принесла мѣшокъ изъ выдры
И наполнила ихъ трубки
Табакомъ изъ странъ полудня,
Перемѣшаннымъ съ корою
Красной ивы и трухою
Изъ душистыхъ травъ и листьевъ,
И сказала: «По-Покъ-Кивисъ,
Пропляши свои намъ пляски,
«Танцемъ нищаго» потѣшь насъ,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобы гости не скучали!»

Былъ искусенъ По-Покъ-Кивисъ
Въ разныхъ играхъ и забавахъ:
Покататься ли на лыжахъ,
Поиграть ли въ мячъ и свайку—

*) Высушенное и истолченное мясо оленя или буйвола.

Все онъ зналъ, во всемъ былъ ловокъ.
Правда, воины прозвали
По-Покъ-Кивиса трусишкой;
Но не думалъ онъ вниманья
Обращать на ихъ насмѣшки,
Потому-что и у женщинъ
И у дѣвушекъ любимцемъ
Былъ красавецъ По-Покъ-Кивисъ.
На пиру у Гайаваты
Онъ въ рубашкѣ былъ изъ бѣлой
Мягкой кожи дикой лани,
Въ шитыхъ кожаныхъ штиблетахъ
И въ козловыхъ мокассинахъ *).
Весь нарядъ былъ разукрашенъ
Горностаевой обшивкой,
Зернью раковинокъ пестрыхъ
И ежевою щетиной.
Остальной уборъ былъ тоже
Щегольской: надъ головою—
Пухъ лебяжій въ видѣ перьевъ,
И хвосты лисицъ на пяткахъ,
И въ рукѣ держалъ онъ вѣеръ,
А въ другой имѣлъ онъ трубку.
А лицо его сіяло
Все въ полоскахъ разноцвѣтныхъ,
Красныхъ, желтыхъ, синихъ, алыхъ;
Сò лба падали на плечи
Двѣ косы, лоснясь отъ масла,
Раздѣленныя по-женски
И увитыя плетенкой
Изъ душистыхъ травъ и злаковъ.
Вотъ каковъ былъ По-Покъ-Кивисъ

---

*) Мокассины или мокассаны—башмаки безъ подошвъ, сдѣланные изъ оленьей кожи, обувь американскихъ индійцевъ.

Въ ту минуту, какъ, при звукѣ
Пѣсенъ, бубновъ и свирѣлей,
Всталъ, по вызову Нокомисъ,
Средь гостей нетерпѣливыхъ.

Онъ плясалъ сначала тихо,
Важенъ въ жестахъ и движеньяхъ,
То входя подъ тѣнь деревьевъ,
То являясь на полянѣ,
Выступая плавно, мѣрно,
Осторожно какъ пантера.
Послѣ—шибче, шибче, шибче
Сталъ кружиться, началъ прыгать
Чрезъ гостей ошеломленныхъ,
И понесся вкругъ вигвама
Такъ стремительно, что въ пляскѣ
Листья вмѣстѣ съ нимъ кружились,
Такъ-что пыль, смѣшавшись съ вѣтромъ,
Вкругъ него вздымалась вихремъ.
А потомъ онъ, въ бурной пляскѣ,
Точно бѣшеный помчался
По песчаному прибрежью
Гитчи-Гюми. Тамъ ногами
Ударялъ въ песокъ сыпучій,
И вздымалъ его на воздухъ,
Такъ-что вѣтеръ несся вихремъ,
А песокъ, подобно вьюгѣ,
Застилалъ отъ глазъ окрестность,
Падалъ на землю буграми—
И усѣялъ берегъ моря
Весь холмами Нэго-Воджу *).

Кончилъ пляску По-Покъ-Кивисъ,
И съ улыбкою веселой

*) Песчаныя дюны Верхняго озера.

Сѣлъ опять среди собранья,
Освѣжаясь опахаломъ
Изъ крыла индійской птицы.

И тогда всѣ обратились
Съ просьбой къ другу Гайаваты,—
И пѣвцу и музыканту,—
Говоря: «О, Чайбайáбосъ,
Позабавь насъ, спой намъ пѣсню,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобы гости не скучали!»

И запѣлъ съ глубокимъ чувствомъ,
Сладко, нѣжно Чайбайàбосъ
Пѣсню страсти и томленья,
То смотря на Гайавату,
То смотря на Миннегагу:

«Встань, проснися, дорогая,
Ты, простой цвѣточекъ дикій,
Ты щебечущая птичка,
Съ кроткимъ взглядомъ робкой лани!

«На меня едва ты взглянешь—
Я такъ счастливъ, я такъ счастливъ,
Точно лилія въ долинѣ
Подъ прохладною росою!

«Сладко мнѣ твое дыханье,
Какъ цвѣтовъ благоуханье,
Какъ ихъ запахъ утромъ, или
Въ тихій вечеръ Листопада! *)

*) Сентябрь.

«Кровь моя, играя, рвется
И спѣшитъ тебѣ на встрѣчу,
Какъ ростки на встрѣчу солнцу,
Въ теплый мѣсяцъ ясной ночи! *)

«При тебѣ душа ликуетъ,
Сердце пѣснь поетъ въ восторгѣ,
Какъ поютъ, вздыхая, вѣтви,
Въ жаркій мѣсяцъ земляники! **)

«Загрустишь ли ты порою—
И моя душа мрачится,
Какъ поверхность свѣтлой рѣчки
Подъ нависшей черной тучей.

«А когда ты улыбнешься—
Сердце снова засіяетъ,
Какъ сіяетъ зыбь рѣчная,
Подымаемая вѣтромъ.

«Пусть земля, вода и небо
Улыбаются и блещутъ—
Улыбаться не могу я,
Если нѣтъ тебя со мною!

«О, проснись, моя отрада!
Кровь трепещущаго сердца
Моего, вставай, проснися,
На меня взгляни скорѣе!»

Такъ окончилъ Чайбайабосъ
Пѣсню страсти и томленья,

---

*) Апрѣль.
**) Іюнь.

Посреди похвалъ всеобщихъ.
И Ягу, хвастунъ великій,
Соревнуя музыканту,
Всѣхъ гостей обвелъ глазами—
И, по взглядамъ ихъ и жестамъ,
Увидалъ, что всѣ желаютъ,
Повѣстей его послушать,
Изъ безмѣрной лжи сплетенныхъ.

Былъ Ягу хвастунъ извѣстный,
И во всемъ хотѣлъ быть первымъ:
Чуть разсказъ какой услышитъ—
На него своимъ отвѣтитъ;
Приключенье-ль то какое—
Съ нимъ случались и почище!
Иль отважный смѣлый подвигъ—
Онъ свершалъ и не такіе!
Иль диковинная повѣсть—
Онъ разскажетъ почуднѣе!
Только бы его послушать,
Только бы ему повѣрить—
То никто съ такою силой
Не умѣлъ стрѣлять изъ лука,
Не убилъ такъ много дичи,
Не поймалъ такъ много рыбы,
Иль бобровъ такую пропасть,
Какъ Ягу, во всемъ искусный.
И никто не могъ сравниться
Съ нимъ ни въ плаваньи, ни въ бѣгѣ,
И никто такъ много въ жизни
Не постранствовалъ по свѣту,
И чудесъ такихъ не видѣлъ,
Какъ Ягу, повсюду первый,
Краснобай неистощимый.
Такъ что имя это стало

Ужъ пословицей въ народѣ;
И когда какой охотникъ
Начиналъ не въ мѣру хвастать,
Иль, вернувшись съ битвы, воинъ
Черезъ чуръ распространялся
О своихъ дѣяньяхъ смѣлыхъ,
То всѣ слушатели громко
И начнутъ кричать, бывало:
«Вотъ Ягу, Ягу пришелъ къ намъ!»
Онъ когда-то Гайаватѣ
Сдѣлалъ липовую люльку;
Онъ потомъ училъ ребенка
Дѣлать луки и колчаны,
А теперь почетнымъ гостемъ
Онъ присутствовалъ на свадьбѣ
У того же Гайаваты,—
Старый, дряхлый, безобразный,
Но разсказчикъ несравненный.

Всѣ къ Ягу пристали съ просьбой:
«Ну, Ягу, скажи намъ сказку,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобы гости не скучали!»
И Ягу отвѣтилъ тотчасъ:
«Вы услышите разсказъ мой
О чудесныхъ приключеньяхъ:
Удивительную повѣсть
О волшебникѣ Оссео!»

9.

Письмена.

Разъ съ собою Гайавата
Размышлялъ: «Какъ все на свѣтѣ
Блекнетъ, гибнетъ, исчезаетъ!
Гаснутъ въ памяти народа
Всѣ великія преданья,
Славныхъ воиновъ побѣды,
Приключенья звѣролововъ,
Мудрость мидовъ и вэбиновъ
И видѣнія и грезы
Прозорливыхъ джосакидовъ! *)

Люди славные въ могилу
Чуть сойдутъ — ужъ и забыты;
Мудрецы-ль насъ поучаютъ —
Ихъ слова безслѣдно гибнутъ
Для грядущихъ поколѣній,
Чтò, еще не народившись,
Ждутъ, въ глубокомъ тайномъ мракѣ,
Дней своихъ, еще сокрытыхъ.

На могилахъ нашихъ предковъ
Нѣтъ фигуръ, не видно знаковъ:
Кто лежитъ въ могилахъ этихъ —
Мы не знаемъ; знаемъ только,
Что лежатъ тамъ наши предки.
Что за родъ ихъ, что за племя,
Ихъ фамильный древній Тотемъ **)
Бобръ, Медвѣдь, Орелъ иль Голубь —
Это все намъ неизвѣстно;

*) Миды — врачи; вэбины — кудесники, волшебники; джосакиды — пророки.

**) Тотемъ, гербъ рода у индійскихъ племенъ.

Лишь одно сказать мы можемъ:
«Это были наши предки».

Находясь другъ съ другомъ вмѣстѣ,
Разговаривать мы можемъ,
Но друзьямъ вдали живущимъ
Голоса не слышны наши;
Мы не можемъ тайной вѣсти
Передать имъ, — развѣ только
Черезъ посланца, который
Можетъ выдать нашу тайну,
Исказить, переиначить
И открыть кому не должно».

Такъ съ собою Гайавата
Разсуждалъ въ лѣсу пустынномъ,
Много думая о благѣ
Оджибвейскаго народа.
Изъ мѣшка онъ вынулъ краски
Разноцвѣтныя — и ими
Много образовъ и знаковъ
И фигуръ намалевалъ онъ.
Каждый знакъ и каждый образъ
Означалъ иль мысль иль слово.

Гитчи-Мàнито представленъ
Былъ яйцомъ; на немъ четыре
Выдающіяся точки,
По числу вѣтровъ небесныхъ.
Это, въ мысли Гайаваты,
Означало, что Великій
Духъ находится повсюду.

Митчи-Мàнито могучій,
Духъ ужасный зла, представленъ

Былъ во образѣ большого
Пресмыкавшагося змія.
Этимъ образомъ означилъ
Гайавата, что коваренъ
И хитеръ духъ зла могучій.

Все, что видимъ мы въ природѣ,
Свой особый знакъ имѣло:
Жизнь и смерть, земля и небо,
Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, люди,
Звѣри, птицы, рыбы, гады,
Горы, рѣки и озера.
Жизнь и смерть изобразилъ онъ
Въ видѣ двухъ круговъ: для жизни—
Бѣлый кругъ, для смерти—черный;
Для земли—черта прямая,
Для небесъ—дуга надъ нею,
Между ними—для дневного
Свѣта бѣлое пространство;
Группа звѣздъ на немъ—для ночи;
Слѣва точка—для востока,
Справа точка—для заката,
Сверху точка—для прилива,
И волнистыя полоски
Изъ нея—для непогоды.
Слѣдъ двухъ ногъ, въ вигвамъ идущихъ,
Былъ символомъ приглашенья;
Руки, поднятыя къ небу
И запятнанныя кровью,
Были знакомъ разрушенья,
Знакомъ вызова и мести.

Эти знаки Гайавата
Показалъ, съ истолкованьемъ,
Удивленному народу,

Говоря: «Могилы ваши
Не имѣютъ надъ собою
Никакихъ фигуръ и знаковъ:
Напишите на столбахъ ихъ
Каждый—свой домашній символъ,
Свой фамильный, древній тотемъ,
Для того, чтобъ ваши внуки
Знать могли и различать ихъ».

И они изобразили
На столбахъ могилъ извѣстныхъ
Каждый—свой домашній символъ:
Кто оленя, кто медвѣдя,
Кто орла, кто черепаху,
Въ знакъ, что въ этой-де могилѣ
Погребенъ начальникъ рода,
И что вождь, носившій символъ,
Тлѣетъ въ прахѣ подъ землею.

Много образовъ тамъ было:
И Великій Духъ—Создатель,
Свѣтомъ небо озарившій;
И великій змій, Кинѐбикъ,
Съ поднятымъ кровавымъ гребнемъ;
И сіяющее солнце,
И ущербъ луны на небѣ,
И орлы, и пеликаны,
И ходящіе по небу
Люди безъ головъ, и трупы,
Устилающіе землю;
И кровавыя ладони,
Угрожающія смертью,
И великіе герои,
Охватившіе руками
Небеса и землю разомъ.

Въ этихъ знакахъ и фигурахъ
На берестѣ и на кожѣ
Люди пѣсни начертали—
Пѣсни битвы и охоты,
Волшебства и врачеванья.

Не была тутъ позабыта
Пѣснь любви, изъ всѣхъ цѣлебныхъ
Средствъ тончайшее лѣкарство,
Волшебство надъ волшебствами,
Ядъ, опаснѣйшій чѣмъ стрѣлы!
И она изображалась
Такъ: во-первыхъ—красной краской
Намалевана фигура
Человѣка. То—влюбленный
Музыкантъ, и это значитъ:
Живопись даетъ мнѣ силу
Надъ другими. Дальше—тоже
Ярко-красная фигура,
Но въ сидячемъ положеньи,
Съ пѣньемъ бьетъ въ волшебный бубенъ.
Смыслъ такой тутъ заключался:
«Это ты мой голосъ слышишь,
Это я пою, внимай мнѣ!»
Дальше—та-жъ фигура, только
Ужъ сидящая въ вигвамѣ.
Это значило: «съ любовью
Я приду къ тебѣ въ вигвамъ твой,
И сидѣть съ тобою буду!»
Дальше—двѣ уже фигуры:
Женщина и съ ней мужчина.
Руки ихъ такъ тѣсно вмѣстѣ
Соединены, какъ-будто
Нераздѣльны. Это значитъ:
«Въ сердцѣ я твоемъ все вижу,

И краснѣешь ты стыдливо!»
Дальше — дѣвушка, въ срединѣ
Островка; и это значитъ:
«Хоть бы ты была далеко
Отъ меня, но такъ ко мнѣ ты
Приворожена, такъ сильны
Чары страсти надъ тобою,
Что мнѣ стоитъ лишь подумать —
И ты здѣсь вдругъ очутишься».
Дальше видѣлась фигура
Спящей дѣвушки; надъ нею
Наклонясь, стоитъ влюбленный
И сквозь сонъ ей шепчетъ въ ухо.
Смыслъ: «хотя ты и далеко,
Въ царствѣ сна, но и дотуда
Долетитъ къ тебѣ мой голосъ!»
Наконецъ, послѣдній образъ:
Видно сердце, въ серединѣ
Заколдованнаго круга.
Это значитъ: «предо мною
Сердце все твое открыто
И я съ нимъ веду бесѣду!»

Такъ премудрый Гайавата
Научилъ народъ искусству —
Выражать въ фигурахъ мысли
На берестѣ и на кожѣ
И на столбикахъ могильныхъ.

10.

Привидѣнія.

Стóитъ коршуну спуститься
Одному въ степи на падаль,
Какъ другой такой же коршунъ,

Съ высоты своей воздушной,
Вмигъ полетъ его замѣтитъ,
И за нимъ туда-жъ стремится.
За другимъ слетаетъ третій,
Появляяся въ эфирѣ
Прежде — чуть замѣтной точкой,
Послѣ — коршуномъ крылатымъ;
Тамъ — четвертый... такъ что воздухъ
Весь отъ крыльевъ потемнѣетъ.

И несчастье не приходитъ
Никогда одно, безъ многихъ;
Бѣды точно выжидаютъ,
Сторожатъ одна другую:
Чуть одна свалится, смотришь —
Ужъ другія сыплютъ, сыплютъ,
Точно стадо собираясь
Вкругъ своей несчастной жертвы,
И ложатся ей на сердце
Прежде — тѣнью, послѣ — тучей,
Дальше — мракомъ непрогляднымъ, —
Такъ что все въ глазахъ страдальца
Отъ отчаянья померкнетъ.

Вотъ надъ сѣверомъ печальнымъ
Распростерся зимній холодъ
Пибоанъ*) суровый, дунувъ
На озера и на рѣки,
Превратилъ ихъ воды въ камень.
Съ головы своей косматой
Отряхалъ онъ хлопья снѣга,
До того, что всѣ долины
Ровнымъ пологомъ покрылись,

*) Зима.

Непрерывной бѣлизною, —
Точно будто самъ Создатель,
Наклонившись, ихъ разгладилъ
И сравнялъ своей рукою.
По лѣснымъ пустыннымъ дебрямъ
Въ лыжахъ носится охотникъ;
Жены сѣли за работу:
Кто толокъ ядреный маисъ,
Кто мочилъ оленью кожу;
Молодежъ въ снѣжки играла,
Иль, скользя, каталась по льду.

Темнымъ вечеромъ однажды,
У огня вигвама сидя,
Миннегага и Нокомисъ
Поджидали Гайавату,
Возвращавшагося съ ловли.
Въ очагѣ огонь, пылая,
Разрисовывалъ ихъ лица
Полосами алой краски
И мерцалъ въ глазахъ Нокомисъ
Свѣтомъ луннымъ, серебристымъ,
А въ глазахъ у Миннегаги
Отражался блескомъ солнца.
Позади ихъ шевелились
Тѣни ихъ, въ углу вигвама;
Дымъ вился, подобно кольцамъ,
И, волнистыми клубами,
Собираясь и тѣснясь,
Рвался сквозь трубу на воздухъ.

Вдругъ дверная занавѣска
Приподнялася снаружи;
На одну минуту пламя
Ярче вспыхнуло въ жаровнѣ,

На одинъ моментъ отхлынулъ
Дымъ, клубившійся надъ нею —
И двѣ женщины явились
На порогѣ; потихоньку
Проскользнули внутрь вигвама,
Не сказавъ хозяйкамъ слова,
Не привѣтствуя ихъ взглядомъ,
Пробралися въ дальній уголъ
И въ тѣни усѣлись молча.

То не вѣтеръ ли бормочетъ
Что-то тамъ, въ трубѣ вигвама?
Не сова ли, Куку-куту
То гогочетъ въ чащѣ лѣса?
Въ тишинѣ раздался голосъ:
«Это мертвые пришли къ вамъ
Изъ страны временъ грядущихъ!»

По наружности, одеждѣ,
Видно было, что чужія
Эти женщины въ деревнѣ;
Очень блѣдны, грустны, мрачны
Были лица ихъ; и, ежась
И дрожа, они сидѣли
Тамъ, окутанныя тѣнью.

Вотъ домой съ своей охоты
Воротился Гайавата.
Волосы его покрыты
Были снѣгомъ, и на плечахъ
Несъ онъ мертваго оленя.
Онъ у ногъ жены добычу
Положилъ; и величавѣй
И прекраснѣй показался
Миннегагѣ онъ, чѣмъ прежде.

Чѣмъ когда принесъ впервые
Ей убитаго оленя,
Въ знакъ того, что полюбилъ онъ
И пришелъ ее посватать.

И затѣмъ онъ обернулся
И увидѣлъ незнакомокъ.
И сказалъ онъ самъ съ собою:
«Кто онѣ? какія гостьи
Странныя у Миннегаги!»
Ни о чемъ онъ ихъ, однако,
Не спросилъ, а только съ лаской
Ихъ привѣтствовалъ, прося ихъ
Раздѣлить съ нимъ кровъ и пищу.

И когда готовъ былъ ужинъ
И олень ужъ былъ разрѣзанъ,
Обѣ гостьи вдругъ вскочили,
Жадно бросились къ оленю,
Не спросившись, захватили
Всѣ отборные кусочки,
Бѣлый жиръ, что Гайавата
Отложилъ для Миннегаги,
Съѣли все — и ускользнули
Снова въ самый дальній уголъ.

Имъ ни слова Гайавата
Не сказалъ на эту дерзость;
Ни движеніемъ, ни взглядомъ
Имъ не выразили гнѣва
Миннегага и Нокомисъ;
Лишь тихонько Миннегага
Прошептала, съ состраданьемъ:
«Какъ онѣ проголодались!
Пусть ѣдятъ: ихъ мучитъ голодъ!»

Много дней взошло на небѣ,
Не однажды ночь стряхнула
Свѣтъ дневной, какъ снѣгъ весною
На земь стряхиваютъ сосны
Съ тьмы своихъ погнутыхъ сучьевъ.
День за днемъ сидѣли гостьи,
Неподвижно и безмолвно,
По ночамъ же выходили
Въ лѣсъ онѣ, чтобы оттуда
Принести сосновыхъ шишекъ,
Или хворосту для топки.
Каждый разъ, что Гайавата
Возвращался съ рыбной ловли
Иль охоты, гостьи тотчасъ,
Только-что готовъ былъ ужинъ,
Изъ угла къ нему бросались,
Брали лучшіе кусочки —
И, безъ всякаго отпора
Иль вопроса отъ хозяевъ,
Съѣвши все, садились въ уголъ.

И ни разу Гайавата,
Миннегага и Нокомисъ,
Словомъ, жестомъ или взглядомъ,
Ихъ за-то не упрекнули;
Все они сносили молча
Отъ гостей, чтобы заслуга
Добровольнаго даянья
Не умалилась отъ взгляда,
Чтобы долгъ гостепріимства
Не былъ словомъ ихъ нарушенъ.

Вотъ, однажды, Гайавата
Въ полночь слышитъ чьи-то стоны,
Чьи-то вздохи и рыданья.

Всталъ онъ со своей постели
Изъ косматыхъ шкуръ бизона,
И, при трепетномъ мерцаньи
Потухающей жаровни,
Увидалъ, что это гостьи,
На своихъ постеляхъ сидя,
Въ тишинѣ полночной плачутъ.

И сказалъ: «О, гостьи, что такъ
Ваше сердце удручаетъ,
Что рыдаете вы въ полночь?
Ужъ не старая-ль Нокомисъ,
Иль, быть можетъ, Миннегага
Чѣмъ нибудь васъ огорчила —
Грубымъ словомъ, гнѣвнымъ взглядомъ
И нелаской, позабывши
Долгъ святой гостепріимства?»

Гостьи плакать перестали,
Ихъ рыданья вдругъ умолкли,
И онѣ сказали тихо:
«Мы людей умершихъ души,
Души въ землю погребенныхъ,
Чтѐ когда-то жили съ вами.
И теперь сюда изъ царства
Чайбайабоса пришли къ вамъ
Мы затѣмъ, чтобъ испытать васъ
И подать благой совѣтъ вамъ.

Къ намъ въ селенія блаженныхъ
Часто вопли долетаютъ,
Вопли скорбные живущихъ,
Чтѐ друзей своихъ умершихъ
Вновь зовутъ къ себѣ на землю.
Эти вопли, эти крики

Удручаютъ насъ напрасно
Безполезною печалью.
Потому-то и пришли мы
Къ вамъ сюда, чтобъ испытать васъ.
Но никто насъ тутъ не знаетъ,
Никому до насъ нѣтъ дѣла,
Мы для васъ одно лишь бремя,—
И мы видимъ, что умершимъ
Мѣста нѣтъ между живыми.
О, подумай, Гайавата,
Ты объ этомъ хорошенько,
И скажи всему народу,
Чтобъ отнынѣ и на вѣки
Люди воплями своими
Не тревожили усопшихъ!

«Хороня людей умершихъ,
Не кладите въ ихъ могилы
Шубъ, посуды, ожерелій:
Подъ тяжелой этой ношей
Души ихъ изнемогаютъ.
Лишь огня и пищи дайте
Имъ на дальнюю дорогу.
Духъ четыре дня и ночи
Совершаетъ путь свой дальній
Въ царство призраковъ и тѣней,
И четыре ночи сряду
Онъ въ огнѣ имѣетъ нужду.

Потому-то, схоронивши
Мертвецовъ въ сырую землю,
Вы должны четыре ночи
Жечь костры на ихъ могилахъ,
Чтобы свѣта не лишить ихъ,
Чтобы ощупью душамъ ихъ

Не пришлось блуждать во мракѣ.
Ну, прощай же, Гайавата!
Мы довольно испытали
Твоего терпѣнья мѣру,
И своимъ вторженьемъ наглымъ,
И обидой нашихъ дѣйствій.
Мы нашли тебя великимъ,
Благороднымъ: не слабѣй же
Ты и въ бо́льшихъ испытаньяхъ
И въ борьбѣ еще труднѣйшей».

Тѣни смолкли — и внезанно
Весь вигвамъ покрылся тьмою.
Изумленный Гайавата
Услыхалъ какой-то шорохъ,
Точно-будто кто одеждой
Прошумѣлъ, скользнувши мимо;
Увидалъ, что занавѣска
Надъ порогомъ поднялася,
Отъ руки ему незримой;
Ощутилъ ночную свѣжесть,
Увидалъ ночныя звѣзды —
И затѣмъ все стихло снова.

11.

Голодъ.

Наступилъ жестокій холодъ.
Лёдъ все толще становился
На рѣкахъ и на озёрахъ;
Снѣгъ все гуще, чаще падалъ
На замерзнувшую землю;
По лѣсамъ и по долинамъ

Выли вьюги и мятели;
Нанесли онѣ сугробовъ,
Занесли онѣ деревню —
И едва-едва охотникъ
Могъ пробраться изъ вигвама,
Погребеннаго подъ снѣгомъ.

Но напрасно онъ на лыжахъ
По лѣснымъ бродилъ трущобамъ:
Никакой не находилъ онъ
Тамъ добычи, не видалъ онъ
На снѣгу слѣдовъ оленя,
Или зайца, или птицы;
Лѣсъ былъ мертвъ, и пустъ, и мраченъ —
И, безъ силъ охотникъ падалъ,
И уже не могъ подняться
Вновь отъ голода и стужи.

Истощилъ всю землю голодъ,
Изнурила лихорадка,
И поднялся вопль великій —
Плачъ дѣтей и стоны женщинъ.
Голодалъ окрестный воздухъ,
Голодало даже небо,
Голодали въ небѣ звѣзды,
И съ него подобно сотнѣ
Жадныхъ волчьихъ глазъ смотрѣли.

И въ жилищѣ Гайаваты
Появилися два гостя,—
Такъ же мрачны, молчаливы
Какъ и тѣ, что̀ были прежде;—
Появилися безъ зова,
Не привѣтствуя хозяевъ,
И усѣлись, не спросяся,

На скамейкѣ Миннегаги.
И одинъ изъ нихъ сказалъ ей:
«Вотъ я—Голодъ, Бюкадэвинъ!»
А другой сказалъ ей: «Вотъ я—
Лихорадка, Акозивинъ!»

Содрогнулась Миннегага,
И, закрывъ лицо руками,
Въ страхѣ бросилась въ постелю;
И дрожала и горѣла
Тамъ она, отъ этихъ взглядовъ
И отъ словъ гостей ужасныхъ.

Снарядившись для охоты,
Взявши лукъ свой ясенёвый,
Съ полнымъ мѣткихъ стрѣлъ колчаномъ,
Въ шубѣ, ва темныхъ рукавицахъ
Гайавата въ лѣсъ помчался,
Въ сердцѣ съ смертною тоскою
И съ лицомъ окаменѣлымъ.
На челѣ его угрюмомъ
Капли пота выступали
И, мгновенно замерзая,
Такъ на немъ и оставались.

«Гитчи-Манито могучій!»
Онъ вскричалъ, воздѣвши руки:
«Нашъ отецъ! дай пищи дѣтямъ!
Дай намъ пищи — иль погибнемъ!
Пищи дай для Миннегаги:
Умираетъ Миннегага!»
По отзывчатому лѣсу
Крикъ отчаянья раздался,
Но напрасно Гайавата
Ждалъ отвѣта: только эхо

Въ дальнихъ чащахъ повторяло:
«Миннегага! Миннегага!»

Цѣлый день въ лѣсу пустынномъ
Онъ бродилъ, въ тѣхъ самыхъ чащахъ,
Гдѣ, въ веселые дни лѣта,
Шелъ онъ изъ земли дакотовъ
Въ свой вигвамъ, съ женой прекрасной.
Въ это памятное лѣто
Лѣсъ шумѣлъ листвой зеленой,
Птицы въ немъ такъ громко пѣли,
Ручейки, блестя, журчали,
И душистъ былъ теплый воздухъ,
А Смѣющаяся Струйка
Твердымъ голосомъ сказала:
«Я пойду съ тобою, мужъ мой!»

Между тѣмъ, въ своемъ вигвамѣ,
Подъ надзоромъ двухъ незванныхъ
И непрошенныхъ пришельцевъ,
Голода и лихорадки,
Умирала Миннегага.

— «Чу!» она сказала бабкѣ:
«Чу! я слышу плескъ и грохотъ
Водопадовъ Миннегаги!»
— «Нѣтъ, дитя мое»,—Нокомисъ
Отвѣчала:—«это сосны,
Это лѣсъ шумитъ отъ вѣтра!»

— «Посмотри-ка: вонъ отецъ мой:
Онъ стоитъ въ своемъ вигвамѣ,
Одиноко у порога,
И киваетъ мнѣ оттуда!»
— «Нѣтъ, дитя, тебѣ киваетъ

Дымъ, и вверхъ и внизъ колеблясь».
— «Ай!» вскричала Миннегага:
«Ахъ! какъ страшно смотритъ Погокъ! *)
Вотъ онъ пальцами своими
Ледяными сжалъ мнѣ руки...
«Гайавата! Гайавата!»

И за много миль оттуда,
Между горъ, въ лѣсу дремучемъ,
Гайавата, съ болью въ сердцѣ,
Услыхалъ тотъ крикъ внезапный,
Что̀ взывалъ къ нему тоскливо:
Гайавата! Гайавата!»

По бѣлѣющимъ равнинамъ,
Подъ нависшими вѣтвями,
Онъ стремительно помчался
Въ свой вигвамъ, съ тяжелымъ сердцемъ
И съ руками безъ добычи.
И услышалъ у порога
Причитанія Нокомисъ:
«Вагономинъ, вагономинъ!
Ахъ, зачѣмъ не я погибла!
Не тебѣ, а мнѣ бы нужно
Умереть, моя родная!»
А въ вигвамѣ онъ увидѣлъ
Трупъ холодный Миннегаги,
У котораго сидѣла
Бабка старая Нокомисъ
И, покачиваясь тихо,
Завывала съ причитаньемъ.

И изъ сердца Гайаваты
Вырвался такой ужасный

*) Погокъ — смерть.

Крикъ отчаянья, что лѣсъ весь
Застоналъ и содрогнулся,
И что даже звѣзды въ небѣ
Отъ него затрепетали.

Сѣлъ безмолвно Гайавата
На постелю Миннегаги,
Возлѣ ногъ жены умершей,
Возлѣ ногъ, что̀ никогда ужъ
Не пойдутъ ему навстрѣчу!
Онъ закрылъ лицо руками
И сидѣлъ семь сутокъ сряду,
Безъ движенья, безъ сознанья —
Что теперь творится въ мірѣ:
Свѣтитъ день, или всю землю
Тьма окутала ночная.

Схоронили Миннегагу,
Сдѣлавъ ей въ снѣгу могилу,
Въ тишинѣ густого лѣса,
Подъ тоскующею пихтой,
Нарядивши трупъ холодный
Въ богатѣйшія одежды
И затѣмъ ее окутавъ
Горностаевымъ покровомъ.
Тамъ четыре ночи сряду
Жгли костеръ, чтобъ освѣщать ей
Путь на Острова Блаженныхъ.
Гайаватѣ изъ вигвама
Тотъ костеръ въ лѣсу былъ виденъ;
Часто онъ, безсонной ночью,
Со своей вставалъ постели,
Наблюдая, чтобы пламя
Не погасло и во мракѣ
Духъ умершей не остался.

И простился Гайавата
Съ Миннегагою, взывая:
«О, прости, моя отрада,
Ты, Смѣющаяся Струйка!
Я свое въ могилѣ сердце
Схоронилъ, съ тобою вмѣстѣ,
И стремлюсь я за тобою
Всѣми мыслями моими!
Не ходи уже ты больше
Къ намъ работать и томиться,
Въ міръ, гдѣ голодъ, лихорадка
Изнуряють духъ и тѣло.
Скоро трудъ мой будетъ конченъ —
И пойду я за тобою,
Въ страны Вѣчнаго Понима
Въ царство будущаго вѣка!»

12.

Слѣдъ бѣлаго.

У рѣки, въ своемъ жилищѣ,
Надъ водою, льдомъ покрытой,
Возсѣдалъ суровый старецъ,
Одинокій и печальный.
Волосы его подобны
Были снѣжному сугробу,
Въ очагѣ его горѣло
Тускло, чуть замѣтно, пламя;
И старикъ дрожалъ и трясся,
Завернувшись въ вобэвайонъ,
Ветхій плащъ изъ бѣлой кожи,
Ничего кругомъ не слыша,
Кромѣ рева гнѣвной бури,

Ничего во тьмѣ не видя,
Кромѣ снѣга страшной вьюги,
Чтò, свистя, визжа и воя,
Въ вихряхъ бѣшеныхъ кружилась.

Угли всѣ уже покрылись
Бѣлымъ пепломъ, угасая,
Какъ предъ старцемъ появился
Вдругъ какой-то незнакомецъ.
Легкой поступью вошелъ онъ
Въ дверь открытую вигвама;
На его щекахъ цвѣтущихъ
Краска юности играла;
Кроткій свѣтъ его глубокихъ,
Чудныхъ глазъ сіялъ мерцаньемъ
Звѣздъ весеннихъ; лобъ украшенъ
Былъ вѣнкомъ изъ травъ душистыхъ;
Блескомъ солнца озаряла
Весь вигвамъ его улыбка,
А въ рукѣ держалъ онъ свѣжій
Пукъ цвѣтовъ, чтò все жилище
Наполнялъ благоуханьемъ.

«О, мой сынъ,—воскликнулъ старецъ,—
Счастливъ я, тебя увидѣвъ!
Сядь со мною на циновку,
У золы, едва горящей:
Скоротаемъ ночь мы вмѣстѣ.
Разскажи мнѣ, гдѣ бывалъ ты,
Что ты видѣлъ, и какія
Встрѣтилъ въ жизни приключенья;
А тебѣ поразскажу я
О своей великой силѣ,
О моихъ дѣлахъ чудесныхъ».

И старикъ при этомъ вынулъ
Изъ кармана трубку мира,
Очень старой, странной формы.
Онъ набилъ ее корою
Красной ивы, сверху уголь,
Положилъ, и эту трубку
Подалъ юношѣ, и началъ
Свой разсказъ такою рѣчью:

«Я силенъ: когда дышу я,
Чуть дохну я на окрестность —
Рѣки всѣ недвижны станутъ,
Воды всѣ окаменѣютъ!»

Гость ему на то съ улыбкой
Отвѣчалъ: «Когда дышу я,
Чуть дохну я на окрестность —
И мгновенно выбѣгаютъ
Изъ земли цвѣты и травы,
Рѣки съ шумомъ вдаль несутся!»

— «А когда встряхну своими
Я сѣдыми волосами,—
Продолжалъ старикъ суровый,
Мрачно хмурясь,—то мгновенно
Вся земля покрыта снѣгомъ,
Листья сыплются съ деревьевъ,
Сохнутъ, блекнутъ, погибаютъ,
Потому-что, стоитъ дунуть,
Только дунуть мнѣ — и нѣтъ ихъ!
Со своихъ озеръ и топей
Подымаются въ испугѣ
Мангъ и вэва и шухшухга —
И летятъ, летятъ далеко,
Потому-что мнѣ лишь стоитъ

Молвить слово — и ужъ нѣтъ ихъ!
Гдѣ нога моя ступаетъ,
Тамъ бѣгутъ лѣсные звѣри,
Прячась въ норы и пещеры,
Какъ кремень земля твердѣетъ!»

— «Стоитъ мнѣ тряхнуть кудрями,—
Молвилъ юноша, смѣяся,—
«Дождикъ теплый и пріятный
Съ шумомъ падаетъ на землю;
Весело свои головки
Подымаютъ всѣ растенья,
И опять къ своимъ озерамъ
Улетаютъ гусь и цапля,
Мчится ласточка стрѣлою,
Возвращаясь восвояси.
Гдѣ моя нога ступаетъ,
Тамъ луга всѣ зеленѣютъ
И волнуются цвѣтами,
Всѣ лѣса звучатъ отъ пѣсенъ,
А деревья всѣ темнѣютъ
Отъ густой зеленой листвы!»

Ночь прошла въ такихъ бесѣдахъ.
Вотъ изъ дальныхъ странъ Востока,
Изъ серебрянаго дома,
Какъ боецъ въ своемъ уборѣ,
Весь расписанный и пестрый,
Вышло солнце и сказало:
«Посмотрите, полюбуйтесь
На меня, на солнце — Джизисъ,
На великое свѣтило!»

И при этомъ появленьи
Отнялся языкъ у старца;

Сталъ пріятенъ, тепелъ воздухъ,
Стали сладко пѣть на кровлѣ
И опечи, и овейса,
Зажурчалъ ручей игриво—
И разнесся по вигваму
Нѣжный запахъ травъ растущихъ.
И Сэгвонъ — такъ звали гостя —
При разсвѣтѣ дня, яснѣе
Старика лицо увидѣлъ
Ледяное, и узналъ онъ,
Что съ Зимой онъ велъ бесѣду:
То былъ Пибоанъ суровый!
Съ глазъ его бѣжали слезы,
Какъ изъ тающаго снѣга
Ручейки бѣгутъ весною;
Тѣло стало умаляться,
Осѣдать все больше, больше,
Между тѣмъ—какъ, выше, выше
Солнце въ небѣ восходило.
Часть его исчезла въ воздухъ,
Часть ушла въ сырую землю,
И Сэгвонъ, на самомъ мѣстѣ
Очага, увидѣлъ первый,
Самый ранній цвѣтъ весенній,
Мискодидъ, въ зеленыхъ почкахъ.

Такъ весна пришла на сѣверъ,
Послѣ страшной зимней стужи,
Съ птицами, травой, цвѣтами,
Съ жизнью, радостью и блескомъ.
Направляяся на сѣверъ,
Мчался лебедь, манабизи;
Въ длинныхъ линіяхъ волнистыхъ,
Переломленныхъ на-двóе
Съ крикомъ несся вобивэва,

Бѣлый гусь; и, въ одиночку
Или парами, летѣли
Мангъ, нырокъ, звеня крылами,
Цапля синяя, шухшухга
И тетерька, мушкодаза.
На лугахъ и въ чащахъ лѣса
Щебеталъ овейса синій;
На гребнѣ вигвама сидя,
Пѣлъ опечи красногрудый;
Подъ навѣсомъ темныхъ сосенъ
Ворковалъ омими, голубь —
И изъ мрачнаго вигвама
Гайавата, онѣмѣвшій
Отъ печали безпредѣльной,
Услыхалъ ихъ звонкій голосъ,
Звуки ихъ призывныхъ пѣсенъ.
Вышелъ онъ на теплый воздухъ,
Глянулъ пристально на небо,
И на землю, и на во́ды.

Изъ своихъ скитаній дальнихъ
Въ страны Вэбона, къ Востоку
Той порой Ягу вернулся,
Полный чудныхъ приключеній
И неслыханныхъ диковинъ.
Вся деревня собралася,
Чтобъ его разсказы слушать.
Только всѣ надъ нимъ смѣялись,
Говоря: «вотъ ужъ и видно,
Что Ягу пришелъ: другому
Никому не удается
Чудеса такія видѣть.»

Онъ разсказывалъ: «Я видѣлъ
Море — больше Гитчи-Гюми,

И съ водой такою горькой,
Что никто и пить не можетъ!»

Слушатели посмотрѣли
Другъ на друга, улыбнулись
И сказали: «вотъ такъ враки!
Ко! да это быть не можетъ.»

— И на немъ, на этомъ морѣ,—
Продолжалъ Ягу,— шла лодка
Съ крыльями, и пребольшая...
Какъ сказать? ну больше рощи,
Выше самыхъ длинныхъ сосенъ!»

Старики, мужчины, бабы
Межъ собой переглянулись
И хихикнули лукаво;
«Нѣтъ!» они на то сказали:
‹Нѣтъ! мы этому не вѣримъ!›

— «Изъ жерла той лодки вышли,—
Продолжалъ опять разсказчикъ,—
Громъ и молнія!» При этомъ
Всѣ смѣяться громко стали
Надъ бѣднягой, и сказали:
«Что за вздоръ ты намъ городишь!»

— «Въ ней—сказалъ Ягу — въ той лодкѣ,
Въ той большой, крылатой лодкѣ,
Сотню воиновъ я видѣлъ,
И у всѣхъ ихъ были лица
Бѣлой выкрашены краской,
Бороды-жъ покрыты были
Волосами». Всѣ при этомъ
Надъ Ягу захохотали,

И закаркали съ насмѣшкой,
Какъ вороны на деревьяхъ:
«Ко! да что ты насъ морочишь
Такъ тебѣ мы и повѣримъ!»

И одинъ лишь Гайавата
Не смѣялся, а серьёзно
Отвѣчалъ на ихъ насмѣшки:
«Нѣтъ, Ягу сказалъ намъ правду!
То-жъ являлось мнѣ, въ видѣньи.
Видѣлъ я большую лодку
Съ крыльями; людей я видѣлъ
Бѣлолицыхъ, съ бородами.
Шли они изъ странъ Востока.
Гитчи-Мàнито могучій —
Онъ, Великій Духъ - Создатель —
Шлетъ ихъ къ намъ, съ своимъ велѣньемъ.
Гдѣ живутъ они — повсюду
Тамъ кишатъ, роятся амо, —
Пчелы, дѣлатели меда, —
Гдѣ нога ихъ только ступитъ,
Тамъ растетъ цвѣтокъ, намъ чуждый,
Намъ невѣдомый, который
«Слѣдомъ бѣлаго» зовется.
И когда они придутъ къ намъ,
Мы должны принять ихъ съ лаской,
Какъ друзей, какъ нашихъ братьевъ:
Это мнѣ сказалъ, въ видѣньи,
Гитчи-Мàнито могучій.

То-жъ видѣнье мнѣ открыло
Тайны дней еще далекихъ,
Тайны всѣ временъ грядущихъ.
Видѣлъ я, какъ шли на западъ
Неизвѣстные народы;

Вся страна была покрыта
Ихъ несмѣтными толпами.
Эти люди были бодры,
Работящи, безпокойны
И въ борьбѣ неутомимы.
На различныхъ говорили
Языкахъ они, но сердце
Билось въ нихъ одно; въ пустыняхъ,
По лѣсамъ стучали громко
Топоры ихъ; по долинамъ
Появлялися повсюду
Ихъ селенья; и носились
По рѣкамъ и по озерамъ
Ихъ большія лодки съ громомъ.
А потомъ передо мною,
Смутно, облаку подобно,
Пронеслось еще видѣнье,
Ужъ мрачнѣй; я въ немъ, съ тоскою,
Видѣлъ, ка́къ народы наши,
Позабывъ мои совѣты,
Племя съ племенемъ враждуя,
Ослабѣли и погибли
Отъ своихъ междоусобій;
Ка́къ ихъ жалкіе остатки
Убѣгали все на Западъ,
Дальше, дальше въ глубь пустыни,
Грустно, въ дикомъ безпорядкѣ,
Какъ обрывки тучъ отъ бури,
Какъ сухіе листья въ осень,
Разметаемые вѣтромъ!»

БРЕТЪ ГАРТЪ.

РЕЙНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

Мѣсто: замокъ на вершинѣ,
Обвиваемый плющомъ,
Стѣнъ громадная твердыня,
Изъ камней покрытыхъ мхомъ;
Флагъ надъ башнею съ зубцами,
И темница, съ вышины,
Смотритъ въ бездну, надъ струями
Мрачно блещущей волны;—
Теремъ нѣжнаго созданья
И разбойничій пріютъ,
Гдѣ любовь, и злодѣянье,
И насиліе живутъ.

Лица: смѣлый кровопійца,
Презирающій законъ,
Бигамистъ, отцеубійца,
Въ сталь закованный баронъ;
И, томимая тоскою,
Соблазненная краса,

Устремившая съ мольбою
Слезный взоръ свой въ небеса;
Воинъ, въ битвахъ закаленный,
Минестрель, монахъ, солдатъ,
И пустынникъ изнуренный,
И откормленный аббатъ.

Факты: буйныя потѣхи,
Безобразные пиры,
И тяжелые доспѣхи,
Пытки, плахи и костры;
И предсмертныя мученья,
И сѣкиры палачей,
Подземелья, привидѣнья
И зловѣщій звукъ цѣпей;
Клещи, дыбы и распятья,
Въ полночь колокола звонъ,
И молитвы, и проклятья,
И несчастной жертвы стонъ;
И глухой вассаловъ ропотъ,
Села въ пламени, въ крови,
И подъ липой страстный шопотъ,
Клятвы нѣжныя любви;
Придорожные герои,
Ограбленіе купцовъ,
И убійства, и разбои
Благородныхъ удальцовъ.

Вотъ вамъ рейнскія сказанья!
Вы найдете въ нихъ всегда
Всѣ возможныя дѣянья,
Кромѣ честнаго труда.
Провидѣнье охраняетъ
Знатныхъ рыцарей и дамъ,

А холоповъ присуждаетъ
Къ скорби, гнету и слезамъ.
Сильнымъ — блескъ и ликованье,
Слабымъ — бѣдность и печаль:
Вотъ вамъ рейнскія сказанья,
Ихъ всегдашняя мораль!

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

У мутныхъ водъ, долинъ, изборожденныхъ
Лопатами, спокойно ты стоишь,
И взоръ людей, корыстью изнуренныхъ,
Своей красой привѣтливо манишь.

Внушая мысль, которой выраженья
Нельзя найти въ смѣшеньи грубыхъ словъ:
Она дрожитъ отъ ихъ прикосновенья,
Какъ ткань твоихъ прекрасныхъ лепестковъ.

И рудокопъ, склонившись на лопату,
Свой тяжкій трудъ на время перервалъ—
И своему ближайшему собрату
Онъ на тебя съ улыбкой указалъ.

Но влага вдругъ глаза его покрыла,
Внезапно мысль видѣній свѣтлыхъ рой,
Въ его умѣ мелькнувши, пробудила,
И вылилась горячею слезой.

То вспомнились ему: земля родная,
Знакомая на нивѣ борозда,

И сѣнокосъ, и жатва золотая,
Плодъ мирнаго, здороваго труда.

Лишь на моментъ... И заступъ свой глубоко,
Сквозь ткань твою вонзилъ онъ въ грудь земли—
И по волнамъ нечистаго потока
Твои листки, качаясь, поплыли.

Но хоть на мигъ, все-жъ былъ въ твоей онъ власти,
Свой скромный трудъ ты выполнилъ, поэтъ:
Средь мутныхъ струй его тревожной страсти
Оставилъ ты сіяющій свой слѣдъ...

НАТАНЪ ГАСКЕЛЬ-ДОЛЬ.

МАЯЧНЫЙ СТОРОЖЪ.

Среди океана, на островѣ голомъ,
Гдѣ волны, съ напѣвомъ своимъ невеселымъ
Шумя, омываютъ холодный гранитъ,
Моя одинокая башня стоитъ.

Широко раскинулась бездна морская,
Со сводомъ небесъ свои волны сливая;
Вдали бѣлокрылыя видны суда,
Свой путь направляя Богъ знаетъ куда.

Днемъ издали мой островокъ одинокій
Замѣтенъ по массѣ гранита высокой,
А ночью — по свѣту изъ башни моей,
Надъ темнымъ стекломъ океанскихъ зыбей.

И здѣсь точно узникъ, лишенный свободы,
Съ товарищемъ прожилъ я многіе годы
И долгія ночи безъ сна проводилъ:
За этой коварной пучиной слѣдилъ.

Надъ ней проносилися бури съ востока,
И дикія волны вздымались высоко,
Ревѣлъ и ярился какъ звѣрь ураганъ,
Предательскій вкругъ собирался туманъ...

И колоколъ башни они заглушали;
Но мы неизмѣнно на стражѣ стояли,
Моляся Тому, Кто, державной рукой,
Всѣмъ правитъ на сушѣ и въ безднѣ морской.

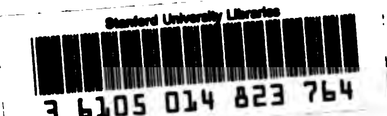
Но въ лѣтніе дни, когда все улыбалось,
Съ тоской въ моемъ сердцѣ мечта зарождалась
О дѣтяхъ веселыхъ, о милой женѣ...
Увы, суждено одиночество мнѣ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

Изъ англійскихъ поэтовъ.

Лордъ Байронъ.

Stanford University Libraries
3 6105 014 823 764

